

**БИБЛИОТЕЧКА
РОССИЙСКОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО
ЖУРНАЛА**

Г. В. Игнатенко А. В. Игнатенко

ИЗБРАННОЕ

ЕКАТЕРИНБУРГ 2012

УДК 341+34(37838)(082)

ББК Х91я43

ХЗ(О)32я43

И26

Игнатенко Г. В., Игнатенко А. В.

И26 Избранное. – Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2012. – 288 с., [4] отд. л. ил. – (Библиотечка «Российского юридического журнала»).

ISBN 978-5-7845-0392-3

В настоящей книге представлены статьи профессоров Г. В. Игнатенко по актуальным проблемам международного права и А. В. Игнатенко по античному государству и праву, опубликованные в «Российском юридическом журнале» в разное время. В сборник включены биографии Г. В. Игнатенко и А. В. Игнатенко, воспоминания их учеников, а также небольшие художественные произведения А. В. Игнатенко.

Студентам, аспирантам, преподавателям юридических вузов и факультетов, а также судьям, работникам прокуратуры и других правоохранительных органов

УДК 341+34(37838)(082)

ББК Х91я43

ХЗ(О)32я43

ISBN 978-5-7845-0392-3

© Г. В. Игнатенко,

А. В. Игнатенко, 2012

© Российский юридический журнал, 2012

Во втором выпуске Библиотечки «Российского юридического журнала» представлены материалы профессоров Геннадия Владимировича Игнатенко и Аргирь Валериановны Игнатенко, опубликованные в «Российском юридическом журнале» в разное время. Данное издание готовилось к 85-летию юбилею обоих авторов, но, к сожалению, выходит после их кончины.

В сборник включены биографии Г. В. Игнатенко и А. В. Игнатенко, воспоминания их учеников, а также небольшие художественные произведения Аргирь Валериановны. Статьи располагаются в хронологическом порядке для каждого из авторов. У Геннадия Владимировича отдельно выделен блок рецензионных материалов. Несмотря на небольшой объем, они дают представление о том, как нужно развивать это, не самое популярное сегодня, направление научной деятельности.

Редакция выражает признательность Владимиру Геннадьевичу Игнатенко – сыну четы Игнатенко – за предоставленные фотографии и материалы из семейного архива.

*Редакция «Российского
юридического журнала»*

ГЕННАДИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ИГНАТЕНКО

ОСНОВАТЕЛЬ УРАЛЬСКОЙ ШКОЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Геннадий Владимирович Игнатенко, уроженец г. Хабаровска, в 1952 г. окончил с отличием юридический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и был оставлен в аспирантуре на кафедре государственного права. В течение ряда лет он занимался вопросами государственного права зарубежных социалистических стран; его кандидатская диссертация, защищенная в 1956 г., посвящена представительным органам Китайской Народной Республики.

Первые шаги педагогической деятельности были сделаны на его родине – в Хабаровском филиале (впоследствии – факультете) Всесоюзного юридического заочного института, где он занимал должность старшего преподавателя, а затем доцента и заместителя декана факультета. В 1960 г. он был утвержден в ученом звании доцента.

С 1961 г. биография Геннадия Владимировича связана со Свердловским юридическим институтом (ныне – УрГЮА), куда он был направлен на работу. Здесь он занимал должность доцента, а позднее – профессора. В течение 27 лет (1972–1998 гг.) руководил кафедрой иностранного государственного и международного права.

Возглавляя кафедру, он создал в коллективе деловую обстановку, воспитал целое поколение высококвалифицированных педагогов и научных работников. Под его руководством около 30 аспирантов и соискателей подготовили и защитили кандидатские диссертации. Также он был научным консультантом по шести докторским диссертациям.

С середины 60-х гг. прошлого столетия Г. В. Игнатенко посвятил свою жизнь педагогической и научной деятельности в области международного права. В 1968 г. на заседании Совета

юридического факультета Ленинградского государственного университета он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему: «Основные закономерности образования государства в процессе национально-освободительной революции (правовое исследование)». В 1969 г. он получил ученое звание профессора.

Г. В. Игнатенко была создана научная школа, направленная на изучение (исследование) наиболее значимых и актуальных проблем международного права, в которую были вовлечены преподаватели и аспиранты кафедры.

Научные исследования Геннадия Владимировича, крупного ученого, одного из ведущих специалистов России (и СССР) в области международного права, охватывают общетеоретические проблемы международного права, вопросы международной правосубъектности, прежде всего статуса индивида как субъекта, проблемы соотношения международного и внутригосударственного права (различные аспекты взаимодействия международного и внутригосударственного права), а также нормативные и практические аспекты применения международных договоров как составной части правовой системы Российской Федерации, в том числе вопросы их судебного применения. Широкий научный кругозор, знание актуальных проблем не только международного права, но и других правовых дисциплин позволяли ему проводить глубокие научные сравнительные исследования по обширному кругу вопросов.

Идеи, высказанные Геннадием Владимировичем, нашли отражение и получили дальнейшее развитие в кандидатских диссертациях ряда аспирантов и соискателей.

Руководя подготовкой кандидатских диссертаций, он не давил на учеников своим научным авторитетом, а умело и деликатно направлял работу аспирантов, обращая их внимание на основные проблемы, связанные с раскрытием темы исследования. Геннадий Владимирович проявлял требовательность не только к содержанию работы, но и к стилю ее изложения. Обсуждение диссертаций, как, впрочем, и научных сообще-

ний на заседаниях кафедры, выливалось в широкую дискуссию, а высказанные критические замечания и предложения способствовали успешному завершению и защите диссертаций их авторами.

В разные годы Г. В. Игнатенко оказывал помощь в подготовке и защите докторских диссертаций, в том числе и автору этих строк. Его многочисленные ученики стали докторами юридических наук и в настоящее время успешно работают во многих городах России, возглавляют кафедры, занимают другие руководящие должности.

Геннадия Владимировича отличала феноменальная работоспособность. Его энергии хватало на различные виды деятельности: научную, учебную, общественную. Им опубликовано около 250 работ, в том числе 9 монографий, включая коллективные. Он автор многочисленных статей в российских и зарубежных журналах и сборниках; он ответственный редактор и один из авторов сборников по международному праву. Несомненный интерес для всех правоведов представляет его последняя работа «Международное право и внутригосударственное право: проблемы сопряженности и взаимодействия» (Сборник научных публикаций за сорок лет (1972–2011 годы). М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 416 с.), в которой рассматриваются вопросы соотношения международного и внутригосударственного права. Фундаментальные работы Г. В. Игнатенко получили высокую оценку ученых и практических работников.

Значительны заслуги Геннадия Владимировича как профессора и преподавателя высшей школы в подготовке учебной литературы. Он руководитель авторских коллективов семи изданий учебника «Международное право», пять из которых опубликовано в издательстве «Норма» (1999–2009 гг.), чему предшествовали выпуски в издательстве «Высшая школа» (1978, 1995 гг.). Геннадий Владимирович проявлял интерес к проблемам исследования смежных дисциплин, он приглашался в качестве соавтора таких учебников, как «Теория государства и права», «Международные организации», а также

учебников по государственному праву зарубежных стран, конституционному праву Российской Федерации. Г. В. Игнатенко соавтор ряда изданий учебника «Международное право» (в том числе и на иностранных языках), трех изданий «Практикума по международному праву» (М.: Норма), двух глав «Курса международного права» (М.: Наука, 1989 (гл. 8); 1992 (гл. 3), сборника документов по международному праву, нескольких учебных и методических пособий и комплексов по международному праву. Эта учебная литература широко используется в учебном процессе.

Следует отметить, что глубокие по содержанию лекции Геннадия Владимировича вызывали у студентов большой интерес и получали высокую оценку, в том числе за методику изложения. По приглашению Геннадий Владимирович читал циклы лекций в Киевском, Ташкентском, Латвийском, Иркутском, Дальневосточном университетах; выступал с докладами в вузах Москвы и Ленинграда, Харькова и Казани, Перми, Тюмени и других городах. Он сыграл большую роль в упрочении позиций курса «Международное право» в системе высшего юридического образования; им был разработан спецкурс «Международное право как необходимый компонент высшего юридического образования».

Обширен был круг его научного общения. Участвуя в многочисленных всесоюзных, всероссийских (от Улан-Удэ до Санкт-Петербурга, Киева, Харькова и Кишинева) и международных научных конференциях и симпозиумах, Геннадий Владимирович выступал с интересными докладами и сообщениями, высказывал свои идеи, излагал свою позицию по актуальным проблемам международного права. Он поддерживал постоянные творческие связи с учеными многих вузов своей страны и зарубежных государств. Плодотворной была его работа и в рамках Советской (ныне – Российской) ассоциации международного права, членом исполкома которой он многократно избирался, а в 2000 г. был избран ее вице-президентом.

На протяжении многих лет многогранная научно-педагогическая деятельность Г. В. Игнатенко совмещалась с работой в научных журналах. Он был главным редактором «Российского юридического журнала», издаваемого УрГЮА, с момента основания в 1993 г. до 2007 г., а позднее – членом его редколлегии. Он много сил и времени отдавал этой важной работе. Требовательный к содержанию и стилю изложения представленных авторами статей, он внимательно изучал их и тщательно редактировал, не допуская на страницы журнала слабые, неглубокие по содержанию материалы. Благодаря Г. В. Игнатенко «Российский юридический журнал» стал авторитетным изданием, признанным юридическим сообществом. Заложенные Геннадием Владимировичем традиции продолжили последующие главные редакторы. Также Г. В. Игнатенко состоял членом редколлегии журнала «Правоведение», редакционного совета «Московского журнала международного права»; он был одним из создателей и членом редколлегии информационного бюллетеня «Совет Европы и Россия». В качестве члена редколлегии журнала «Правоведение» и главного редактора «Российского юридического журнала» он участвовал в научных дискуссиях в Ленинграде, Москве, Тбилиси, Тарту.

Г. В. Игнатенко в различное время входил в состав советов по защите кандидатских и докторских диссертаций в Ленинградском и Казанском госуниверситетах, двух советов в Уральской государственной юридической академии. Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. он являлся членом экспертного совета Высшей аттестационной комиссии.

Не представляется возможным описать всю многогранную педагогическую, научную и общественную деятельность Г. В. Игнатенко, многие направления которой получили заслуженную высокую оценку. Он был избран почетным профессором УрГЮА и почетным профессором Национального университета им. Кунаева (г. Алматы, Казахстан). Отмечен такими государственными и ведомственными наградами, как орден «Знак Почета», «Орден Дружбы», медали им. А. Ф. Кони,

им. Г. И. Тункина, и рядом других медалей, премиями Ф. Ф. Мартенса и Гуго Гроция, знаком «100-летие города Хабаровска», почетным знаком «За особые заслуги перед УрГЮА» и другими знаками отличия. Ему присуждены почетные звания «Заслуженный деятель науки РСФСР» (с 1992 г. – Российской Федерации) и «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Г. В. Игнатенко проработал в юридических вузах свыше 55 лет, более 50 из них – в СЮИ – УрГЮА. Проследившая годы совместной работы на кафедре, на которую я был принят преподавателем в 1966 г. после окончания очной аспирантуры по специальности «Государственное право», т. е. более 45 лет назад, я вижу тот огромный труд, который он проделал в коллективе кафедры, а также Института (позднее – Академии) в целом. Его глубокие по содержанию научные выступления на заседаниях кафедры, Ученом совете Академии и диссертационных советах вызывали большой интерес у присутствующих. Он оказал значительное влияние на каждого члена кафедры, каждого своего ученика в становлении их как преподавателей и будущих ученых, за что они всегда выражали ему, своему наставнику и учителю в самом высоком смысле этого слова, искреннюю благодарность. Геннадий Владимирович был отзывчивым и чутким человеком, уважительно относился к коллегам по работе, аспирантам, студентам, ко всем тем, с кем ему приходилось общаться. Он всегда был увлечен своей работой, стремился свои научные идеи реализовать в публикациях и выступлениях.

Наряду с повседневной работой, Геннадий Владимирович в свободное время, в часы отдыха увлекался фотографией, делал очень интересные снимки, умел поймать тот момент, тот самый миг, который надо запечатлеть. Его прекрасные фотографии, выставлявшиеся на кафедре, в редакции «Российского юридического журнала», в главном учебном корпусе Академии, всегда вызывали повышенный интерес, ими можно было любоваться. Я видел его в качестве фотографа-люби-

теля во время морского круиза по Балтийскому и Северному морям, когда он делал многочисленные снимки в разных скандинавских странах, особенно в Норвегии, когда теплоход шел по водной глади фьордов с их неопишуемой красотой, в Исландии, где он снимал виды суровой природы этой самой северной страны Европы.

Геннадий Владимирович Игнатенко был высокоинтеллектуальным человеком, удивительно жизнерадостным, с превосходным чувством юмора. С ним было комфортно и приятно работать, получая добрые, полезные советы, помощь и поддержку.

Геннадий Владимирович Игнатенко – выдающийся ученый и высококвалифицированный педагог. Его отличали высокая эрудиция, широкий кругозор и глубокое знание проблем как международного, так и смежных отраслей права, новизна суждений и неординарность мышления. Таким он навсегда останется в летописи юридической науки, в памяти своих учеников, коллег, всех тех, кто его знал.

*П. И. Савицкий,
профессор, доктор юридических наук,
заведующий кафедрой
иностранного государственного
и международного права УрГЮА*

МОЙ УЧИТЕЛЬ

Геннадий Владимирович Игнатенко – замечательный человек, мой учитель. Он Учитель в самом высоком смысле этого слова.

На нашем курсе Геннадий Владимирович читал лекции по международному праву. Он был моим научным руководителем в аспирантуре. Хорошо помню первое время работы над диссертацией. Оно было очень трудным. Иногда охватывали отчаяние и паника: сидишь над чистым листом бумаги, не зная, что сказать и как.

Потом все же получается что-то «вымучить». Этот жалкий «научный лепет» отдавала на суд Геннадию Владимировичу и со страхом ждала приговора. Геннадий Владимирович всегда спокойно, обстоятельно, доброжелательно и тактично объяснял, что к чему, что не так, ободрял и вселял уверенность.

Не только аспирантура, но и все последующие годы были годами ученичества под руководством Геннадия Владимировича – международному праву и жизни – отношению к делу, людям, взаимоотношениям в коллективе.

Я, пожалуй, не припомню случая, чтобы я не просила Геннадия Владимировича посмотреть мою работу – статью или текст в учебник, что-то другое. Не только я, но и многие обращались с подобными просьбами. Мы отдавали Геннадию Владимировичу свои работы, можно сказать, на экспертизу, чтобы получить заключение: годится или не годится, а также в надежде на получение квалифицированных замечаний и советов. Доброта, сердечность, дипломатичность удивительным образом сочетались в нем с твердостью, требовательностью, умением проявить принципиальность, поставить преграду халтуре. Именно поэтому его положительная оценка и поддержка работы, которую многим хотелось получить, служила своеобразным сертификатом качества.

Еще Геннадий Владимирович обладал редким качеством – умением ценить и оценивать труд других, радоваться их успеху.

Хотелось также отметить вклад Геннадия Владимировича в науку международного права, широкий диапазон его научных интересов: взаимодействие международного и внутригосударственного права, проблемы международной правосубъектности, борьба с преступностью, применение норм международного права в сфере внутригосударственных отношений. Его работы отличает высокий уровень юридической эрудиции, глубокое проникновение в суть проблемы, юридический анализ деталей, тонкостей, нюансов – «микрочастиц» международно-правовой материи, убедительная аргументированность выводов. Работы Геннадия Владимировича были, есть и будут научно-теоретической опорой для исследований самых разных вопросов международно-правовой науки.

*В. Я. Суворова,
доцент кафедры
иностранного, государственного
и международного права УрГЮА*

МОЙ ПЕРВЫЙ «ГЛАВНЫЙ»

Я познакомился с Геннадием Владимировичем, когда был еще студентом – он читал на следственно-криминалистическом факультете курс международного права. Его лекции сильно отличались от того, что чаще всего приходилось слышать, – была не занудная диктовка, а свободный увлеченный рассказ с яркими примерами и четкими смысловыми ориентирами. Кафедральный учебник, тот самый, что выдержал под началом Геннадия Владимировича 5 изданий, был еще на подходе (он вышел лишь к началу сессии), но это нисколько не помешало подготовиться и сдать экзамен на «отлично». Увлечение международным правом сохранилось, и на выпускном курсе я попросил Геннадия Владимировича стать моим руководителем по дипломной работе, а потом научным руководителем в аспирантуре. Мне сложно сравнивать с другими учеными, но Геннадий Владимирович был, без преувеличения, самым правильным научным руководителем – нет излишней опеки, когда ты говоришь, тебя слышат и помогают, четко ставят задачу и жестко спрашивают и критикуют, когда нарушены сроки, не говоря о той атмосфере истинно научного спора, которая витает при обсуждении, помощи и поддержке, которые так нужны на защите.

Меньше чем через год после успешной защиты Геннадий Владимирович предложил мне стать его заместителем в редакции «Российского юридического журнала», и я не мог не согласиться. Геннадий Владимирович стоял у истоков журнала – по его инициативе и при его активном участии в 1992–1993 гг. создавался «РЮЖ». На протяжении 13 лет он возглавлял и определял развитие журнала. Именно благодаря усилиям Геннадия Владимировича журнал стал признанным, востребованным учеными и практиками, подлинно научным изданием. Когда в конце 2006 г. Геннадий Владимирович ушел с должности, он не оставил журнал, а стал одним из са-

мых ответственных и строгих членов редакционной коллегии, оставаясь всегда нашим первым «главным» (<http://www.ruzh.org/?q=node/37>).

Геннадий Владимирович был не только талантливым ученым, прекрасным научным руководителем, интеллигентным организатором, но и блестящим фотографом. Это, наверно, покажется забавным, но больше всего он гордился своей фотографией, опубликованной в одной из газет. Часть его работ украшает стены редакции. И, кстати говоря о редакции, – сейчас она располагается в комнате, где в самом начале своей работы в СЮИ жил Геннадий Владимирович со своей семьей (тогда на Комсомольской, 23 были и жилые помещения для преподавателей). Вот такие замечательные совпадения иногда случаются, а может быть и не совпадения.

Есть распространенная фраза: «Талантливый человек талантлив во всем». Применительно к Геннадию Владимировичу это отнюдь не клише, а стопроцентная правда.

*И. В. Федоров,
главный редактор «Российского
юридического журнала»*

**ДОРОГОМУ ДРУГУ И ТОВАРИЩУ
ПРОФЕССОРУ
ГЕННАДИЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ ИГНАТЕНКО
В ДЕНЬ ЮБИЛЕЯ**

Ты по жизни шагаешь уверенно,
С чувством долга, достойно, без лести.
Это я говорю совершенно намеренно –
Ты для всех образец благородства и чести.

Ты крупнейший ученый и лектор от Бога,
И в тебя влюблены все студентки немного.
Но ты любишь одну, по-русски, без мудрости,
Ту, с которой делил и успехи, и трудности.
Если вдруг загрустишь, опечалишься вроде,
То взгляни поскорее на сына – Володю...

Я желаю успехов, здоровья и счастья,
Пусть пройдут стороной холода и ненастья...
Ну, а чтобы болеть перестала коленка,
Выпьем вместе с тобой, мой родной Игнатенко!
2007 г.

*Л. Я. Драпкин,
заслуженный деятель науки,
доктор юридических наук, профессор УрГЮА*

СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ Г. В. ИГНАТЕНКО

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Российская Федерация выступает вовне, в межгосударственных отношениях, как целостный субъект международного права. Соответственно заключаемые в процессе реализации ее правосубъектности международные договоры подлежат исполнению и применению в пределах юрисдикции федеративного государства.

Положение Венской конвенции о праве международных договоров¹ об обязательности договора «для каждого участника в отношении всей его территории» (ст. 29) действительно и для федеративных государств. Это общее правило конкретизировано в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (ст. 28) и в Международном пакте о гражданских и политических правах (ст. 50)²: постановления каждого пакта «распространяются на все части федеративных государств без каких бы то ни было ограничений или изъятий».

Конституция Российской Федерации не содержит нормы относительно общедоказательного действия международных договоров Российской Федерации. Однако именно на это ориентировано конституционное положение, объявляющее общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации «составной частью ее правовой системы» (ч. 4 ст. 15). Имеется в виду, очевидно, не «поглощение» внутренним правом международного права, не лишение международных договоров их собственной нормативной значимости, а признание и предписание непосредственного применения органами Российской Федерации договорных и иных международных норм

* Российский юридический журнал. 1995. № 1.

совместно с нормами российского законодательства, а также приоритетного применения договорных норм в коллизионных ситуациях. В таком контексте формула ч. 2 ст. 4 Конституции «Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации» допускает расширительное толкование, охватывающее и международные договоры Российской Федерации.

В Российской Федерации, как и ранее в Союзе ССР, как и в других федеративных государствах, первичным является вопрос о формах участия в международной деятельности федерации, в осуществлении ее международной правосубъектности, прежде всего договорной правосубъектности, членов (субъектов) федерации. Вопрос этот не стал у нас объектом конституционного регулирования, но частично решается в Законе РФ «О международных договорах Российской Федерации», где предусмотрено, что международный договор РФ, затрагивающий вопросы, отнесенные к ведению субъекта РФ, заключается по согласованию с соответствующими органами государственной власти субъекта, а при разработке договора, затрагивающего полномочия субъекта РФ по предметам совместного ведения РФ и ее субъектов, предложения соответствующих органов субъекта рассматриваются при подготовке проекта.

Конституция непосредственно касается другого вопроса – выполнения международных договоров РФ, включая эту деятельность в сфере совместного ведения РФ и ее субъектов (п. «о» ст. 72).

При любом варианте регулирования – на уровне конституционной нормы либо нормы федерального закона – представляется оптимальным такое решение, при котором в процессе заключения и выполнения международных договоров РФ правовая позиция субъектов федерации в пределах их собственных властных полномочий, как это зафиксировано в ст. 73 и в ч. 4 ст. 76 Конституции РФ, имела бы не факультативный, а решающий характер. Такой подход не только соответствует статусу субъекта РФ, но и способен обеспечить юридическое основание для надлежащего применения субъек-

ектами договорных норм федерации, реализации ее международных обязательств.

Закон о международных договорах ограничивается установлением, что органы государственной власти субъектов РФ обеспечивают в пределах своих полномочий выполнение международных договоров.

Имеется опыт частных решений применительно к конкретному договору или к группе однородных договоров. Такой опыт накоплен в условиях СССР, когда союзные акты о порядке применения в СССР международных договоров и выполнения вытекающих из них обязательств определяли формы участия республиканских органов, и существенно обогащен за годы самостоятельного статуса Российской Федерации. Один из примеров: Верховный Совет РФ, ратифицируя 12 августа 1993 г. Конвенцию о защите Черного моря от загрязнения, поручил Совету Министров – Правительству РФ принять меры к обеспечению выполнения Российской Федерацией обязательств, вытекающих из этой конвенции³. Постановлением Совета Министров – Правительства РФ от 2 декабря 1993 г. «О мерах по организации выполнения Конвенции о защите Черного моря от загрязнения» соответствующие функции возложены на ряд федеральных органов «с участием... правительств республик в составе Российской Федерации, администраций краев и областей, расположенных в бассейне Черного моря»⁴.

Пришла пора перехода от индивидуальных решений к разработке комплексного правового механизма участия субъектов РФ в выполнении международных договоров РФ. Возможности регламентации его в Законе о международных договорах РФ упущены.

Высказываясь за регламентацию на уровне федерального закона такого механизма (пожалуй, лучше сказать: общегосударственных принципов этого механизма), я вместе с тем считаю полезным и правомерным конкретное регулирование его региональных компонентов на уровне субъектов РФ, имея

в виду их право на собственное правовое регулирование в рамках властных полномочий.

Что же касается международной деятельности самих субъектов, то на федеральном нормативном уровне пока больше пробелов, чем решений. В актив можно занести положения Федеративного Договора, согласно которым республики в составе РФ являются самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических отношений, а края, области, автономная область, автономные округа, города федерального значения – самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических связей (ч. 2 ст. III каждого из трех договоров от 31 марта 1992 г. о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти соответствующих субъектов), и конституционную норму о координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ как предмете совместного ведения РФ и ее субъектов (п. «о» ст. 72)⁵. Закон о международных договорах РФ не предназначен для регламентации самостоятельных договорных действий субъектов.

На таком федеральном правовом фундаменте вряд ли осуществимо возведение конструкции международно-правового статуса субъектов РФ. Между тем именно с состоянием федеральной регламентации принято соотносить международно-правовой статус ее субъектов, включая их договорную правоспособность. Примечательно заключение Комиссии международного права ООН, сформулированное три десятилетия тому назад: «Государства – члены федерации могут обладать способностью заключать международные договоры, если такая способность допускается федеральной Конституцией в установленных ею пределах»⁶. В наши дни подобная аргументация используется и для более весомого вывода о международной правосубъектности: «Как субъекты международного права члены федерации могут выступать лишь в том случае, если законодательство федерации признает за ними это качество (право от собственного имени заключать договоры, обмениваться делегациями, представительствами и т. д.)»⁷.

В российской правовой системе более щедрым на регламентацию стал региональный нормативный уровень. В конституциях республик в составе РФ и в первых областных уставах содержатся достаточно определенные и вместе с тем совсем не равнозначные положения об их международно-правовом статусе⁸.

Следует отметить, что словосочетание «субъект международного права» применительно к статусу республики в составе Российской Федерации употреблено только в одном акте – Конституции Республики Татарстан (ст. 61)⁹. Однако более существенное значение имеют нормативные положения, определяющие полномочия республики.

«Республика Татарстан, – записано в ч. 1 ст. 62 ее Конституции, – вступает в отношения с другими государствами, заключает международные договоры, обменивается дипломатическими, консульскими, торговыми и иными представительствами, участвует в деятельности международных организаций, руководствуясь принципами международного права». Аналогичен текст ч. 2 ст. 74 Конституции Республики Башкортостан, только здесь принципам международного права посвящена специальная статья (75-я). Право республики заключать международные (межгосударственные) договоры закреплено также в конституциях Республики Бурятия (ч. 2 ст. 13), Республики Дагестан (ст. 66) и др. В тех же конституциях, где не говорится о праве заключения международных договоров как о полномочии республики (Республика Коми, Республика Тыва, Республика Северная Осетия-Алания и др.), к ведению высших органов отнесены подписание, ратификация и денонсация международных договоров¹⁰.

В Уставе Свердловской области закреплено право области выступать самостоятельным участником международных и внешнеэкономических связей, заключать соответствующие договоры (соглашения), предусмотрены полномочия губернатора области вести переговоры и подписывать договоры и полномочие законодательного собрания ратифицировать договоры (ст. 13 и п. «г» ст. 46)¹¹.

Материал для размышлений содержится в договорных актах федерально-регионального характера. Как известно, 15 февраля 1994 г. между Российской Федерацией и Республикой Татарстан, а 3 августа 1994 г. между Российской Федерацией и Республикой Башкортостан были подписаны договоры о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти названных республик¹².

Дело в том, что внутрифедеральные договоры применительно к международной деятельности республик вносят определенные коррективы. Так, не воспроизводятся в договорах республиканские конституционные правила об обмене дипломатическими, консульскими, торговыми и иными представительствами. Самое же существенное – это дополнение принятой в конституциях формулы о заключении международных договоров (соглашений) словами: «не противоречащих Конституции РФ, республиканской конституции и настоящему договору», а в случае с Республикой Татарстан – и «международным обязательствам Российской Федерации».

К сути указанного дополнения я еще вернусь, а пока отмечу, что такого рода оговорка: республика (область) «является самостоятельным участником международных и внешнеэкономических отношений (связей), если это не противоречит...», – была использована в конституциях Республики Коми (ст. 62), Республики Карелия (ч. 6 ст. 1), уставах Свердловской (ст. 13) и Пермской областей (в последнем в ч. 1 ст. 16 слова «международных и внешнеэкономических связей» заменены словами «внешнеэкономических и иных внешних связей»). Отмечаются различия в перечне актов, которым не должны противоречить эти отношения (связи), однако ссылка на Конституцию РФ дана во всех упомянутых текстах.

Можно предположить, что принятая оговорка подразумевает и конституционные предписания о предметах ведения. Но все же не надо забывать, что ценность правового акта в определенности, ясности нормативных формулировок. И было бы не лишним прямо записать в соответствующих актах, что

субъекты федерации являются самостоятельными участниками международных отношений (связей) и вправе заключать международные договоры в рамках их полномочий, в сфере их собственного правового регулирования, предусмотренного ч. 4 ст. 76 Конституции РФ.

В этом контексте заслуживает внимания формулировка ч. 2 ст. 13 Конституции Республики Бурятия, согласно которой Республика Бурятия осуществляет представительство в международных делах, заключает международные договоры и т. д. в пределах своего ведения.

Оговорка о пределах ведения имеет особое значение применительно к заключению международных договоров, поскольку с этим полномочием связаны юридические последствия в виде международных обязательств перед иностранными государствами, их политико-территориальными образованиями и иными контрагентами.

Не вдаваясь в размышления об оценке используемого в Конституции РФ «остаточного принципа» установления собственных предметов ведения субъектов РФ¹³, замечу лишь, что для такой деятельности, как заключение международных договоров, точное определение сферы международного сотрудничества и договорного регулирования субъектов является, с одной стороны, условием эффективного осуществления конституционной нормы о координации международных связей субъектов РФ, а с другой – критерием правомерности этих и сопутствующих им договоров в восприятии контрагентов.

Умолчание о связи международных отношений и договорной правоспособности с предметами ведения субъектов РФ способно породить «конкуренцию» договоров Российской Федерации и договоров ее субъектов, что обусловит потребность в механизме урегулирования вероятных коллизий.

Пожалуй, только в отношении внешнеэкономических связей можно говорить о накоплении достаточного опыта их договорного регулирования на уровне субъектов РФ.

Представляется важной и потенциально пригодной именно для такого уровня договорного регулирования сфера куль-

туры, образования, науки, здравоохранения. Вполне закономерно в Конституции РФ к совместному ведению РФ и ее субъектов отнесены общие вопросы образования, науки, культуры, координация вопросов здравоохранения (пп. «е» и «ж» ст. 72). Такая формулировка сохраняет за субъектами федерации достаточно широкий круг полномочий. Однако на уровне субъектов правовые решения выражены скромно. Согласно Конституции Республики Саха (Якутия) исключительно ведению республики подлежит руководство народным образованием, культурными и научными учреждениями, здравоохранением и т. п. (ст. 38). Лишь в отдельных актах можно встретить положения о внешних контактах субъекта в этой сфере. Так, к ведению Республики Бурятия ее Конституция относит установление и регулирование научных и культурных связей с зарубежными странами (ст. 63). В Уставе Свердловской области в перечне предметов ведения вопросы образования и культуры никак не обозначены (ст. 23), однако в гл. 14, посвященной воспитанию, образованию, культуре и науке, в числе обязанностей государственных органов названа следующая: «создавать условия для международного сотрудничества в сфере образования, культуры и науки и включения Свердловской области в единое российское и мировое культурное пространство» (п. «е» ст. 115).

Именно в сфере культуры, образования, науки, здравоохранения наряду с предусмотренной внешнеэкономической деятельностью могли бы быть реализованы потенциальные возможности международных связей субъектов РФ¹⁴.

Повод для размышлений дает Договор между Российской Федерацией и Королевством Бельгия о согласии и сотрудничестве от 8 декабря 1993 г., в ст. 9 которого сказано: «Договаривающиеся стороны считают, что такие сферы, как культура, образование, профессиональная подготовка, здравоохранение и научные исследования, являются одной из важных областей их сотрудничества.

В этих областях, которые находятся в компетенции Сообществ и Регионов Королевства Бельгия, Российская Феде-

рация готова заключить с упомянутыми Сообществами и Регионами соответствующие Соглашения и Договоренности согласно конституционным и законодательным предписаниям, действующим в обеих странах»¹⁵.

Как видно, при разработке и заключении этого договора с нашей стороны было проявлено почтительное отношение к международно-правовому статусу субъектов Бельгии как федеративного государства (по ее Конституции в ред. 1993 г.¹⁶). Но почему-то одновременно было допущено игнорирование подобного же статуса субъектов РФ, которым этот договор как бы отказывает в праве заключать по вопросам их собственной компетенции в аналогичных сферах непосредственные соглашения с субъектами Бельгии.

Реальная практика республик, областей и других субъектов РФ преодолевает центристские тенденции федеральных структур и дает примеры заключения международных договоров как с субъектами зарубежных федераций, так и непосредственно с некоторыми зарубежными государствами. Уважительное отношение к этой практике предполагает соответствующие федеральные законодательные решения и соответствующие межгосударственные договоренности Российской Федерации с зарубежными государствами.

Заслуживает внимания еще один вопрос: влияет ли международно-правовой статус членов федерации на международные права и обязанности самой федерации? Ответ не может быть простым и однозначным. Федеративное государство, составные части которого пользуются самостоятельными международными правами, как субъект международного права имеет те же качественные характеристики, что и любое другое государство. Но такое федеративное государство при осуществлении внешних сношений и заключении международных договоров связано собственными юридически закрепленными обязательствами перед своими членами. Соответственно – в аспекте своего конституционного статуса – оно не вправе без согласова-

ния со своими членами посягать на их прерогативы, включая международные¹⁷.

В международных договорах Российской Федерации ощутимы живучие «традиции центра», поскольку от имени федерации обретают договорную форму нормативные решения, выходящие за пределы исключительных полномочий РФ или совместного ведения РФ и ее субъектов. Ни в одном из подписанных в последние годы договоров общеполитического характера (о дружественных отношениях и сотрудничестве) нет положений, которые предусматривали бы такой же подход к международным договорным связям республик, областей и других субъектов РФ, какой был проявлен в упомянутом выше Договоре между Российской Федерацией и Королевством Бельгия о согласии и сотрудничестве, но уже только в отношении членов бельгийской федерации. Как паллиатив воспринимаются декларации общего характера о поощрении сотрудничества «на региональном и муниципальном уровнях» или «на региональном и локальном уровнях», содержащиеся в договорах с Канадой и ФРГ¹⁸, ибо в их текстах не фиксируется особый статус субъектов РФ, с одной стороны, и провинций Канады или земель ФРГ – с другой.

Необходимо разобраться в соотношении категорий «международные отношения» и «отношения с иностранными государствами», «международные договоры» и «договоры с иностранными государствами», имея в виду, естественно, компетенцию и деятельность субъектов Российской Федерации. Иначе говоря, надо выяснить, являются ли для субъектов любые международные отношения (договоры) отношениями (договорами) с иностранными государствами в том понимании, к которому мы привыкли, если речь идет о самой Российской Федерации и о других суверенных государствах¹⁹.

Весьма ощутима тенденция к отождествлению этих категорий в официальных документах, правовых актах самих субъектов.

Так, Республика Татарстан согласно ст. 62 ее Конституции вступает в отношения с другими государствами, заключает международные договоры, а ее президент согласно ст. 111 представляет Татарстан в международных отношениях, заключает договоры с иностранными государствами. Республика Башкортостан, как сказано в ч. 1 ст. 74 ее Конституции, является самостоятельным участником международных отношений, а по тексту ч. 2 этой же статьи вступает в отношения с иностранными государствами. Подобные формулировки представлены в ст. 66 Конституции Республики Дагестан.

В договорах Российской Федерации с Республикой Татарстан и с Республикой Башкортостан положения об участии в международных отношениях (об осуществлении международных связей) соседствуют с положениями об установлении отношений с иностранными государствами (см. соответственно п. 11 ст. II и п. 14 ст. 3).

Параллельно в актах других субъектов Российской Федерации применяются иные формулировки, ориентированные лишь на термин «международные отношения (связи)» и избегающие словосочетания «отношения с другими государствами» (например, ст. 21 и 73 Конституции Республики Тыва, ст. 62 и 85 Конституции Республики Коми, ст. 1 и 68 Конституции Республики Карелия, ст. 28 Степного Уложения (Основного Закона) Республики Калмыкия, ст. 13, 23, 46 Устава Свердловской области, ч. 2 ст. 28 Устава Оренбургской области).

Можно констатировать, что словосочетание «международные отношения (связи)» созвучно текстам Федеративного Договора и положению п. «о» ст. 72 Конституции Российской Федерации.

Не берусь судить о намерениях разработчиков указанных актов, воздержавшихся от употребления применительно к полномочиям субъектов РФ слов «отношения с другими государствами». Возможное предположение о намерении таким образом заменить признание допустимости непосредственных контактов с иностранными государствами безадресной

ориентацией на международные связи, презюмирующие контакты и с негосударственными структурами, получает в официальных документах и подтверждение²⁰, и опровержение²¹.

Меня более интересует другой вопрос, оставшийся «за кадром» во всех без исключения федеральных и региональных (субъектов федерации) актах и в договорах РФ с республиками в ее составе. Имеется в виду вопрос об отношениях субъектов РФ с однопорядковыми политико-территориальными единицами других федеративных государств – штатами США, землями ФРГ, провинциями Канады, сообществами и регионами Бельгии и т. д.

Представляется очевидным, что разноуровневые международные отношения типа: субъект РФ – иностранное государство (например, Республика Татарстан – Турецкая Республика, Республика Бурятия – Монголия, Республика Карелия – Финляндская Республика, Оренбургская область – Республика Казахстан, Приморский край – Япония) либо Российская Федерация – члены зарубежных федераций (РФ – земли ФРГ, РФ – сообщества и регионы Бельгии и т. п.) – потенциально и во многом уже реально способны подтвердить юридические возможности республик в составе РФ, краев, областей и т. д. Но такие асимметричные отношения имеют все же меньше шансов на бурное развитие, чем отношения равноуровневые: субъекты РФ – члены (субъекты) иностранных федеративных государств. Можно рассчитывать на включение в такого рода отношения политико-территориальных единиц унитарных государств при условии, естественно, позитивной позиции самих государств и их законодательства (определенный опыт уже имеется во взаимосвязях субъектов РФ с областями Казахстана, с областями Украины и входящей в ее состав Республикой Крым, с провинциями Китайской Народной Республики, с воеводствами Польши и др.).

Не должен породить трудности вопрос о компетенции при определении порядка заключения и выполнения международных договоров субъектов РФ. Здесь решающее значение

имеют как конституционная норма о верховенстве Конституции Российской Федерации и федеральных законов на всей территории РФ, так и специальное положение о координации международных связей субъектов РФ как предмете совместного ведения РФ и ее субъектов.

В этом нормативном контексте представляются целесообразными согласованные решения на федеральном и региональном уровнях: с одной стороны, федеральный закон о принципах координации и общих началах заключения международных договоров субъектов РФ, с другой – региональные (на уровне соответствующих органов республик, краев, областей и т. д.) законы о порядке заключения и выполнения международных договоров применительно к каждому субъекту (естественно, при наличии потребностей).

В отличие от государственно-правового статуса субъектов РФ, определяемого конституционными актами федерального и регионального уровней и внутрифедеральными договорами, в регламентации их международно-правового статуса принимают участие и нормы международного права. Пожалуй, выражение «принимают участие» пока не вполне современно, ибо воплощает в себе скорее идеал, нежели реальное состояние нормативного регулирования.

Дело в том, что сегодня и само международное право практически свободно от норм, которые хоть в какой-то мере определяли бы международно-правовой статус политико-территориальных образований, являющихся составными частями федеративных государств, и теория международного права не перегружена концептуальными положениями.

Начну с некоторых теоретических построений. Самое печальное – это использование и в наши дни жестких негативных формулировок, не оснащенных аргументацией и не ориентированных на творческий подход. На фоне действительных процессов в зарубежных федерациях как-то даже неловко воспринимать утверждение, что их субъекты «лишены... права выступать в международном общении», что «не признает

его за субъектами федераций и международное право»²². Еще удивительней выглядит подобное мнение в одном из новейших учебников международного права, где сказано, что «самостоятельность членов федерации не доходит до того, чтобы они были субъектами международного права». Далее следуют перечень федеративных государств, включающий и Россию, и вывод: «Во всех этих странах федерация в целом, а не ее члены являются субъектами международного права»²³.

Пожалуй, я не совсем прав относительно аргументов. Попытка объяснения есть: члены федерации, «как правило, не обладают внешней стороной государственного суверенитета, не могут осуществлять свою собственную внешнюю политику»²⁴.

Думаю, что не стоит в современных исследованиях реанимировать давно отвергнутую обусловленность международной правосубъектности наличием суверенитета и (или) иных атрибутов государственности. Вечные, как проблема *perpetuum mobile*, споры о возможности «суверенитета в суверенитете» (или двух суверенитетов на одной территории), о возможности «государства в государстве» не рассчитаны на однозначное решение. И пусть этот диспут сохраняется в теоретических построениях, а в юридических актах он вряд ли плодотворен и полезен. Впрочем, применительно к зарубежным государствам это их внутреннее дело. Я имею в виду словосочетания типа «кантоны суверенны...» (ст. 3 Конституции Швейцарского Союза 1874 г.), «республика-член – государство...» (ст. 6 Конституции Союзной Республики Югославии 1992 г.), Каракалпакстан – «суверенная республика» (ст. 70 Конституции Республики Узбекистан – здесь уже речь идет о составной части унитарного государства).

Наш собственный опыт богат конституционным воплощением идеи «суверенного плюрализма». И в нынешних республиканских конституциях щедро представлены выстраданные формулировки: «суверенное государство», «государственный суверенитет... есть неотъемлемое качественное состояние» и т. п.

Действующая Конституция Российской Федерации сумела решить нерешаемую задачу, охарактеризовав всех членов федерации как «равноправных субъектов» РФ (ч. 1 ст. 5) и тут же (ч. 2) обозначив республику как государство, причем весьма деликатным образом: «...республика (государство)...», – но не сопроводив словом в скобках перечень иных субъектов – край, область и т. д. Итак, то, что названо государством, равноправно с тем, что таким термином не обозначено.

Не оспаривая полезности подобных конституционно-терминологических решений, выражу лишь сомнение в целесообразности их перекося на оценку международно-правового статуса субъектов федерации, ибо тогда края, области и иные образования, не признанные государствами, бесспорно остаются за рамками самостоятельного участия в международных отношениях, тем самым опровергая нормы Федеративного Договора, а международная правосубъектность республик-государств делается уязвимой, поскольку на федеральном уровне их суверенитет не признается.

Обнадеживает, однако, тот факт, что в реальной жизни жесткие схемы не стали препятствием для самостоятельного участия субъектов любого ранга в международной деятельности и ее нормативной регламентации.

Предлагается и такая логическая схема. Конституция РФ не предоставила субъектам РФ «прав, необходимых для того, чтобы быть субъектом международного права». «Ни республики в составе РФ, ни тем более края, области и т. д. не являются государствами с точки зрения международного права и потому не обладают способностью заключать договоры, этим правом регулируемые»²⁵.

Действительно, в Конституции РФ (в отличие от Конституции СССР – применительно к союзным республикам) нет нормы о международной правосубъектности субъектов РФ, которые не являются государствами с точки зрения международного права. Но что касается участия в договорах, регулируемых этим правом, то здесь я бы не стал прибегать к столь

категоричным, а тем более априорным заключениям. И дело не только в несогласованности подобных заключений с упомянутыми официальными документами и договорной практикой субъектов РФ. Важен уровень международно-правовой экспертизы, а она не кажется безупречной.

Прежде всего вызывает возражение ссылка на Венскую конвенцию о праве международных договоров как на будто бы неоспоримый аргумент в пользу того, что международный договор представляет собой соглашение между государствами, регулируемое международным правом. Ведь в самой Конвенции сделана оговорка, что такое определение дано «для целей настоящей Конвенции», а данная Конвенция «применяется к договорам между государствами», но «не применяется к международным соглашениям, заключенным между государствами и другими субъектами международного права или между такими другими субъектами международного права» (ст. 1 и 3). Вот почему не стоит ссылаться на определение международного договора, данное в этой Конвенции, для выходящих за ее рамки обобщений.

То обстоятельство, что в структуре международного права пока нет норм общего характера, специально предназначенных для регулирования отношений с участием субъектов (членов) федеративных государств, должно восприниматься с учетом отсутствия и таких норм, которые бы препятствовали этим субъектам участвовать в международных правоотношениях и принимать на себя международные права и обязанности²⁶.

В такого рода констатации заложена презумпция правомерности тех локальных решений, которые восполняют пробелы общего международного права. Имеются в виду двусторонние договоры между соответствующими федеративными государствами и международные договоры с участием субъектов федераций.

Отечественный опыт еще не располагает к серьезным обобщениям. Он складывается из отдельных эпизодов на федеральном и региональном уровнях и включает в себя догово-

ренности по определенным вопросам, преимущественно экономического и гуманитарного характера.

В контексте общих принципов регулирования интересно Соглашение между Правительством СССР и Правительством Канады о сотрудничестве между союзными республиками Союза ССР и провинциями Канады от 20 ноября 1989 г.²⁷ Прочитую ст. 1 этого Соглашения: «Союзные республики Союза ССР и провинции Канады могут достигать договоренности о сотрудничестве по вопросам, подпадающим под их юрисдикцию. Такие договоренности будут ясным выражением их намерения прилагать все усилия для выполнения изложенных в нем обязательств». Здесь, таким образом, от имени федеративных государств санкционируются прямые взаимоотношения на уровне субъектов обеих федераций с их соответствующим оформлением.

Возвращаясь к неудачной, на мой взгляд, попытке использовать Венскую конвенцию о праве международных договоров для отрицания международной (в том числе договорной) правоспособности субъектов РФ, рискну применить аналогию с генезисом и эволюцией международно-правового регулирования договорных отношений между суверенными государствами. Каждый заключаемый государствами договор непосредственно регламентировал (и сегодня регламентирует) собственные содержательные, структурные и процедурные параметры. Постепенно сложился комплексный международный обычай в сфере договорного права «как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы» (ст. 38 Статута Международного суда). Конечный результат – конвенционная регламентация договорного права применительно к государствам и международным организациям.

Между тем этот конечный результат применительно к указанным договорам не означает завершения кодификации договорного права. Упомянутое конвенционное положение о договорах с участием других субъектов международного права можно расценить как признание множественности субъектов

и признание потенциальной возможности появления новых, нетрадиционных субъектов международного права.

И если в настоящее время договорные процессы, связанные с новыми субъектами, опосредованы конкретными договорными решениями и формирующимися на их основе международными обычаями, то в перспективе можно обозначить переход к испытанному конвенционному методу регулирования, предметом которого станет формирование комплекса норм о международных договорах с участием субъектов федеративных государств, обладающих ограниченной международной правосубъектностью. Промежуточной формой такого регулирования могли бы стать взаимопризнаваемые правила на уровне договоров между заинтересованными федеративными (а возможно, и иными) государствами об участии их субъектов в самостоятельных договорных отношениях международного характера.

В качестве краткого общего вывода отмечу, что международно-правовой статус субъектов Российской Федерации формируется как результат согласованного и совместного применения конституционных (иных внутригосударственных) и международных нормативных средств. В трудностях такого взаимодействия таятся и сложные проблемы, и обнадеживающие перспективы.

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

² Там же. 1976. № 17. Ст. 291.

³ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 35. Ст. 1417.

⁴ Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 50. Ст. 4885.

⁵ Так и не разгадана загадка, почему применительно к республикам употреблено слово «отношения», а к другим субъектам – «связи», которое в конституционном тексте дано в качестве обобщающего термина. Замечу, что в Уставе Оренбургской области терминологическая догма нарушена: в ст. 22 говорится о международных и внешнеэкономических отношениях Оренбургской области.

⁶ Yearbook of the International Law Commission. 1966. Vol. II. P. 191.

⁷ Международное право / отв. ред. Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов. М., 1994. С. 59.

⁸ На 1 февраля 1995 г. в распоряжении автора были официальные тексты вступивших в силу новых конституций Республики Саха (Якутия), Республики Татарстан, Республики Тыва, Республики Башкортостан, Республики Коми, Республики Бурятия, Республики Дагестан, Республики Северная Осетия – Алания, Республики Карелия (в ред. Закона от 20 января 1994 г.), Степного Уложения Республики Калмыкия, а также уставов Оренбургской, Пермской и Свердловской областей.

⁹ Комментарий к тексту данной статьи см.: Российский юридический журнал. 1994. № 1. С. 90.

¹⁰ Существенно отличается от других основных законов Степное Уложение Республики Калмыкия, ограничивающееся декларацией о развитии экономического, социального, культурного и гуманитарного сотрудничества на международной арене (ст. 12) и закреплением права президента представлять республику в международных отношениях (п. 3 ст. 28).

¹¹ Ведомости Свердловской областной Думы. 1995. Вып. 5. С. 10, 24.

¹² Известия Татарстана. 1994. 18 февр.; Известия Башкортостана. 1994. 6 авг.

¹³ Ограничусь тем, что выражу сомнение в безупречности суждения: «Объем и виды деятельности субъектов федерации настолько велики и разнообразны, что перечислить все, чем они обязаны заниматься и за что они ответственны, практически невозможно» (Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 1994. С. 237). Автор то ли лукавит, то ли всерьез полагает, что полномочия самой федерации не столь «велики и разнообразны», раз оказалось возможным их перечисление в Конституции.

¹⁴ Применительно к международным отношениям провинции Квебек (в Канаде), земель (в Австрии и ФРГ) высказано мнение, что «такие отношения относятся к сфере культуры и по существу не имеют публично-правового характера» (*Чиркин В. Е.* Основы сравнительного государственного права. М., 1994. С. 46). С таким суждением можно и поспорить, имея в виду, что вопросы культуры, образования и т. п. преимущественно входят в компетенцию публичного внутригосударственного и международного права.

¹⁵ Дипломатический вестн. 1994. № 1–2. С. 13.

¹⁶ *Moniteur belge*. 1993. № 91.

¹⁷ Как уникальную и весьма решительную можно квалифицировать формулировку ч. 3 ст. 33 Устава Оренбургской области: «Международные договоры Российской Федерации, затрагивающие предмет исключительного ведения, компетенцию и территорию Оренбургской области, могут быть оспорены в судебном порядке, если они заключены федеральными государственными органами без предварительного согласования с органами государственной власти области».

¹⁸ Статья 16 Договора о согласии и сотрудничестве между РФ и Канадой от 19 июня 1992 г. (Бюл. междунар. договоров. 1993. № 7. С. 65), ст. 13 Соглашения между Правительством РФ и Правительством ФРГ о культурном сотрудничестве от 16 декабря 1992 г. (Бюл. междунар. договоров. 1993. № 6. С. 54).

¹⁹ Здесь подразумеваются именно межгосударственные аспекты международных отношений без учета отношений с участием международных организаций и других производных субъектов международного права.

²⁰ Так, договоры и соглашения Республики Карелия в ее Конституции не именуется международными, как это принято при межгосударственных отношениях; в Уставе Пермской области договоры Пермской области определяются как «договоры с иностранными контрагентами» (ч. 4 ст. 16).

²¹ Названные выше договоры Российской Федерации с Республикой Татарстан и Республикой Башкортостан признают за этими республиками, как уже отмечено, право устанавливать отношения с иностранными государствами. Но станет ли такое признание общей нормой договоров РФ с другими субъектами федерации? Сомнительно. В Договоре РФ и Кабардино-Балкарской Республики такое право в перечне полномочий последней уже не названо.

²² Федерация в зарубежных странах. М., 1993. С. 13 (автор главы – В. И. Лафитский).

²³ Международное право / отв. ред. Г. И. Тункин. М., 1994. С. 90 (автор главы – А. Н. Талалаев).

²⁴ Бескомпромиссную концепцию сформулировал В. В. Пустогоаров: «Именно реальное существование государства с атрибутами суверенности делает его субъектом международного права». Свою весьма субъективную оценку он распространяет «и на такой вид государства, как член федерации», утверждая, что «подход к члену федерации как к суверенному государству особого статуса постепенно утверждается в отечественной и зарубежной литературе» (*Пустогоаров В. В. Международная деятельность субъектов федерации // Московский журн. междунар. права. 1992. № 2. С. 8, 9*). Его более позднее суждение выглядит следующим образом: «Государства-члены федерации, обладая ограниченным суверенитетом, сохраняют ограниченную международную субъектность» (*Пустогоаров В. В. Международные связи субъектов Российской Федерации и их правовое регулирование // Государство и право. 1994. № 7. С. 135*).

²⁵ *Лукашук И. И. Международное право в судах государств. СПб., 1993. С. 278.*

²⁶ *Курдюков Г. И. Международно-правовой статус федеративного государства // Междунар. науч.-практ. конф. «Федерализм – глобальные и российские измерения». Казань, 1993. С. 63.*

²⁷ Сб. междунар. договоров СССР. М., 1991. Вып. XLV. С. 28–20.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН О МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

В соответствии с Конституцией в ведении Российской Федерации находятся международные договоры Российской Федерации (п. «к» ст. 71). Эта лаконичная формула подразумевает исключительные полномочия государства как в заключении и прекращении действия международных договоров федерального уровня, так и в законодательном регулировании порядка заключения, выполнения и прекращения действия таких договоров.

В итоге сложного и многоэтапного процесса разработки и обсуждения ряда проектов, а на заключительной стадии – проекта, внесенного Президентом РФ 23 апреля 1994 г., Государственная Дума Федерального Собрания РФ 16 июня 1995 г. приняла Федеральный закон о международных договорах Российской Федерации. Закон был подписан Президентом РФ 15 июля 1995 г. и вступил в силу с 21 июля 1995 г. – со дня официального опубликования¹.

Положения Закона воплощают в себе основные принципы права международных договоров, отражают отечественную практику договорного оформления отношений с иностранными государствами и международными организациями.

Законопроект и Закон: приобретения в процессе обсуждения и принятия

Растянувшаяся во времени процедура реализации законодательной инициативы и многоэтапность парламентских слушаний способствовали тщательной проработке текста. Сам пре-

* Российский юридический журнал. 1995. № 4.

Соавторы: **С. Ю. Марочкин**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Тюменского университета; **В. Я. Суворова**, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА.

зидентский проект вобрал в себя все лучшее, что содержалось в предшествовавших ему проектах, учел предложения, исходившие от специалистов как на федеральном, так и на региональном уровнях. На заключительной стадии в указанный проект были внесены позитивные изменения и дополнения (коррективы затронули 13 его статей). В частности, более совершенными стали положения, касающиеся полномочий субъектов РФ в связи с их участием в договорном процессе. Так, в ст. 4 («Международные договоры РФ, затрагивающие полномочия субъекта РФ») добавлены пп. 3 и 4, решающие вопросы о сроках направления предложений субъектов РФ по проекту договора и об участии их представителей в его подготовке.

Важная норма появилась в ст. 31: «Российская Федерация до вступления для нее международного договора в силу воздерживается с учетом соответствующих норм международного права от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели» (п. 2). Здесь мы констатируем согласование законодательной регламентации с предписанием ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров.

Российский Закон и Закон СССР 1978 г.: краткое сопоставление

Новый Закон выгодно отличается от Закона СССР о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР. Во-первых, он шире по охвату проблем, богаче по предмету регулирования. Имеются в виду прежде всего нормы раздела «Общие положения», где, в частности, поясняются употребляемые термины, характеризуется роль международных договоров в правовой системе РФ, перечисляются способы выражения согласия РФ на обязательность для нее договоров. Во-вторых, Закону присуща детальная проработка многих нормативных положений. Нельзя не обратить внимания на оптимальную конкретизацию вопросов заключения договоров, а также прекращения и приостановления их действия. В-третьих, формулировки Закона РФ юридически более

совершенны, ощущается использование конструкций и текста Венской конвенции о праве международных договоров. В-четвертых, в Законе проявляется ориентация на внутригосударственное действие международных договоров.

**Закон и Венская конвенция
о праве международных договоров:
вопросы согласования**

Обусловленность нового Закона положениями Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., к которой СССР присоединился в 1986 г., несомненна и понятна². Речь идет как об использовании всемирных достижений международно-правового регулирования, так и о приведении национального законодательства в соответствие с общепризнанными нормами права международных договоров.

Подобная связь ощущается в ст. 2 «Употребление терминов»), ст. 6 «Выражение согласия РФ на обязательность для нее международного договора», во многих статьях разделов II «Заключение международных договоров» и V «Прекращение и приостановление действия международных договоров». В их контексте были бы вполне уместны ссылки на Венскую конвенцию 1969 г.

Очевидно особое, по сравнению с международной конвенцией, предназначение национального закона. Естественны их различия по структуре, конкретным объектам регламентации, содержанию отдельных положений. И все же возникают вопросы согласованности норм Закона с международно-правовыми нормами.

Один из таких вопросов – трактовка термина «заключение договора». По смыслу ч. II Конвенции заключение понимается как процесс, включающий в себя ряд стадий, в том числе принятие текста договора, установление его аутентичности, выражение согласия на обязательность договора. О вступлении в силу говорится за пределами регламентации, хотя, как известно, распространено суждение, что с вступлением в силу

завершается процесс заключения договора. В ст. 2 Закона разъясняются термины «подписание» и «заключение» (в ст. 2 Конвенции таких пояснений нет). Как нам показалось, здесь допущены неоднозначные оценки. Подписание характеризуется как стадия заключения договора (п. «в»), из чего следует придание категории «заключение» примерно того же смысла, что и в ч. II Конвенции. Вместе с тем заключение одновременно рассматривается как выражение согласия РФ на обязательность для нее договора (п. «г»). Но выражение согласия одного государства еще не свидетельствует о заключении договора, поскольку заключение предполагает согласованный между участниками договора комплекс действий. Обратим, кстати, внимание на то, что в ст. 2 Конвенции в перечне способов выражения согласия на обязательность договора такое понятие, как «заключение», отсутствует.

Не вполне понятна формула ч. 1 ст. 24 Закона: «Международные договоры вступают в силу для РФ в соответствии с настоящим Федеральным законом и в порядке и в сроки, предусмотренные в договоре или согласованные между договаривающимися сторонами». Если большая часть фразы воспроизводит с небольшими отличиями текст ч. 1 ст. 24 Конвенции, то ссылка на данный Закон не отражает его действительного содержания, ибо в нем нет специальных положений о вступлении договоров в силу (очевидно, и не может быть, поскольку это предмет решения, согласованного между самими участниками договора).

Размышления порождают и формулировки Закона относительно прекращения действия международных договоров. Обратимся к тексту ч. 1 ст. 37: «Прекращение (в том числе денонсация) и приостановление действия международных договоров РФ осуществляются в соответствии с условиями самого договора и нормами международного права органом, принявшим решение о согласии на обязательность международного договора РФ». Можно догадаться, что под нормами международного права понимаются прежде всего положения

Венской конвенции о праве международных договоров³. Прямая отсылка была бы предпочтительней. Но дело не только в этом. Содержащаяся в тексте и выделенная нами оговорка не поясняет принципиально важных черт денонсации как процедуры, обусловленной предварительным уведомлением других участников договора за установленный период до юридически значимого прекращения, а также особенностей прекращения договора вследствие его нарушения одним из его участников. Слова «прекращение (в том числе денонсация) и приостановление осуществляются органом» способны отвлечь внимание от сложности такой процедуры и нередко – ее продолжительности во времени. По смыслу нормы Закона компетентный орган не осуществляет прекращение действия договора, а лишь инициирует процедуру, включающую в себя как внутригосударственные действия, регламентируемые данным Законом, так и предусмотренные каждым договором и в определенной мере Венской конвенцией международные механизмы. В этом контексте возможно толкование и ст. 38 Закона о последствиях прекращения международного договора.

И еще один вопрос. Венская конвенция о праве международных договоров не регламентирует проблемы правопреемства. Ее положения, как сказано в ст. 73, не предreshают вопросы, которые могут возникнуть в отношении договора из правопреемства государств. Такой подход понятен в связи с разработкой специального акта – Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 г.⁴

В Законе термин «правопреемство» не используется, а применительно к соответствующим ситуациям говорится о международных договорах, «в которых Российская Федерация является стороной в качестве государства-продолжателя СССР» (ч. 3 ст. 1 и ч. 7 ст. 37). На наш взгляд, не следовало законодателю отбрасывать традиционный международно-правовой институт правопреемства, ибо РФ имеет сложную систему правоотношений, часть которых характеризует ее как государство-продолжателя СССР, а другая часть (и это зафиксировано

во многих договорах РФ и иных официальных документах) – как государство-преемника наряду с другими государствами, входившими в состав СССР.

**Закон и Конституция:
международные договоры
в правовой системе Российской Федерации**

Соотношение конституции государства и одного из его законов – прежде всего вопрос о высшей юридической силе основного закона и о соответствии ему всех других законов. Соотношение Конституции РФ и Федерального закона о международных договорах РФ – это в значительной мере и вопрос о согласовании регламентации места и роли международных договоров в правовой системе РФ.

Конституционная квалификация международных договоров РФ как составной части российской правовой системы (ч. 4 ст. 15) ориентирована, очевидно, на ее дальнейшую конкретизацию с целью придания ей нормативного содержания, обеспечивающего предусмотренное в ч. 1 ст. 15 прямое действие. И такая конкретизация предпринята в ч. 4 ст. 15, где предписывается применение правил международного договора в случаях противоречия им правил закона. Но эта давно вошедшая во многие отечественные законы норма, которой отныне придано конституционное значение, как бы высвечивает пробел конституционного регулирования, ибо в ч. 4 ст. 15 нет столь же ясного предписания относительно применения правил международного договора в нормальных ситуациях, когда между этими правилами и правилами закона нет противоречия, когда те и другие действуют в одном направлении.

В Законе параллельно с воспроизведением конституционных положений (чч. 1 и 3 ст. 5) предпринята попытка решения и данного вопроса. Цитируем полностью текст ч. 2 ст. 5 Закона: «Положения официально опубликованных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Россий-

ской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты».

Поскольку никаких иных формулировок по данной теме нет, допустимо предположение, что в приведенных двух фразах и содержатся необходимые нормативные предписания.

Отметим попутно, что такое решение переключается с положением ч. 2 ст. 7 Гражданского кодекса РФ, согласно которому международные договоры РФ применяются к гражданско-правовым отношениям непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание внутригосударственного акта.

Сама по себе констатация в нормах законов непосредственного применения, действия норм международных договоров в сфере внутригосударственных отношений – осязаемый прогресс. Но насколько здесь обязательна «связка» между таким применением и отсутствием потребности во внутригосударственном акте? Ведь в обоих текстах идея выражена однозначно: издание внутригосударственного акта, необходимого для применения договора или его отдельных положений (можно интерпретировать и как потребность в издании такого акта), является обстоятельством, исключающим непосредственное применение, действие международного договора.

Мы полагаем, что в аспекте общей теории правового регулирования и с позиций реального механизма действия международно-правовых норм обозначенный подход небезупречен.

Если мы признаем международные договоры составной частью правовой системы РФ, то тем самым переносим и на этот компонент общие принципы правоприменительного процесса. В частности, имеется в виду, что издание на основе закона и в целях его исполнения актов федеральных органов исполнительной власти не порождает каких-либо препятствий для непосредственного применения самого закона; просто закон «обрастает» сопутствующим правовым материалом, вследствие чего механизм его реализации становится более оснащенным.

Накопленный опыт реализации и обеспечения реализации международных договоров тоже не располагает к безоговорочному восприятию концепции, зафиксированной в ч. 2 ст. 5 Закона о международных договорах и в ч. 2 ст. 7 ГК.

В связи со вступлением в силу Конвенции о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются Президиум Верховного Совета СССР 10 августа 1979 г. издал указ о порядке выполнения обязательств, вытекающих для СССР из этой Конвенции. Существование такого указа и его содержание ни в коей мере не препятствуют непосредственному действию положений самой Конвенции; более того, прямо предусмотрено, что «соответствующие государственные органы руководствуются настоящим Указом и положениями названной Конвенции».

В связи с заключением Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения внутригосударственные акты принимались дважды: 4 августа 1976 г. – постановление Совета Министров СССР, 13 сентября 1994 г. – постановление Правительства РФ (в связи с чем постановление 1976 г. признано недействующим на территории РФ). Оба акта были предназначены для обеспечения выполнения названной Конвенции и вытекающих из нее обязательств, а отнюдь не для «отстранения» положений Конвенции от процесса непосредственного применения.

При оценке рассматриваемых формулировок надо учитывать проблемы, которые могут возникнуть при их толковании судами, другими органами государства, должностными лицами, хозяйствующими субъектами и гражданами, ибо далеко не всегда даже специалист способен разобраться в том, заключено ли в договоре требование издания внутригосударственного акта, а уже исходя из этого принять решение либо о непосредственном применении договора, либо о воздержании от применения с расчетом на появление специального акта.

Оптимальным вариантом комплексного регулирования вопросов непосредственного и (или) опосредованного внутригосударственными актами применения международных договоров могли бы стать более целенаправленные предписания разд. IV Закона «Выполнение международных договоров РФ». Такие формулировки, как: «подлежат добросовестному выполнению», «принимают меры, направленные на обеспечение выполнения», «обеспечивают выполнение», «осуществляют общее наблюдение за выполнением», – не вызывали бы претензий, если бы сопровождались столь же конкретными положениями, какими являются многие статьи разд. II и V. Хотелось бы видеть в разд. IV нормы о механизме выполнения и обеспечения выполнения договоров, предписания относительно непосредственного действия договоров, адресованные судам, другим государственным органам, должностным лицам, гражданам, правила соотношения (иерархии) межгосударственных, межправительственных и межведомственных договоров в сфере их внутригосударственного применения и т. д.

Поскольку возможности подобной регламентации в Законе о международных договорах упущены, мы высказываемся за разработку еще одного акта, посвященного выполнению международных договоров РФ. В нем могли бы получить воплощение следующие правила: о процедуре приведения законодательства в соответствие с заключенными международными договорами, а также о недопустимости ссылок на положения внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения договора (в согласии со ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров); о единой методике использования в законах и иных нормативных правовых актах отсылок к международным договорам и об унификации включаемых во многие акты статей о правовых основах деятельности с учетом международных договоров; о порядке издания специальных актов, регламентирующих выполнение договоров, осуществления договорных обязательств нашего государства; о принципах включения информации о международных договорах в Свод Законов Российской Федерации.

**Федеральное Собрание
и процедура заключения договоров:
поиск оптимального варианта**

Сложившаяся (причем не только в нашей стране) официальная схема разработки международных договоров предусмотрела весьма скромную роль высшего представительного органа. В контексте теории и принципа разделения властей традиционным стало не только разделение функций между исполнительной и законодательной ветвями власти, но и разграничение таких функций во времени, распределение по стадиям договорного процесса: исполнительная власть участвует в подготовке договора, в принятии его текста и установлении его аутентичности, а законодательная – осуществляет ратификацию уже принятого, подписанного договора, т. е. лишь выражает согласие на обязательность договора, если предусмотрена такая форма согласия, как ратификация.

Скромное изъятие из этого правила – включение палат Федерального Собрания, наряду с органами государственной власти субъектов РФ, Верховным Судом, Высшим Арбитражным Судом и некоторыми другими федеральными органами, в перечень тех, кто может представлять на рассмотрение Президента РФ или Правительства РФ рекомендации о заключении международных договоров (ст. 8). Более высокая стадия – предложения о заключении международных договоров (ст. 9) – уже не предусматривает участия палат Федерального Собрания, оставаясь прерогативой Министерства иностранных дел либо (с определенными оговорками) других федеральных органов исполнительной власти.

Высказанные в ходе обсуждения законопроекта суждения относительно изменения такой традиции и «вовлечения» Федерального Собрания в начальные стадии заключения договоров, которые входят в категорию подлежащих ратификации, не были приняты. Единственная «уступка» выразилась в том, что если по проекту Министерство иностранных дел обязано

было информировать Государственную Думу и Совет Федерации лишь о заключенных от имени РФ и ее Правительства международных договорах, то в окончательном тексте появилось дополнение: «По запросам палат Федерального Собрания Правительство обеспечивает предоставление информации о готовящихся к подписанию международных договорах» (ст. 7). Согласно разделу Закона, регламентирующему заключение международных договоров, Государственная Дума вступает в действие лишь в связи с ратификацией договоров (ст. 16, 17).

Фактическое отстранение (допустимо и слово «самоотстранение») законодательной власти от начальных стадий договорного процесса существенно облегчает работу исполнительной власти, прежде всего Министерства иностранных дел. Нормативные положения о возможности внесения рекомендаций и предоставлении информации о готовящихся к подписанию договорах не оснащены какими-либо конкретными обязательствами исполнительной власти и не влекут за собой каких бы то ни было юридических последствий. Такая методика способна породить (и действительно порождает) существенные проблемы на стадии ратификации договора, поскольку Федеральное Собрание получает на рассмотрение и утверждение текст, в подготовке которого, в отличие от законопроектов, оно не принимает непосредственного участия.

По смыслу Закона складывается парадоксальная ситуация. Применительно к договорам, устанавливающим иные правила, чем предусмотренные законодательством РФ, оговорено предварительное согласование с Министерством юстиции, которое компетентно давать заключения по вопросам соответствия положений договора законодательству РФ и их юридической силы (ст. 10)⁵. Сама же законодательная власть лишена подобного полномочия. Мы имеем в виду, естественно, не палаты Федерального Собрания как коллегиальные органы, а их комитеты, причем именно те, с основными направлениями деятельности которых связано содержание разрабаты-

ваемых договоров, но прежде всего – комитеты по законодательству. Участие парламентских комитетов совместно с соответствующими исполнительными структурами в разработке проектов договоров, включение их представителей в переговорный процесс, учет их мнения при принятии Президентом или Правительством решения о подписании международного договора – прежде всего в ситуации, предусмотренной ст. 10 Закона, – такая предварительная парламентская «экспертиза» повысит взаимную ответственность исполнительной и законодательной ветвей власти за содержание и судьбу договора, сделает акт ратификации договора логическим завершением согласованной деятельности, а не просто оценкой *post factum*.

Детальная регламентация присуща статьям, посвященным ратификации международных договоров РФ (ст. 14–19). Закрепленный в Законе (ст. 15) перечень договоров, подлежащих ратификации, существенно расширен по сравнению с текстом ст. 12 Закона СССР 1978 г., что положительно сказывается на функциях Федерального Собрания на данной стадии договорного процесса. Отметим, в частности, включение в этот перечень договоров, предметом которых являются основные права и свободы человека и гражданина, и конкретизацию известной и прежнему Закону формулы о договорах о территориальном разграничении с другими государствами (новый Закон называет договоры о прохождении Государственной границы РФ, а также о разграничении исключительной экономической зоны и континентального шельфа РФ).

Особое значение имеет решающее слово парламента в определении судьбы договоров, исполнение которых требует изменения действующих или принятия новых федеральных законов, а также устанавливающих иные правила, чем предусмотренные законом. Ратифицируя договор, предусматривающий совершенствование законодательства, Федеральное Собрание берет на себя тем самым обязательство по обновлению законодательства.

Международные договоры РФ и субъекты федерации: проблемы сотрудничества в договорном процессе

Вопрос об участии субъектов РФ в договорной деятельности на федеральном уровне в той или иной степени затронут в семи статьях Закона. И все же позитивные его отличия от Закона СССР 1978 г. не дают достаточных оснований для оптимизма.

Сами нормативные формулировки вызывают двусмысленное толкование. Обратимся к ст. 4: «Международный договор РФ, затрагивающий вопросы, относящиеся к ведению субъекта РФ, заключается по согласованию с органами государственной власти заинтересованного субъекта» (ч. 1). Применительно же к договору, затрагивающему полномочия субъекта РФ по предметам совместного ведения РФ и ее субъектов, сказано, что его основные положения или проект направляются органам государственной власти заинтересованного субъекта, а поступившие предложения рассматриваются при подготовке проекта договора (ч. 2). Эти юридически аморфные положения не сопровождаются конкретными предписаниями и гарантиями. Федеральные структуры свободны от каких бы то ни было обязательств в отношении «согласования» и «рассмотрения» поступивших предложений – как по срокам и форме реагирования, так и по существу. К тому же в ч. 5 ст. 9 Закона предписано согласовывать с органами государственной власти соответствующих субъектов РФ предложения о заключении международных договоров РФ до их представления Президенту или в Правительство. Здесь нет «увязки» с предметами ведения, из чего возможен вывод о необходимости согласования любых международных договоров, затрагивающих интересы субъектов федерации.

Что же касается международных договоров РФ по вопросам, относящимся к ведению субъектов РФ, то в Законе не учитывается, что речь идет о сфере, в которой по ст. 73 Конституции субъекты РФ «обладают всей полнотой государ-

ственной власти». Следовательно, применительно к данной сфере получение согласия заинтересованного субъекта должно квалифицироваться как необходимая предпосылка разработки и подписания международного договора РФ, а вопрос об участии представителей органов государственной власти субъекта в подготовке проекта (ч. 4 ст. 4 Закона) должен рассматриваться как прерогатива этих органов при их явно выраженном намерении.

Как сказано в ч. 3 ст. 4, при осуществлении согласования вопросов заключения международного договора РФ органы государственной власти заинтересованного субъекта РФ уведомляются федеральными органами исполнительной власти о предельных сроках направления предложений (не менее двух недель). Непредставление в указанный срок ответа не препятствует внесению предложения о заключении договора. Как видно, законодатель руководствуется здесь расхожей презумпцией «Молчание – знак согласия». Но уместна ли она в данном случае? Не вернее ли предположить незаинтересованность субъекта в урегулировании вопроса, относящегося исключительно к его ведению, с помощью договора на федеральном уровне? Даже частично нормы закона не должны санкционировать превышение федеральными органами их полномочий и покушение на ст. 73 Конституции с использованием договорных средств.

Субъекты РФ в лице их органов государственной власти обладают возможностью внесения рекомендаций о заключении международных договоров, но не наделены правом представления предложений о заключении международных договоров (подобное разграничение предусмотрено, как отмечено выше, ст. 8 и 9 Закона). Для сравнения вспомним, что по Закону СССР 1978 г. союзные республики в лице их высших органов имели такое право. И уж совсем удивительно то, что субъекты РФ, обделенные правом представления предложений о заключении договоров, несколько неожиданно наделя-

ются правом представления предложений о прекращении или приостановлении действия договоров (ч. 1 ст. 36). Трудно увидеть здесь логику законодателя.

И еще один вопрос – это участие субъектов федерации в выполнении международных договоров РФ. Поскольку Конституция РФ (п. «о» ст. 72) относит выполнение международных договоров РФ к совместному ведению федерации и ее субъектов, но не конкретизирует это положение, сохранялась надежда на то, что Закон о международных договорах раскроет смысл формулы о совместном участии. Однако в Законе мы находим лишь отдельные решения, приспособленные к соответствующему уровню: относительно развернутое – применительно к федеральным органам исполнительной власти и предельно лаконичное – применительно к органам государственной власти субъектов, которые обеспечивают выполнение международных договоров РФ «в пределах своих полномочий» (ч. 3 ст. 32).

Известны факты решений федерального уровня, ориентированные на привлечение региональных структур к реализации договорных обязательств РФ. Так, правительственным постановлением от 2 декабря 1993 г. «О мерах по организации выполнения Конвенции о защите Черного моря от загрязнения» соответствующие функции возложены на ряд федеральных органов с участием органов исполнительной власти республик, краев и областей, расположенных в бассейне Черного моря. В постановлении Правительства РФ от 7 августа 1995 г. «О сохранении амурского тигра и других редких и находящихся под угрозой исчезновения видов диких животных и растений на территории Приморского и Хабаровского краев» даны конкретные указания администрациям этих краев, наряду с федеральными органами обеспечивающим выполнение обязательств Российской Стороны, вытекающих из Конвенции о биологическом разнообразии.

Представляется целесообразной обобщенная регламентация порядка участия региональных структур в выполнении

международных договоров РФ, причем с акцентом на их совместной с федеральными органами деятельности.

¹ Рос. газ. 1995. 21 июля; Собр. законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

² В определенной мере учтены также положения Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г. (см., например, п. «а» ст. 2, ч. 2 ст. 3 Закона).

³ Аналогичный комментарий относится к словосочетанию «в соответствии с международным правом», присутствующему в чч. 1 и 2 ст. 12 Закона.

⁴ Эта Конвенция не вступила в силу, но мы разделяем мнение о том, что многие ее положения «действуют в качестве обычных норм» (Международное право / отв. ред. Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов. М., 1994. С. 121).

⁵ Эта статья помещена в той части Закона, где речь идет о начальной стадии – представлении рекомендаций и предложений о заключении договора. Между тем заключение о соответствии положений договора законодательству приобретает особый смысл при решении вопроса о согласии РФ на обязательность уже подготовленного договора.

ДОГОВОРЫ СОВЕТА ЕВРОПЫ И ПРАВОВАЯ СИСТЕМА РОССИИ*

Совет Европы как международная региональная организация ориентируется на защиту и осуществление идеалов и принципов, в числе которых Устав Совета Европы¹ называет принцип верховенства права и принцип, в соответствии с которым все лица, находящиеся под юрисдикцией каждого государства-члена, должны пользоваться правами человека и основными свободами.

Одно из средств осуществления этих принципов и достижения общих целей организации – заключение государствами-членами международных договоров, которые традиционно именуется европейскими конвенциями и в совокупности формируют право Совета Европы.

В новейших справочных изданиях говорится о разработке и принятии более 155 конвенций². В договорной практике используются различные названия международных документов Совета Европы³ – Устав, конвенции (не менее 75), соглашения (около 25), хартии (3). Примерно треть охватываемых общим числом (более 155) документов не самостоятельные акты, а протоколы (дополнительные протоколы) к различным договорам, вносящие в них дополнения и (или) изменения.

Участие России в международных документах Совета Европы имеет более длительную историю, чем годовое членство в этой региональной организации, и обусловлено тем, что под эгидой Совета Европы действуют договоры двух категорий – одни (их большинство) предназначены только для государств-членов Совета Европы, а в других могут участвовать и иные государства, получившие приглашение Комитета Министров Совета Европы.

Данное разграничение выражено в соответствующих текстах. В актах первой группы формулировка участия лако-

* Российский юридический журнал. 1997. № 1.

нична: «Конвенция открыта для подписания государствами – членами Совета Европы». В актах второй группы этот текст дополняется следующей регламентацией присоединения: «После вступления в силу настоящей Конвенции Комитет Министров Совета Европы может пригласить любое государство, не являющееся членом Совета Европы, присоединиться к настоящей Конвенции», вариант: «...может пригласить на таких условиях, которые он (Комитет Министров) считает необходимыми...».

Присоединение осуществляется путем сдачи на хранение Генеральному секретарю Совета документа о присоединении.

На такой основе Союз ССР стал участником нескольких конвенций, воспринятых в порядке правопреемства Российской Федерацией, – об охране архитектурного наследия, об охране археологического наследия, о защите животных при международной перевозке, Европейской культурной конвенции и др.⁴

Используя отмеченную юридическую возможность, Правительство РФ 4 декабря 1995 г. приняло постановление «Об участии Российской Федерации в конвенциях Совета Европы в области образования»⁵. Министерству иностранных дел было поручено: а) оформить присоединение РФ к Европейской конвенции об эквивалентности дипломов, дающих право на поступление в высшие учебные заведения и Протоколу к ней и к Европейской конвенции об академическом признании документов об университетском образовании; б) подписать Европейскую конвенцию об эквивалентности сроков обучения в высших учебных заведениях и Европейскую конвенцию об общей эквивалентности периодов университетского обучения. Процесс вступления России в Совет Европы включает в себя присоединение к Уставу Совета Европы и к Генеральному соглашению о привилегиях и иммунитетах Совета Европы и протоколам к нему. Соответствующие федеральные законы были приняты Государственной Думой 21 февраля, одобрены Советом Федерации 22 февраля, подписаны Президентом РФ 23 февраля, вступили в силу с 24 февраля 1996 г.⁶

Официальный прием России в Совет Европы 28 февраля 1996 г. сопровождался подписанием от имени Российской Федерации Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., а также протоколов № 1, 2, 4, 7, 9, 10, 11. В соответствии с распоряжением Президента РФ от 13 февраля 1996 г.⁷ были подписаны также Европейская конвенция о предупреждении пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (с двумя протоколами), Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств и Европейская хартия местного самоуправления.

По распоряжению Президента РФ от 3 сентября 1996 г.⁸ Министерству иностранных дел поручено подписать от имени РФ Европейскую конвенцию о выдаче с двумя дополнительными протоколами и Европейскую конвенцию о взаимной правовой помощи по уголовным делам с дополнительным протоколом. К распоряжению приложены заявления и оговорки РФ при подписании этих документов.

Таким образом, Российская Федерация по большинству пунктов, касающихся участия в европейских конвенциях, выполнила обязательства, принятые при обсуждении заявки России на вступление в Совет Европы и оформленные в Заключении № 193 (1996) Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 25 января 1996 г.⁹

К сожалению, отсутствует информация о намерениях компетентных федеральных органов относительно подписания еще четырех документов, упомянутых в Заключении; Европейской социальной хартии, Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств, Конвенции о передаче осужденных лиц, Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности.

В настоящее время в стадии разработки находятся акты, призванные обеспечить первоначально установление моратория на исполнение смертных приговоров, а в дальнейшем подписание и ратификацию Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни в мирное время.

Участие в европейских конвенциях как форма выполнения обязательств в рамках Совета Европы сопровождается разработкой и принятием новых федеральных законов и правоприменительной деятельностью. В числе принятых за прошедший год законодательных актов Уголовный кодекс РФ, Уголовно-исполнительный кодекс РФ, Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и др.

Признанные многими государствами единые европейские пенитенциарные правила воспринимаются в уголовно-исполнительной системе России. Об этом свидетельствует постановление Правительства РФ от 27 июня 1996 г., которое начинается следующим текстом: «В связи с принятием Российской Федерации в Совет Европы и необходимостью приведения условий содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в соответствии с требованиями международных стандартов и правил обращения с заключенными...»¹⁰

* * *

Одним из основополагающих международных договоров Совета Европы является Конвенция о защите прав человека и основных свобод¹¹. Она была принята в Риме 4 ноября 1950 г. В последующие годы приняты одиннадцать протоколов¹², три из которых (№ 3, 5, 8) включены в текст Конвенции, а последнему (№ 11) после вступления в силу суждено кардинально обновить большую часть статей Конвенции.

Заслуживает специального анализа вопрос о соотношении Конвенции и тех протоколов, которые существуют в качестве своеобразных приложений к ней, вносят значительные дополнения в регламентацию прав и свобод, причем в одних случаях устанавливаются новые, неизвестные самой Конвенции, права и свободы (например, право пользования имуществом, право на образование, право на свободное передвижение и свободу выбора местожительства), а в других – принци-

ально меняется подход к проблеме (текст ст. 2 Конвенции о праве на жизнь сохраняется в первоначальном варианте, допускающем вынесение судом в установленных законом случаях смертного приговора, хотя для подавляющего большинства государств-членов Совета Европы с вступлением в силу Протокола № 6 от 28 апреля 1983 г. это положение заменено предписанием об отмене смертной казни в мирное время), в третьих – обогащается содержание регламентируемых Конвенцией прав (прежде всего это относится к тексту ст. 6 Конвенции и к новеллам, вносимым ст. 2, 3 и 4 Протокола № 7 от 22 ноября 1984 г.).

Применительно к предмету регулирования ст. 6 (ей присвоено название «Право на справедливое судебное разбирательство») можно констатировать появление ряда новых положений, суть которых выражена в названиях, указанных статьей Протокола № 7: «Право на апелляцию по уголовным делам», «Компенсация за ошибочное осуждение», «Право не подвергаться суду или наказанию дважды». По сути, речь идет о таких дополнительных положениях, которые сформулированы в ряде пунктов ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах¹³ (сравните соответственно п. 5 ст. 14 Пакта и п. 1 ст. 2 Протокола № 7, п. 6 ст. 14 Пакта и ст. 3 Протокола, п. 7 ст. 14 Пакта и п. 1 ст. 4 Протокола).

Например, практически значимыми компонентами п. 1 ст. 6 Конвенции и п. 1 ст. 14 Пакта были нормы о праве каждого при рассмотрении любого уголовного обвинения на справедливое и публичное разбирательство дела независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона (в Конвенции добавлены слова «в разумный срок», чему соответствует текст «быть судимым без неоправданной задержки» в подп. «с» п. 3 той же статьи Пакта). Естественным продолжением этих норм стало положение п. 5 ст. 14 Пакта: «Каждый, кто осужден за какое-либо преступление, имеет право на то, чтобы его осуждение и приговор были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией согласно закону».

В ст. 6 Конвенции подобного логического развития регламентации нет. Можно признать закономерным, что спустя много лет члены Совета Европы включили в Протокол № 7 норму (п. 1 ст. 2), почти дословно совпадающую с приведенной ранее.

В этом контексте представляется вполне разумным понимание ст. 6 Конвенции и ст. 2 Протокола № 7 (в равной мере и ст. 3 и 4) как взаимосвязанных и дополняющих друг друга нормативных предписаний, в связи с чем оправданно рассмотрение ст. 6 Конвенции в содружестве с соответствующими статьями Протокола № 7, т. е. их совместное, согласованное толкование и применение. Именно такова ориентация и п. 1 ст. 7 Протокола № 7: «Государства-участники рассматривают положения статей 1–6 Протокола как дополнительные статьи к Конвенции, и все положения Конвенции применяются соответственно». Можно было рассчитывать на такой подход в квалифицированном исследовании ст. 6 Конвенции¹⁴. Но его автор не выходит за рамки текста данной статьи, комментируя ее формулировку без упоминания о Протоколе № 7 и вообще без сопоставления с близкими по предмету регулирования нормативными положениями.

* * *

Проблема нашего восприятия Совета Европы и европейских договоров относится к категории весьма деликатных. Россия пока имеет более чем скромный опыт участия в этой организации, сама еще не выполнила отдельных принятых на себя при вступлении обязательств. И все же на доктринальном уровне уместны размышления и даже критические оценки, навеянные сравнительным анализом некоторых документов.

Речь идет прежде всего о соотношении участия России и других государств в Совете Европы и их участия в иных международных организациях и союзах. За исходную позицию можно принять норму п. «с» ст. 1 Устава Совета Европы: «Участие Государств-членов в работе Совета Европы не должно отрицательно влиять на их вклад в деятельность Организа-

ции Объединенных Наций и других международных организаций и союзов, в которых они состоят». Очевидно, такой подход применим и к участию государств в договорных актах Совета Европы, с одной стороны, и в иных международных договорах – с другой.

Совет Европы наряду с иными международными союзами и организациями существует и функционирует как неотъемлемая составная часть современного международного сообщества и действующего международного правопорядка. В наше время, после 1945 г., стало традицией в важнейших международно-правовых актах ссылаться на Устав ООН, на основополагающие цели и принципы ООН. Думается, подобная ссылка была бы полезна в преамбуле Устава Совета Европы. С удовлетворением можно отметить подобную связь в формулировках ряда новейших документов Совета. Так, в Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств от 1 февраля 1995 г.¹⁵ приняты во внимание обязательства по защите национальных меньшинств, содержащиеся в конвенциях и декларациях ООН и в документах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В преамбуле Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств от 5 ноября 1992 г.¹⁶ отмечено значение принципов, зафиксированных в Международном пакте о гражданских и политических правах, и принята во внимание работа, проделанная в рамках СБСЕ.

И все же заметны пробелы, особенно ощутимые в случаях конкретного правового регулирования, проводимого в Совете Европы в более поздних временных ситуациях, чем подобное регулирование было осуществлено в пределах международного сообщества в целом.

Естественно отсутствие в Конвенции о защите прав человека и основных свобод каких-либо ссылок на Международные пакты о правах человека, поскольку Конвенция была принята еще 4 ноября 1950 г. (Всеобщая декларация прав человека здесь упомянута), а Пакты приняты и открыты для подписания 16 декабря 1966 г. Понятно отсутствие отсылки к между-

народным документам общего характера в Протоколе № 11 к этой Конвенции от 11 мая 1994 г., ибо контрольный механизм, реорганизации которого посвящен Протокол, уникален и не имеет прецедента.

Но этого нельзя сказать о Протоколе № 7 к указанной Конвенции. Его основное содержание сходно с рядом норм Международного пакта о гражданских и политических правах, в связи с чем упоминание о нем было бы вполне логичным. В порядке сопоставления отмечу, что в преамбуле Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г.¹⁷ даны отсылки к Всеобщей декларации прав человека, к обоим Международным пактам о правах человека, а также упомянуты обязательства по правам человека, принятые в рамках ОБСЕ (СБСЕ).

Вполне оправданна постановка вопроса о взаимодействии, взаимном влиянии и согласовании родственных по предмету регулирования международных договоров, относящихся к различным уровням функционирования (универсальному и локальному) или к различным регионам.

Первый аспект хорошо ощутим на примере соотношения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и Международного пакта о гражданских и политических правах. Европейская конвенция, основанная (что признано в ее преамбуле) на Всеобщей декларации прав человека, оказала вместе с Декларацией существенное воздействие на содержание и формулировки Международного пакта. А если учесть лаконичность текста Всеобщей декларации, то станет ясно, что многие формулировки Международного пакта восходят к положениям Европейской конвенции (сравним, например, ст. 5, 6 и 7 Конвенции со ст. 9, 10, 14 и 15 Пакта). Вместе с тем впоследствии в процессе разработки и принятия Международного пакта обнаружились пробелы Европейской конвенции. Принятые в 1963 и 1984 гг. Протоколы № 4 и 7 к Конвенции дополнили ее содержание, не изменяя самого текста, важными нормами.

Однако недостаточно урегулированные вопросы и пробелы сохраняются.

В заключении Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 25 января 1996 г. Российской Федерации рекомендуется, в частности, «принять закон об альтернативной военной службе, как это предусмотрено ст. 59 Конституции». Словосочетание (видимо, по недосмотру переводчиков документа) предложено неудачное, поскольку слово «альтернативная» как раз и ориентировано на отграничение от военной службы и в ч. 3 ст. 59 Конституции РФ говорится о праве на замену военной службы альтернативной гражданской службой. Но основной вопрос в другом: в Конвенции 1950 г. отказ от военной службы допускается «на основании вероисповедания» (подп. «b» п. 3 ст. 4). Между тем в Международном пакте о гражданских и политических правах говорится об отказе от военной службы «по политическим или религиозно-этическим мотивам» (подп. «с» п. 3 ст. 8). Идентичная формулировка воспроизведена в Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека (подп. «б» п. 3 ст. 4). А в Конституции РФ основаниями возможной замены названы убеждения или вероисповедание, а также иные установленные федеральным законом случаи. Таким образом, можно констатировать, что приведенное положение Конвенции 1950 г. уже не согласуется с современным состоянием регламентации этой проблемы.

В Конвенции 1950 г. отсутствует норма, освобождающая индивида от обязанности давать показания против самого себя. Она была введена Международным пактом о гражданских и политических правах: «Каждый имеет право при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения... не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным» (подп. «g» п. 3 ст. 14)¹⁸. Восприятие ряда норм Пакта в принятом в 1984 г. Протоколе № 7 к Конвенции не затронуло данный аспект регулирования.

Еще один пример относится к другим международно-правовым актам.

Европейская конвенция о предупреждении пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания была принята 26 ноября 1987 г.¹⁹, т. е. двумя годами позднее подписания открытой для всех государств Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Отсылки к этой, предшествующей, Конвенции были бы уместны в Европейской конвенции не столько по временным параметрам, сколько по содержательным основаниям. Дело в том, что Европейская конвенция имеет ограниченный предмет регулирования – статус и функции Европейского комитета по предупреждению пыток или унижающего достоинство обращения или наказания. В ее текст не включены положения, имеющие принципиальное значение для достижения целей Конвенции и содержащие определение понятия «пытка», перечень обязательств государств-участников и мер для предупреждения и пресечения соответствующих преступлений, характеристику форм сотрудничества государств, т. е. те нормы, которые составляют значительную часть текста общей Конвенции против пыток. При отсутствии такого рода норм и при отсутствии ссылок на общую и ранее принятую Конвенцию текст Европейской конвенции не кажется адекватным цели, зафиксированной в ее наименовании.

Второй аспект, который можно охарактеризовать как межрегиональный, приобретает сегодня практическое значение в связи с членством России, а также Молдовы, Украины (в перспективе, возможно, и еще нескольких государств) одновременно в двух «соприкасающихся» международных организациях – Содружестве Независимых Государств и Совете Европы, а значит, с их реальным или потенциальным участием в международных договорах в рамках обеих организаций.

При рассмотрении в Парламентской Ассамблее Совета Европы заявки России подвергся обсуждению вопрос о совместности обязательств России по двум актам – Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека.

В упомянутое ранее Заключение № 193 по заявке России на вступление в Совет Европы от 25 января 1996 г. была включена следующая запись: «10. Парламентская Ассамблея принимает к сведению, что ... Россия намерена:

...XVI. обеспечить такой порядок применения Конвенции СНГ по правам человека, который бы никоим образом не препятствовал обеспечению процедуры и гарантий, предусмотренных Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод»²⁰.

Таким образом, Парламентская Ассамблея констатировала, что обе конвенции могут применяться параллельно, без ущерба друг другу.

В согласии с таким подходом в распоряжении Президента РФ от 13 февраля 1996 г. «О первоочередных мероприятиях, связанных с вступлением Российской Федерации в Совет Европы»²¹ содержалось поручение министру иностранных дел РФ в ходе официальной церемонии вступления сделать при подписании Конвенции о защите прав человека и основных свобод заявление о совместимости обязательств Российской Федерации по конвенциям в области защиты прав человека в рамках Совета Европы и Содружества Независимых Государств.

Концепция совместимости родственных по содержанию международно-правовых норм отражает традиционную договорную практику государств, предполагающую согласование взаимных правомочий и обязательств.

В формулировке Заключения № 193 огорчает не вполне равноценное отношение органа Совета Европы к обеим конвенциям, не вполне уважительное отношение к Конвенции СНГ, ибо как бы презюмируется ее «приспособление» к Европейской конвенции, а не их равноправное взаимодействие. Но превалировать должно удовлетворение признанием совместимости договорных положений.

Иной подход был проявлен при выработке подобного документа в связи с вступлением в Совет Европы Украины. Этому

способствовал отказ Украины от подписания 26 мая 1995 г. Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека. В Заключении № 190 от 26 сентября 1995 г. сказано:

«12. Парламентская Ассамблея отмечает, что Украина... имеет намерение:

...III. не подписывать Конвенцию СНГ о правах человека и другие соответствующие документы СНГ, пока не проведены дальнейшие исследования относительно совместимости двух юридических документов, принимая во внимание тот факт, что индивидуальные обращения, подаваемые согласно этой Конвенции, могут привести к невозможности эффективного использования права на индивидуальные обращения по ст. 25 Европейской конвенции о правах человека»²².

Здесь, следовательно, выражено сомнение в совместимости указанных конвенций, во всяком случае их норм относительно процедуры индивидуальных обращений.

Проблема взаимосогласованного применения региональных международных договоров может быть рассмотрена и на примере соотношения конвенций о правовой помощи.

В рамках СНГ действует Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам²³. Она была подписана 22 января 1993 г., ратифицирована Россией (4 августа 1994 г.), Украиной (20 ноября 1994 г.) и другими государствами-членами СНГ. В рамках Совета Европы действуют две подобные конвенции: Европейская конвенция о выдаче от 13 декабря 1957 г.²⁴ (с двумя дополнительными протоколами: от 15 октября 1975 г. и от 17 марта 1978 г.) и Европейская конвенция о взаимной помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г.²⁵ (с дополнительным протоколом от 17 марта 1978 г.).

Как отмечено ранее, 3 сентября 1996 г. было принято распоряжение Президента РФ о подписании от имени Российской Федерации указанных европейских конвенций и дополнительных протоколов к ним. При этом сформулированы заявления и оговорки, сопровождающие подписание доку-

ментов²⁶. Основным можно считать негативное восприятие положений о «политических преступлениях», поскольку, как сказано в документе, «российская правовая система не знает такого понятия».

Применительно же к предмету суждений о совместимости различных региональных конвенций хочу обратить внимание на регламентацию отказа в оказании правовой помощи.

Согласно ст. 19 Конвенции СНГ «просьба об оказании правовой помощи может быть отклонена, если оказание такой помощи может нанести ущерб суверенитету или безопасности либо противоречит законодательству запрашиваемой Договаривающейся Стороны».

В Европейской конвенции о взаимной помощи по уголовным делам (ст. 2) названы два основания отказа в правовой помощи:

«...а) если запрос касается преступления, которое запрашиваемая Сторона считает политическим преступлением, преступлением, связанным с политическим преступлением, или фискальным преступлением;

б) если запрашиваемая Сторона считает, что выполнение запроса может нанести ущерб суверенитету, безопасности, публичному порядку и другим существенным интересам этой страны».

Поскольку позиция России по первому основанию официально определена и сформулирована и поскольку во втором основании идентичны положения об ущербе суверенитету и (или) безопасности, остается дискуссионным вопрос об оценке заключительных слов цитируемых статей.

На мой взгляд, реальны различия между «противоречием законодательству» и «нанесением ущерба ... публичному порядку или другим существенным интересам» государства. Соответственно возможны коллизионные ситуации в отношениях между Россией и Украиной при выборе применимого права по вопросам правовой помощи. Если же оценивать приведенные формулировки по существу, то предпочтение сле-

дует отдать тексту Конвенции СНГ, имея в виду, что ссылка на законодательство отличается большей юридической определенностью, чем тезис о «других существенных интересах».

* * *

Современное российское право содержит нормативные предпосылки, необходимые для обеспечения членства в Совете Европы и для восприятия и реализации правовых норм Совета. Имеются в виду прежде всего четыре положения Конституции РФ:

во-первых, ст. 79, согласно которой «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации»;

во-вторых, формулировка ч. 4 ст. 15, признающая общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации составной частью ее правовой системы;

в-третьих, ссылка в ч. 1 ст. 17 на общепризнанные принципы и нормы международного права как на основание признания и гарантий прав и свобод человека и гражданина;

в-четвертых, положение ч. 3 ст. 46 о праве обращения в соответствии с международными договорами РФ в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека.

На этой конституционной основе формируется (а по многим параметрам уже сформировался) целостный комплекс федеральных законов и иных нормативных правовых актов, в котором все весомее ощущается ориентация не только на взаимодействие с международными, в том числе европейскими, договорами, но и на непосредственное применение во внутрисоветской сфере норм международного права.

Актуальным становится вопрос о восприятии в условиях российской правовой системы, приобретшей значительный

опыт взаимодействия с международным правом, непосредственно европейских правовых ценностей²⁷.

На мой взгляд, такой аспект, как эффективность международных стандартов прав и свобод, воплощается не столько в переносе на российское «правовое пространство» самих правил европейских конвенций, так как в большинстве своем эти правила не имеют принципиальных отличий от универсальных, общепризнанных (обычных и договорных) норм современного международного права, сколько в использовании накопленных в Совете Европы традиций реализации гуманитарных правил, внедрении тех механизмов, которые гарантируют обеспечение и защиту признанных прав и свобод.

В этом плане полезно перенести акценты с более разработанных и хорошо известных нормативных вопросов, не забывая, конечно, о значении международных договоров (норм) для совершенствования российского законодательства, на правоприменительные аспекты, имея в виду непосредственное действие международных договоров (норм) в сфере внутригосударственных отношений, внутригосударственного правопорядка и прежде всего в осуществлении судебной власти. Конституционное положение ч. 4 ст. 15, презюмирующее понимание правовой системы как единства правотворчества и правоприменительной деятельности, ориентирует суды на осуществление правосудия посредством применения как норм Конституции РФ, федеральных законов, законов субъектов федерации, так и международных договоров, принципов и норм.

Такая ориентация судов воплощается в двух правовых формах.

Во-первых, включение в федеральные законы общих и (или) более конкретных предписаний о регулировании определенных отношений с участием международных договоров, о непосредственном действии международно-правовых норм в РФ, что предполагает распространение подобных предписаний и на судебную систему как составную часть государственного механизма. Таковы общие формулировки п. 3 ст. 5

Федерального закона о международных договорах РФ, п. 1 ст. 9 Закона РФ о гражданстве РФ, п. 2 ст. 7 Гражданского кодекса РФ, отдельные положения Таможенного кодекса РФ, Уголовного кодекса РФ и т. д.

Во-вторых, установление специальных правил, прямо предусматривающих применение международных договоров (норм) судами Российской Федерации независимо от характера регулируемых отношений (предмета регулирования). Так, согласно п. 1 ст. 11 Арбитражного процессуального кодекса РФ²⁸ международные договоры РФ входят в перечень нормативных правовых актов, на основании которых арбитражный суд разрешает споры. В соответствии с Федеральным конституционным законом от 28 апреля 1995 г. «Об арбитражных судах Российской Федерации»²⁹ Высший Арбитражный Суд РФ решает в пределах своей компетенции вопросы, вытекающие из международных договоров РФ (п. 1 ст. 10). Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации»³⁰ исходит из того, что при принятии решений Суд руководствуется нормами Конституции РФ и данного Закона, однако конкретные постановления Суда нередко содержат аргументы, основанные на международных договорах. Верховный Суд РФ до соответствующего законодательного регулирования, исходя из ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и сославшись на п. 3 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах РФ», предписал судам непосредственное применение официально опубликованных международных договоров РФ³¹.

Новейшим актом, регулирующим данную проблему, стал Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации»³². Специфика этого акта в том, что его предписания распространяются на все разновидности судебной власти. В соответствии со ст. 3 Закона «единство судебной власти РФ обеспечивается путем... применения всеми судами Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов,

общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ, а также конституций (уставов) и других законов субъектов РФ».

В связи с этими правовыми предписаниями общего характера уместна оценка реальной судебной деятельности.

Самых добрых слов заслуживает практика Конституционного Суда РФ³³. Я не склонен ее идеализировать и уже имел возможность высказать сомнение в международно-правовой строгости одного из постановлений³⁴. Но это, скорее, исключение из правила. За период 1995–1996 гг. можно отметить не менее десяти рассмотренных Судом дел о проверке конституционности законов и некоторых других актов, постановления по которым содержат аргументацию, основанную не только на нормах Конституции РФ, но и на международно-правовых нормах. Сошлюсь, в частности, на постановления по делам о проверке конституционности ряда положений ст. 220¹, 220², 371, 374, 384, 97, 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (от 3 мая 1995 г., 2 февраля, 13 июня и 29 ноября 1996 г.), одной из норм ст. 64 Уголовного кодекса РСФСР (от 20 декабря 1995 г.), ст. 1 и 21 Закона РФ «О государственной тайне» (от 27 марта 1996 г.), п. «г» ст. 18 Закона РФ «О гражданстве Российской Федерации» (от 16 мая 1996 г.)³⁵.

В практике Верховного Суда РФ, помимо общего предписания судам в отмеченном постановлении Пленума от 31 октября 1995 г., имеются немногочисленные, но интересные по сути решения, связанные с международными договорами. Так, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 1994 г.³⁶ разъяснило судам, что в соответствии со ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно. Исходя из этого жалоба лица, задержанного по

подозрению в совершении преступления, его защитника или законного представителя относительно законности и обоснованности задержания должна приниматься судом к производству и разрешаться по существу применительно к порядку и по основаниям, предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством.

В одном из исследований правильно подчеркивается, что в данном случае Пленум Верховного Суда РФ разрешил этот вопрос на основании прямого применения указанного Международного пакта³⁷. Но есть и еще один сравнительно недавний пример подобного рода. Имеется в виду ссылка на ст. 76 Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 апреля 1995 г.³⁸

Весьма полезными были бы, на мой взгляд, рекомендации по применению судами международных норм в постановлении Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»³⁹.

В деятельности Высшего Арбитражного Суда РФ стоит отметить информационные письма – от 16 августа 1995 г. «О перечне международных договоров, в исполнении которых участвуют арбитражные суды России», от 1 марта 1996 г. «О применении международных договоров и исполнении решений арбитражных судов других государств», а также от 25 декабря 1996 г. «Обзор практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц»⁴⁰. Указанным письмам свойственны конкретные разъяснения и точные ориентиры.

В заключение лишь назову комплекс проблем, связанных с реализацией права индивидов на обращения в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все внутригосударственные средства правовой защиты. Участие России в Совете Европы, вступление в силу для Российской Федерации Конвенции о защите прав человека

и основных свобод, включение нашей страны в деятельность Европейской комиссии по правам человека и Европейского Суда по правам человека, – все эти факторы предопределяют значимость осмысления механизма обеспечения и защиты прав и свобод человека в рамках Совета Европы и внедрения в правоприменительную деятельность нашего государства методов взаимодействия с компетентными учреждениями Совета Европы. Появились первые разработки⁴¹. Деловые контакты с Советом Европы на различных уровнях и в различных формах обеспечивают познание и решение названных проблем, что стимулирует новые исследования и научные публикации.

¹ Дипломатический вестн. 1996. № 4. С. 30–37.

² Совет Европы: основные направления деятельности и результаты. М., 1996. С. 9.

³ International instruments of the Council of Europe, Instruments internationaux du Conseil de l'Europe – таково их обобщенное наименование на официальных языках этой организации.

⁴ Можно назвать и иного рода европейские договоры, не связанные с Советом Европы: Европейскую конвенцию о внешнеторговом арбитраже от 21 апреля 1961 г., Конвенцию о признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степеней региона Европы от 21 декабря 1979 г., Европейское соглашение о международных автомагистралях (СМА) от 15 ноября 1975 г. и др.

⁵ СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4926.

⁶ Там же. 1996. № 9. Ст. 744, 745.

⁷ Там же. № 8. Ст. 743.

⁸ Там же. № 37. Ст. 4286.

⁹ Право Совета Европы и Россия: сб. документов и материалов. Краснодар, 1996. С. 82–89.

¹⁰ СЗ РФ. 1996. № 27. Ст. 3287.

¹¹ Нередко, причем даже в государственных и международных документах, ее называют Европейской конвенцией, хотя в официальном наименовании такое прилагательное отсутствует (Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms // European Treaty Series. № 5). Русский перевод: Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Центр информации и документации Совета Европы в РФ. М., 1996). Представляет интерес исследование, подготовленное и изданное в Совете Ев-

ропы: *Гомиен Д.* Путеводитель по Европейской конвенции о защите прав человека. Страсбург, 1994.

¹² European Treaty Series – 9, 44, 45, 46, 55, 114, 117, 118, 140, 146, 155. На русском языке протоколы опубликованы в названной ранее брошюре.

¹³ Основные предписания ст. 14 Пакта совпадают со ст. 6 Конвенции; примерно таково же соотношение между ст. 9 Пакта и ст. 5 Конвенции.

¹⁴ *Гротрайан Э.* Статья 6 Европейской конвенции по правам человека. Право на справедливое судебное разбирательство. Русская версия. Страсбург, 1994.

¹⁵ Право Совета Европы и Россия. С. 274–285.

¹⁶ Отдельное издание Совета Европы (русская версия).

¹⁷ Дипломатический вестн. 1995. № 7. С. 30–37.

¹⁸ Норма Конституции РФ содержит более широкую регламентацию: «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом» (ч. 1 ст. 51).

¹⁹ Право Совета Европы и Россия. С. 256–271.

²⁰ Там же. С. 87.

²¹ СЗ РФ. 1996. № 8. Ст. 743.

²² Вісник Українського центру прав людини. 1996. № 4–5. С. 30 (пер. на украинский язык сверен с английским оригиналом).

²³ Бюл. междунар. договоров. 1995. № 2. С. 3–28.

²⁴ European Convention on Extradition // European Treaty Series. № 24.

²⁵ European Convention on mutual assistance in criminal matters // Ibid. № 30. В русском переводе принято дополнять название Конвенции: «...о взаимной правовой помощи...».

²⁶ СЗ РФ. 1996. № 37. Ст. 4286.

²⁷ The European System for the Protection of Human Rights / ed. by R. St. J. Macdonald, F. Matseher, H. Petzold. Dordrecht; Boston; L., 1993.

²⁸ СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1709.

²⁹ Там же. № 18. Ст. 1589.

³⁰ Там же. 1994. № 13. Ст. 1447.

³¹ О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. // Бюл. Верховного Суда РФ. 1996. № 1. С. 4.

³² СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

³³ *Тиунов О. И.* О решениях Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобами граждан на нарушение их конституционных прав и свобод // Рос. юрид. журн. 1996. № 2. С. 48–62; *Его же.* Об использовании решений Конституционного Суда Российской Федерации в курсе «Международное право» // Там же. 1997. № 1. С. 98–112.

³⁴ Государство и право. 1996. № 2. С. 19–20.

³⁵ См.: Вестн. Конституционного Суда РФ за 1995–1996 гг.

³⁶ Бюл. Верховного Суда РФ. 1995. № 1. С. 3–5.

³⁷ *Алексеева Л. Б., Жуйков В. М., Лукашук И. И.* Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации. М., 1996. С. 68. К сожалению, выраженное в заголовке книги намерение исчерпывается единственным примером такого рода применения в судебной практике России. Возможности пока скромного, но уже разнообразного применения международных норм судами субъектов РФ и районными (городскими) судами не использованы.

³⁸ Бюл. Верховного Суда РФ. 1995. № 7. С. 3.

³⁹ Там же. 1996. № 9. С. 1–10.

⁴⁰ Вестн. Высшего Арбитражного Суда РФ. 1995. № 11. С. 82–85; 1996. № 12. С. 101–102. Текст обзора практики предоставлен Высшим Арбитражным Судом.

⁴¹ *Алексеева Л. Б.* Практика международных контрольных органов в области защиты гражданских и политических прав человека и гражданина // *Алексеева Л. Б., Жуйков В. М., Лукашук И. И.* Указ. соч. С. 133–209; Комментарий к Конституции Российской Федерации / общ. ред. Ю. В. Кудрявцева. М., 1996. С. 215–218 (автор коммент. к ч. 3 ст. 46 – В. И. Андрианов); *Манов Б., Манов А., Москаленко К.* Обращение в международно-правовые органы как средство защиты прав и свобод человека // *Законность.* 1996. № 6. С. 12–18.

ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: НОВЕЛЛЫ В ГПК РСФСР*

7 августа 2000 г. – день рождения двух федеральных законов, внесших изменения и дополнения в такие имеющие весьма почтенный возраст нормативные правовые акты, как Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Гражданский процессуальный кодекс РСФСР¹.

Но если изменения и дополнения, относящиеся к УПК, затрагивают, можно сказать, сугубо специальные вопросы, характеризующие главным образом процессуальные аспекты статуса и деятельности мировых судей, то изменения и дополнения, внесенные в ГПК², вторгаются, наряду с частными моментами, в существенные проблемы гражданского судопроизводства, прежде всего в ряд статей первого раздела кодекса. И вряд ли будет преувеличением утверждение о том, что особо значимые новеллы связаны с внедрением в регулирование основ гражданского судопроизводства международно-правовых предписаний.

Специалисты знают, что до недавнего времени международное право очень скромно было представлено в ГПК: несколько лаконичных ссылок на международные договоры в ст. 25 (о подведомственности гражданских дел судам), ст. 27 (о передаче споров на разрешение третейских судов), ст. 263² (об установлении усыновления ребенка). И лишь в разд. VI, регламентирующем отношения с иностранным элементом, положения о международных договорах более ощутимы. Это – проблема дипломатического иммунитета (ст. 435), определение порядка сношений российских судов с иностранными судами (ст. 436), определение порядка исполнения в нашей стране решений иностранных судов и арбитражей (ст. 437) и известная по многим законам и кодексам формула приоритет-

* Российский юридический журнал. 2000. № 3.

ного применения правил международного договора в ситуациях, когда таким договором установлены иные правила, чем те, которые содержатся в законодательстве о гражданском судопроизводстве (ст. 438).

Федеральный закон от 7 августа 2000 г. вносит в разд. I ГПК шесть норм (ст. 1, 10, 13), предусматривающих решение вопросов гражданского судопроизводства на основе международных договоров или с их участием. Следует прежде всего обратить внимание на те новые для ГПК положения, которые уже известны по родственному нормативному акту – Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации 1995 г.

По примеру АПК (ч. 3 ст. 3) в аналогичную по предмету регулирования ст. 1 ГПК (законодательство о гражданском судопроизводстве) введен следующий текст: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные гражданским процессуальным законом, то применяются правила международного договора». В связи с этим возникает вопрос о его соотношении с изначальной формулой ст. 438 ГПК, претерпевшей за десятилетия существования кодекса лишь одно редакционное уточнение (я вернусь к этому вопросу ниже). Ряд принципиального характера дополнений внесен в статью о применяемых судом актах.

Во-первых, уточнено наименование ст. 10. Если в прежней редакции имелось в виду только законодательство («Разрешение дел на основании действующего законодательства»), то, как и в АПК (ст. 11), ныне предусмотрен более широкий диапазон, сохраняющий место и для международных договоров. Новое название ст. 10 ГПК – «Нормативные правовые акты, применяемые судом при разрешении гражданских дел».

Во-вторых, как и в АПК, комплекс актов, на основании которых «суд обязан разрешать гражданские дела», включает в себя наряду с Конституцией РФ, федеральными конституционными законами, федеральными законами, иными внутри-

государственными нормативными актами (их перечень здесь шире, чем в АПК³) международные договоры РФ. Следовательно, заключенные или принятые Российской Федерацией международные договоры, признанные Конституцией РФ составной частью правовой системы России (ч. 4 ст. 15), отныне рассматриваются и в рамках ГПК как компоненты применимого процессуального права. Имеются в виду многочисленные договоры (конвенции) о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, Конвенция по вопросам гражданского процесса, Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов, отдельные процессуальные нормы Международного пакта о гражданских и политических правах и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также другие международно-правовые акты.

В-третьих, в статью о применяемых судом нормативных правовых актах включена формула о приоритетном применении международных договоров, которая на первый взгляд повторяет (в несколько иной редакции) уже упомянутый текст, которым дополнена ст. 1 ГПК. Давайте их сопоставим⁴.

Статья 1 ГПК

Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные гражданским процессуальным законом, то применяются правила международного договора.

Статья 10 ГПК

Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные нормативными правовыми актами Российской Федерации, то суд при рассмотрении и разрешении гражданского дела применяет правила международного договора.

В одном случае имеются в виду возможные несоответствия чисто процессуальных правил, зафиксированных в законе и в договоре, в другом – различия норм материального права,

т. е. тех норм – внутригосударственных и международных, – которые регламентируют подлежащие судебной защите отношения.

В-четвертых, внесено существенное уточнение в юридические основания применения зарубежных правовых норм. Традиционно в ГПК было оговорено, что суд в соответствии с законом применяет нормы иностранного права (ч. 2 ст. 10). Возможности такого применения не связывались с международными договорами. Между тем во многих международных договорах и прежде всего в договорах о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам непосредственно решаются такого рода вопросы.

Исходя из сложившихся принципов регламентации, Арбитражный процессуальный кодекс РФ предусмотрел, что арбитражный суд в соответствии с законом или международным договором РФ применяет нормы права других государств⁵. Федеральный закон от 7 августа 2000 г. дополнил аналогичной нормой ст. 10 ГПК, уточнив, что суд в соответствии с законом или международным договором применяет нормы права других государств «при рассмотрении и разрешении гражданского дела».

Наряду с текстами, которые являются новыми для ГПК, но уже знакомы по АПК, следует особо отметить две связки гражданского судопроизводства с международно-правовым регулированием (ч. 2 ст. 10 и ч. 4 ст. 13), которые можно охарактеризовать как новаторские для процессуального законодательства. Их нормативной основой являются положения Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации»⁶. Собственно говоря, имеется в виду воспроизведение в ГПК текстов ч. 3 ст. 5 и ч. 3 ст. 6 указанного Федерального конституционного закона.

В первом случае речь идет о том, что суд, установив при рассмотрении дела (в ч. 2 ст. 10 ГПК в новой редакции – гражданского дела) несоответствие акта государственного или иного органа, а равно должностного лица Конституции РФ,

федеральному конституционному закону, федеральному закону, общепризнанным принципам и нормам международного права, международному договору РФ, конституции (уставу) субъекта РФ, закону субъекта РФ, принимает решение в соответствии с правовыми положениями, имеющими наибольшую юридическую силу.

Во втором случае устанавливается, что обязательность на территории Российской Федерации актов судов иностранных государств, международных судов и арбитражей определяется международными договорами РФ.

Идентичность формулировок федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» и новых норм ГПК РСФСР не лишает нас возможности и целесообразности самостоятельного комментария норм ГПК как специальных предписаний относительно положений Закона о судебной системе РФ.

Пожалуй, особо стоит сказать об обязательности на территории РФ актов международных судов и арбитражей, ибо применительно к этим судам (арбитражам) международно-правовые нормы действуют как бы в двух ипостасях: с одной стороны, они характеризуют статус таких судов (арбитражей), регламентируют процедуру их деятельности и решают вопросы вынесения международных судебных актов и их юридической силы; с другой стороны, в более конкретной форме они, как сказано в Законе и в ГПК, определяют обязательность этих актов на территории РФ.

Причем для гражданского судопроизводства, как, впрочем, и для уголовного⁷, проблемы международного правосудия становятся все более актуальными и жизненно важными в деле защиты нарушенных или оспариваемых прав и охраняемых законом интересов индивидов и юридических лиц. Особое значение они приобрели в связи с участием Российской Федерации в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и признанием Россией юрисдикции Европейского Суда по правам человека, с чем связана обязанность

России, как и других государств-членов Совета Европы, выполнять окончательные постановления Суда по спорам, в которых они являются сторонами (п. 1 ст. 46 Конвенции).

Включение в ГПК РСФСР предписания об обязательности на территории Российской Федерации актов международных судов и арбитражей в соответствии с международными договорами РФ имеет своей целью обеспечение эффективной координации гражданского судопроизводства на национальном и международном уровнях в целях восстановления нарушенных прав и решения других вопросов правовой защиты.

Определенную (можно сказать, косвенную) связь с международно-правовым регулированием имеет изменение текста ст. 123 ГПК, новая редакция которой сформулирована в Законе от 7 августа 2000 г. следующим образом⁸: «В случае, когда рассмотрение дела судом, которому оно подсудно, становится невозможным, дело передается на рассмотрение другого суда. Передача дела из одного суда в другой может быть произведена вышестоящим судом».

Какова здесь роль международного права? Дело в том, что содержание данной статьи стало предметом разбирательства в Конституционном Суде РФ, который постановлением от 16 марта 1998 г. по делу о проверке конституционности ст. 44 УПК РСФСР и ст. 123 ГПК РСФСР в связи с жалобами ряда граждан⁹ признал обе указанные статьи в той мере, в какой они допускают передачу дела из одного суда, которому оно подсудно, в другой суд без принятия соответствующего процессуального судебного акта и при отсутствии в самом процессуальном законе точных оснований (обстоятельств), по которым дело не может быть рассмотрено в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, и, следовательно, подлежит передаче в другой суд, не соответствующими Конституции РФ, ее ст. 46 и 47 (ч. 1).

При обосновании такого вывода Конституционный Суд РФ сослался, наряду с Конституцией РФ, на положения Всеобщей декларации прав человека, Европейской конвенции

о защите прав человека и основных свобод (ст. 6) и Международного пакта о гражданских и политических правах (ст. 14), в соответствии с которыми каждый при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. По смыслу этих положений, отметил Конституционный Суд РФ, право каждого на такую судебную защиту означает, что «рассмотрение дел должно осуществляться законно установленным, а не произвольно выбранным составом суда, без предубеждения, всесторонне и объективно».

Не стану вторгаться в подробности аргументации Конституционного Суда РФ и в содержание исследованных им правовых норм, поскольку это выходит за рамки темы публикации. Воздержусь также от комментариев по поводу новой редакции ст. 123 ГПК РСФСР. Скажу лишь, что, на мой взгляд, лаконичный текст ст. 123 в новой редакции не решает поставленную Конституционным Судом проблему, прежде всего так и не предусматривает точные основания (обстоятельства), по которым дело не может быть рассмотрено судом, которому оно подсудно, и может быть передано на рассмотрение другого суда. Место таких точных оснований занимают лишние определенности слова: «...когда рассмотрение дела становится невозможным». Подробный анализ – дело компетентных специалистов.

Имеет связи с международным правом и постановление Конституционного Суда РФ от 14 апреля 1999 г. по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 325 ГПК¹⁰. Признав эти положения не соответствующими ст. 19, 46 и 123 Конституции РФ, Суд при аргументации своего понимания права на правовую защиту сослался на соответствующие статьи Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта о гражданских и политических правах, Конвенции

о защите прав человека и основных свобод. Эта правовая позиция Конституционного Суда пока не повлекла за собой корректировку текста ч. 1 ст. 325 ГПК РСФСР.

Очевидны потребности дальнейшего реформирования законодательства о гражданском судопроизводстве.

Назову, в частности, вопросы исполнительного производства (разд. V ГПК РСФСР). Как известно, Федеральный закон от 21 июля 1997 г. «Об исполнительном производстве»¹¹ предусмотрел внесение изменений и дополнений в законодательство Российской Федерации. Применительно к ГПК это предписание до сих пор не реализовано. Можно предположить, что новеллы, содержащиеся в гл. IX Федерального закона «Об исполнительном производстве» («Совершение исполнительных действий в отношении иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных организаций. Исполнение судебных актов и актов других органов иностранных государств») будут учтены при корректировке разд. VI ГПК.

Однако один вопрос, как мне кажется, следовало решить на данной стадии. Имеются в виду ст. 338 ГПК («Постановления судов и других органов, подлежащие исполнению»), где было бы полезно дополнение перечня положением, вытекающим из новой редакции ч. 4 ст. 13 ГПК, и особенно ст. 339 («Исполнительные документы»), где уже сегодня явно ощущается пробел, который несколько лет назад был восполнен в ст. 7 Федерального закона «Об исполнительном производстве» («Перечень исполнительных документов»), где названы исполнительные листы, выдаваемые судами на основании решений Международного коммерческого арбитража и иных третейских судов, решений иностранных судов и арбитражей, решений межгосударственных органов по защите прав и свобод человека.

Одной из важных областей реформирования неизбежно станут положения о правоотношениях в сфере гражданского судопроизводства с иностранным (международным) элементом, т. е. нормы, которые сегодня сохраняются в разд. VI ГПК

РСФСР, и те назревшие новые нормы, которые будут ориентированы на совершенствование такого судопроизводства в рамках будущего ГПК Российской Федерации.

В тему данной статьи не входят предложения *de lege ferenda* в сфере регламентации разд. VI ГПК. Это требует особого разговора, который уже идет на страницах юридических журналов и на научно-практических конференциях.

Но один аспект из «футурологической серии» затрону. Имеется в виду судьба нормы-дублера, которой отныне можно считать ст. 438, ибо решающим является не хронологический аспект, а функциональное назначение нормы в общей структуре кодекса. В этом контексте новое предписание ч. 4 ст. 1 ГПК, будучи компонентом разд. I «Общие положения», несомненно превосходит по своей целенаправленности предписание ст. 438, относящееся только к тематике разд. VI. На мой взгляд, такое дублирование нецелесообразно и может породить недоразумения. Идентичность предмета регулирования обеих норм и их юридического содержания не должна отвлекать нас от характеристики круга субъектов гражданских процессуальных отношений. Если разд. VI ГПК посвящен регламентации отношений «с иностранным (международным) элементом», что соответственно ограничивает сферу действия ст. 438, то новый абзац ст. 1 ГПК придает предписанию о приоритетном применении правил международного договора в коллизионных ситуациях значение нормы общего действия в пределах всего гражданского судопроизводства и, таким образом, охватывает всех субъектов гражданского процессуального права и любые подпадающие под подобные ситуации отношения.

В этом смысле сопоставление ч. 4 ст. 1 ГПК в редакции Закона от 7 августа 2000 г. и не затронутой им формально ст. 438 ГПК идентично сопоставлению ч. 2 ст. 7 Гражданского кодекса РФ и ст. 569 ГК РСФСР, сохраняющей свое привычное место до принятия части третьей ГК РФ¹².

Применительно к ГПК, на мой взгляд, вполне оправданным и юридически резонным было бы включение в текст За-

кона от 7 августа 2000 г. лаконичной строчки «Статью 438 исключить» (как это было сделано во многих иного рода случаях). Как видно, столь кардинальное решение связывается с разработкой и принятием нового Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Федеральный закон // Рос. газ. 2000. 10 авг.; О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР: Федеральный закон // Там же. 15 авг. По моим подсчетам, применительно к ГПК это делается 36-й раз, а применительно к УПК – 83-й.

² Одно из последних изданий по состоянию на 1 февраля 2000 г. – Гражданский процессуальный кодекс РСФСР. М., 2000.

³ Отмечу также еще одно нетрадиционное для процессуальной регламентации положение: «Суд применяет обычаи делового оборота в случаях, предусмотренных нормативными правовыми актами». Как известно, статья об обычаях делового оборота содержится в Гражданском кодексе РФ (ст. 5).

⁴ Аналогичное сопоставление обусловлено текстами ч. 3 ст. 3 и ч. 3 ст. 11 АПК РФ.

⁵ Ранее ссылка на международные договоры как на основание применения норм иностранного права появилась в Основах законодательства Российской Федерации о нотариате (ст. 104).

⁶ СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

⁷ К сожалению, в УПК РСФСР затронутые здесь проблемы не получили никакого нормативного воплощения. Федеральный закон от 7 августа 2000 г. «О внесении изменений и дополнении в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» не внес каких-либо дополнений международно-правового характера.

⁸ Название статьи сохранено: «Передача вышестоящим судом дела из одного суда в другой».

⁹ Рос. газ. 1998. 25 марта.

¹⁰ Там же. 1999. 22 апр.

¹¹ СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3591.

¹² Федеральный закон от 7 августа 2000 г. не вносит какие-либо коррективы в разд. VI ГПК, но вряд ли констатация этого факта равнозначна заключению, что он вообще не затрагивает содержание и действие норм этого раздела.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ В АПК И ГПК РФ*

Процессуальные кодексы, регламентирующие вопросы гражданского судопроизводства и судопроизводства в арбитражных судах, включают в себя положения, находящиеся на стыке с материальными нормами или непосредственно с ними взаимодействующие. Это вполне естественные и юридически необходимые связи, поскольку одной из задач судопроизводства согласно ст. 2 АПК и ст. 2 ГПК является защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов субъектов правоотношений.

Взаимосвязи материальных и процессуальных норм в контексте международно-правового регулирования совершенно определенно выражены в обоих кодексах в виде двуединой характеристики приоритетной роли международных договоров РФ в ситуации несогласованности с ними правил российского законодательства. Такой подход был выражен уже в АПК 1995 г. (ч. 3 ст. 3 и ч. 3 ст. 11), а позднее воспринят ГПК РСФСР в редакции ФЗ от 7 августа 2000 г. (ч. 4 ст. 1 и ч. 3 ст. 10). Имеются в виду предписания, ориентированные на процессуальные и материальные аспекты судопроизводства.

Статья 3 АПК

3. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила судопроизводства, чем те, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации о судопроизводстве в арбитражных судах, применяются правила международного договора.

* Российский юридический журнал. 2003. № 1.

Соавтор: **И. В. Федоров**, кандидат юридических наук, преподаватель УрГЮА.

Статья 13 АПК

1. Арбитражные суды рассматривают дела на основании... международных договоров Российской Федерации...

4. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены законом, арбитражный суд применяет правила международного договора.

Статья 1 ГПК

2. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила гражданского судопроизводства, чем те, которые предусмотрены законом, применяются правила международного договора.

Статья 11 ГПК

1. Суд обязан разрешать гражданские дела на основании... международных договоров Российской Федерации...

4. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены законом, суд при разрешении гражданского дела применяет правила международного договора.

В первом случае (ч. 3 ст. 3 АПК, ч. 2 ст. 1 ГПК) прямо указаны процессуальные нормы – правила судопроизводства. Во втором (ст. 13 АПК) четкий ориентир не выражен. Подобной недомолвкой страдал и тезис п. 3 ст. 11 АПК 1995 г. Между тем имеются в виду уже не правила судопроизводства, а материально-правовые предписания, определяющие нормативное содержание соответствующего предмета регулирования¹. Трудно объяснить, почему разработчики АПК не воспользовались опытом подготовки и включения изменений и дополнений в ГПК РСФСР в редакции ФЗ от 7 августа 2000 г. Если формулировки процессуального аспекта в обоих кодексах не имеют существенных отличий, то смысл материально-правового компонента выражен в ГПК, в том числе в ГПК РФ 2002 г., с большей определенностью, поскольку приоритетное применение правил международного договора здесь

непосредственно связано с рассмотрением и разрешением гражданского дела. Такое взаимодействие в АПК может быть выявлено посредством общего толкования ст. 13, имеющей достаточно определенное наименование («Нормативные правовые акты, применяемые при рассмотрении дел») и в первой же части включающей международные договоры РФ в перечень актов, на основании которых арбитражные суды рассматривают дела.

Обращаясь к ст. 3 АПК и ст. 1 ГПК, хотелось бы отметить, что в их рамках законодатель несколько искусственно ограничил применение международно-правовых норм, посвященных вопросам судопроизводства, исключительно коллизионными ситуациями в отличие от универсальных возможностей использования арбитражными судами и судами общей юрисдикции международных правил материального характера (ст. 13 АПК, ст. 11 ГПК). Между тем отдельные нормы разд. V АПК «Производство по делам с участием иностранных лиц» (ГПК содержит аналогичный раздел) предусматривают самостоятельное либо совместное применение международных договоров при разрешении ряда процессуальных вопросов (например, ст. 256 АПК «Поручения о выполнении отдельных процессуальных действий», ст. 411 ГПК «Содержание ходатайства о принудительном исполнении решения иностранного суда»).

Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ еще в период применения АПК 1995 г. в постановлении «О действии международных договоров РФ применительно к вопросам арбитражного процесса», обращая внимание арбитражных судов прежде всего на ч. 3 ст. 3 АПК, вместе с тем далее практически во всех разделах постановления рассматривал ситуации совместного применения внутригосударственных и международно-правовых процессуальных норм. Так, в п. 9 отмечалась необходимость совместного применения внутригосударственных и международных процессуальных норм (п. 2 ст. 87 АПК РФ; п. 1 ст. VI Европейской конвенции о внешнеторговом ар-

битраже 1961 г.), а в п. 15 – самостоятельного применения международных процессуальных норм (соглашение 1993 г. «О размере государственной пошлины и порядке ее взыскания при рассмотрении хозяйственных споров между субъектами хозяйствования разных государств»).

Одно из принципиальных замечаний касается трактовки в новых АПК и ГПК обязательности международных судебных актов. В ФКЗ от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации» было включено предписание об обязательности на территории России постановлений международных судов и о том, что такая обязанность определяется международными договорами РФ (ч. 3 ст. 6).

Подобные положения отсутствовали в процессуальных кодексах. Впервые такая норма появилась в ГПК РСФСР при внесении в него изменений и дополнений в соответствии с ФЗ от 7 августа 2000 г. Однако продолжения не последовало. Аналогичная по предмету регулирования ч. 4 ст. 16 АПК РФ 2002 г. ограничивает вопрос признания и обязательности исполнения на территории РФ судебными актами, принятыми иностранными судами, и иностранными арбитражными решениями, не включая в перечень акты международных судов. И уже совсем удивительным стало исчезновение ссылки на акты международных судов из ГПК 2002 г. (ч. 3 ст. 15).

Такая позиция разработчиков двух процессуальных кодексов и законодательного органа не согласуется с предписаниями ФКЗ «О судебной системе РФ» и способна породить предположение, что акты международных судов обязательны для кого угодно, но не для судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Пробел в формулировках ГПК и АПК очевиден, о чем свидетельствует практика Верховного Суда и судов общей юрисдикции, Высшего Арбитражного Суда РФ и арбитражных судов.

Например, в п. 12 информационного письма от 25 декабря 1996 г. Президиум ВАС при рассмотрении вопросов о конвер-

тации валюты при уплате госпошлины ссылается на решение Экономического суда СНГ от 7 февраля 1996 г., в информационном письме от 20 декабря 2000 г. предлагает арбитражным судам принять во внимание положения, применяемые Европейским Судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие, в информационном письме от 4 февраля 2000 г., разъясняя порядок применения Соглашения между правительствами РФ и Республики Беларусь о принципах сотрудничества и условиях взаимоотношений в области транспорта, приводит решение Экономического суда СНГ от 28 сентября 1999 г.; Верховный Суд РФ в ряде своих решений, в частности от 8 декабря 1999 г., для аргументации выводов использовал решение Экономического суда СНГ от 15 апреля 1999 г. (в котором последний дал толкование ст. 1 Соглашения между государствами-участниками СНГ о социальных и правовых гарантиях военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей).

Однако не только судебная практика свидетельствует о пробеле, допущенном в текстах ч. 4 ст. 16 АПК и ч. 5 ст. 13 ГПК. Весомым аргументом служит предписание самого АПК, содержащееся в ст. 311 «Основания пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам». В п. 7 в перечне таких оснований названо «установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении арбитражным судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский Суд по правам человека». Очевидно, в контексте юридических последствий для российских арбитражных судов в этой формулировке значимо признание обязательного характера постановления ЕС по факту нарушения конвенции и предписание относительно пересмотра национального судебного акта.

Вряд ли поддается разумному объяснению отсутствие подобного предписания в ГПК РФ. В этом акте имеется статья

об основаниях для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам решений и определений суда, вступивших в законную силу (ст. 392). Однако в перечне такого рода оснований отсутствует ссылка на нарушение судом при рассмотрении гражданского дела положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, установленное Европейским Судом по правам человека при обращении заявителя. Только элементарная небрежность могла породить такой пробел, явно недопустимый при обилии рассматриваемых Европейским Судом индивидуальных жалоб, обусловленных сопоставлениями решений и определений российских судов по гражданским делам и конвенционных норм. Пока не внесено дополнений в ст. 392 ГПК РФ, допустимым методом упразднения этого пробела с целью внедрения в гражданское судопроизводство юридических последствий постановлений Европейского Суда можно признать разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

Вместе с тем формулировку ст. 311 АПК нельзя признать безупречной. Прежде всего следует заметить, что не все постановления Европейского Суда по правам человека, в которых устанавливается нарушение арбитражными судами РФ положений конвенции, могут являться основанием для пересмотра вынесенного арбитражным судом решения. В частности, трудно предположить, что установленное Европейским Судом по правам человека нарушение требований ст. 6 Европейской конвенции о разбирательстве дела в разумный срок может быть оценено как основание для пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Кроме того, мы полагаем, что закрепленная в данной статье связка «рассмотрение арбитражным судом конкретного дела – обращение заявителя в Европейский Суд только в связи с этим делом» не совсем удачна. При буквальном прочтении складывается впечатление, что арбитражный суд пересмотрит по вновь открывшимся обстоятельствам только дело того лица, которое обратилось в Европейский Суд, в отношении же других дел, при разреше-

нии которых были допущены аналогичные нарушения, процедура пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам не будет использована.

Несколько удивляет и то, что в рамках ст. 311 речь идет о единственном международном судебном органе, чем, очевидно, исключается возможность применения в качестве оснований для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам решений иных международных судов². Кстати, аналогичный подход использован и в УПК РФ. В ст. 413 «Основания возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств» (п. 2 ч. 4) к новым обстоятельствам отнесено «установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела, связанное:

а) с применением федерального закона, не соответствующего положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод;

б) иными нарушениями положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод».

Можно с сожалением констатировать и отсутствие в АПК в связи с нормой ст. 311 конкретизирующих решений, как это сделано в УПК, где вслед за положениями ч. 4 ст. 413 предусмотрены реальные действия, связанные с пересмотром приговора, итогом которых являются осуществляемые Президиумом Верховного Суда РФ отмена или изменение судебных решений по уголовному делу в соответствии с постановлением Европейского Суда по правам человека (ч. 5 ст. 415 УПК).

В ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» предписание об обязательности на территории РФ постановлений международных судов сопровождается ссылкой на международные договоры РФ, в связи с чем можно говорить об обусловленности суждения о юридической силе этих актов формулировками соответствующих международных договоров.

Хорошо известна ст. 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, имеющая заголовок «Обязательная сила

и исполнение постановлений» и содержащая обязательство государств исполнять окончательные постановления суда по делам, в которых они являются сторонами, что в содружестве с установленными самим судом нормами прецедентного права определяет совершенно четкие юридические последствия для компетентных органов заинтересованных государств, в том числе для судов. Естественно, применительно к правовой системе РФ имеются в виду все установленные Конституцией РФ компоненты судебной власти, включая суды общей юрисдикции и арбитражные суды.

Мы не видим пока оснований для привлечения норм Статута Международного суда ООН и его практики в качестве юридических оснований для характеристики гражданского и арбитражного судопроизводства, хотя и не исключаем такую перспективу. Во всяком случае, дела, рассмотренные Международным судом в последние годы, и его постановления от 27 июня 2001 г. и 14 февраля 2002 г. свидетельствуют о нетрадиционных тенденциях в определении юридических последствий отдельных решений для национальной правовой системы, внутригосударственных органов, должностных лиц и индивидов.

Один из международных аспектов взаимодействия материально-правовых и процессуальных норм применительно к гражданскому и арбитражному судопроизводству – это вопрос судебного иммунитета государств. В основе последнего лежат международные правовые принципы – уважение государственного суверенитета и равноправия государств.

В новом арбитражном процессуальном законодательстве существенно изменился подход к пониманию судебного иммунитета (ст. 251 АПК). Впервые в российском процессуальном законодательстве проведено разделение между государственно-властной и коммерческой деятельностью носителей государственного судебного иммунитета, хотя в статье специально обозначена только первая. Во всяком случае, можно утверждать, что судебный иммунитет в рамках новой редакции

АПК жестко привязан к действиям государства в качестве суверена. Ранее подобное разграничение проводилось только в рамках судебной деятельности.

Анализируя положения п. 1 ст. 251, можно презюмировать, что если иностранное государство выступает не в качестве носителя власти, оно не обладает иммунитетом в судопроизводстве и иммунитетом от предварительного обеспечения иска. Вместе с тем в АПК устанавливается специальный режим для иммунитета от принудительного исполнения. Речь идет об абсолютном иммунитете с отдельными изъятиями – согласие государства либо наличие специальных правил в международном соглашении или федеральном законе России. Наличие такого иммунитета, вероятно, создаст значительные трудности на практике, так как фактически лишает истца возможности реально исполнить вынесенное в его пользу судебное решение.

¹ С сожалением приходится констатировать, что в некоторых разъяснениях не проводится различие между нормами ч. 3 ст. 3 и ч. 4 ст. 13 АПК. При толковании первой из этих норм, имеющей совершенно определенный процессуальный характер (достаточно красноречиво наименование ст. 3 «Законодательство о судопроизводстве в арбитражных судах»), допускается смешение процессуальных и материальных аспектов (Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. В. Яркова. М., 2003. С. 6–7). А в комментарии к ст. 13, где речь идет о материальных нормах, применяемых при рассмотрении дел, утверждается, что «в данной статье содержатся правила о иерархии нормативных актов в процессе применения материального и процессуального законодательства» (Там же. С. 23). Никак не поясняется, почему дважды (в ст. 3 и 13) говорится о приоритетном применении арбитражным судом правил международного договора.

² Между прочим, в одном случае в АПК использована общая категория «международный суд». В п. 5 ст. 144 закреплено право арбитражного суда приостановить производство по делу в случае рассмотрения международным судом, судом иностранного государства другого дела, решение по которому может иметь значение для рассмотрения данного дела (в ГПК подобная норма отсутствует).

РОССИЙСКОЕ НОРМОТВОРЧЕСТВО В МЕХАНИЗМЕ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА*

Имплементация норм международного права на национальном уровне, в сфере внутригосударственных отношений и внутригосударственной юрисдикции, включает два способа правореализации:

установление и (или) совершенствование национальных законов и иных нормативных актов, предписания которых основаны на общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах;

непосредственное применение международно-правовых норм как составной части правовой системы государства, прежде всего в случаях пробелов в национальном законодательстве или несогласованности норм законов и норм международных договоров, а также при необходимости их взаимодействия.

Применительно к имплементации норм международного гуманитарного права в его традиционном понимании нуждается в специальном исследовании первая проблема, поскольку именно в ней проявляются комплексные аспекты правового регулирования в условиях Российской Федерации, основанного на Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 г., Дополнительных протоколах к ним 1977 г. и на некоторых других международно-правовых актах.

Конституция Российской Федерации, помимо закрепления права Президента РФ вводить на территории страны или в отдельных ее местностях военное положение в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии (ч. 2 ст. 87), затрагивает рассматриваемую проблему в контексте возможных, допустимых ограничений прав и свобод человека и гражданина. Согласно ст. 55 (ч. 3) права

* Российский юридический журнал. 2004. № 3.

и свободы «могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Здесь нет прямой ссылки на ситуацию вооруженного конфликта, хотя в перечне полномочий Президента РФ названо введение на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях военного положения в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии. Очевидно, именно на такую ситуацию ориентировано положение ч. 3 ст. 55 об ограничениях в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Перечень статей Конституции, предусматривающих права и свободы, которые не подлежат ограничению, дан в ст. 56 (ч. 3), посвященной условиям чрезвычайного положения, т. е. юридически иной, чем военное положение, ситуации. Однако можно презюмировать распространение такого перечня и на условия военного положения, имея в виду, что компоненты перечня корреспондируют соответствующим правилам Женевских конвенций о защите жертв войны и Дополнительных протоколов к ним (право на жизнь, охрана достоинства личности, запрет пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания, свобода совести, свобода вероисповедания, гарантии судебной защиты прав и свобод и т. п.).

Федеральный конституционный закон о военном положении от 30 января 2002 г. предусматривает, что в период действия военного положения, вводимого в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии, могут ограничиваться права и свободы «в той мере, в какой это необходимо для обеспечения обороны страны и безопасности государства» (ст. 4). Закон имеет специальный раздел о правовом положении граждан и организаций в период действия военного положения. В соот-

ветствии со ст. 18 в указанный период граждане пользуются всеми установленными Конституцией РФ правами и свободами «за исключением прав и свобод, ограничение которых установлено настоящим Федеральным конституционным законом и другими федеральными законами». Действительно, в ч. 2 ст. 7 этого Закона перечислены допустимые ограничения или запрещения, вполне согласующиеся с международными нормами. Но при отсутствии в Конституции РФ перечня прав и свобод, которые не подлежат ограничению даже в условиях военного положения, следовало, очевидно, использовать потенциал Федерального конституционного закона для такой регламентации.

Международные договоры Российской Федерации отнесены к правовой основе РФ наряду с Конституцией и иными федеральными нормативными актами (федеральные законы об обороне (ст. 3), о военной обязанности и военной службе (ст. 30), о статусе военнослужащих (ст. 4), о военном положении (ст. 2).

Международно-правовая ориентация Федерального закона о статусе военнослужащих от 27 мая 1998 г. конкретно воплощена в гл. III «Обязанности и ответственность военнослужащих». Статья 26 этого Закона, определяя общие обязанности и провозглашая в качестве существа воинского долга защиту государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, обеспечение безопасности государства, отражение вооруженного нападения, а также выполнение задач в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации, предписывает военнослужащим соблюдать общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации.

Нормы международного гуманитарного права предназначены для применения и в миротворческих операциях, в действиях по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности, осуществляемых в соответствии с решениями Совета Безопасности Организации Объединенных Наций.

Федеральный закон от 23 июня 1995 г. о порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности не содержит специальных положений гуманитарного характера, которые были бы прямо ориентированы на применение в ходе таких операций, но такое понимание как бы презюмируется.

Особую практическую значимость имеют ведомственные акты Министерства обороны.

Отметим прежде всего приказ министра обороны СССР от 16 февраля 1990 г. № 75 об объявлении Женевских конвенций о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним и введенное этим приказом в действие Руководство по применению Вооруженными Силами СССР норм международного гуманитарного права. Один из пунктов приказа предписывал «обеспечить изучение в системе правовой подготовки личного состава» указанных международных договоров и Руководства.

Акт Министерства обороны СССР 1990 г. сохранял юридическую силу и после прекращения существования союзного государства, поскольку не противоречил Конституции Российской Федерации и новому федеральному законодательству, и действовал вплоть до разработки и утверждения 8 августа 2001 г. Наставления по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации.

Особая ценность союзного акта проявилась в 90-е гг. в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера (контртеррористической операции) на территории Чеченской Республики в составе Российской Федерации.

Девять лет тому назад, в июле 1995 г., Конституционный Суд Российской Федерации при рассмотрении дела о проверке конституционности ряда указов Президента Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации в связи с ситуацией в Чеченской Республике не принял во внимание названный союзный акт, как, впрочем, и уже существовавший в то время федеральный закон.

В постановлении от 31 июля 1995 г.¹ Конституционный Суд, отметив значение Дополнительного протокола к Женевским конвенциям, касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокола II), назвал одной из причин несоблюдения его правил ненадлежащий учет положений Протокола во внутреннем законодательстве и заявил, что «Федеральному Собранию Российской Федерации надлежит упорядочить законодательство об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, а также о регулировании других возникающих в условиях экстраординарных ситуаций и конфликтов вопросов, в том числе вытекающих из Дополнительного протокола...».

Признавая судебную ориентацию вполне оправданной, я не могу не выразить сомнение в справедливости переноса акцента с непосредственного применения международно-правовых норм в контексте ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации на состояние законодательного регулирования. Кстати, в то время уже действовал принятый 22 января 1993 г. Закон Российской Федерации о статусе военнослужащих, в котором содержалось предписание военнослужащим «соблюдать нормы международного права в военной области, принятые Российской Федерацией».

Естественно, ведомственный акт не может быть включен в категорию «внутреннее законодательство», но он, вместе с тем, не должен игнорироваться при установлении реально существующей правовой основы соответствующей деятельности. Руководство по применению Вооруженными Силами СССР норм международного гуманитарного права в то время сохраняло нормативный характер и входило в федеральную правовую основу определения статуса и функционирования Вооруженных Сил Российской Федерации, поскольку соответствовало федеральному законодательству и международным договорам Российской Федерации.

Действующим в настоящее время актом является Наставление по международному гуманитарному праву, утвержденное министром обороны Российской Федерации 8 августа 2001 г.²

Руководство по применению Вооруженными Силами СССР норм международного гуманитарного права 1990 г. и Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации 2001 г. имеют немало идентичных положений, что обусловлено едиными для обоих актов принципами и нормами, провозглашенными Женевскими конвенциями и Дополнительными протоколами к ним, а также иными международно-правовыми документами.

В обоих ведомственных актах воспроизведены основные предписания Конвенций и Протоколов, характеризующие запрещенные методы (способы) и средства ведения войны, запрещенные действия в отношении жертв войны, а также определены обязанности командиров и всех военнослужащих при подготовке и в ходе ведения боевых действий. Практически полезными являются ссылки на соответствующие статьи международных договоров (в Руководстве такого рода ссылки сопутствуют конкретным формулировкам, а в Наставлении перечень статей международных актов, определяющих содержание его статей, представлен в виде приложения 3, содержащего значительно более подробные обозначения).

Ныне действующее Наставление, вместе с тем, обладает рядом черт, свидетельствующих о положительных тенденциях в правовом регулировании:

во-первых, оно является значительно более детализированным и включает в себя конкретные указания, адресованные соответствующим исполнителям;

во-вторых, в нем даны определения, раскрывающие употребляемые в международных документах термины и обозначения;

в-третьих, в рамках раздела об учете международного гуманитарного права при ведении боевых действий выделены пункты об особенностях применения соответствующих норм во внутренних вооруженных конфликтах;

в-четвертых, этот документ имеет приложения, включающие перечень основных международных договоров по вопросам международного гуманитарного права с участием

Российской Федерации, перечень их статей, определяющих содержание Наставления, а также лаконичный справочный документ, названный Кодексом поведения военнослужащего Вооруженных Сил РФ – участника боевых действий³.

Ответственность за преступные деяния в условиях вооруженных конфликтов является предметом уголовно-правовой регламентации.

Традиционным составом преступления можно считать «дурное обращение с пленными» (ст. 193.29 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г.), «дурное обращение с военнопленными» (ст. 268 Уголовного кодекса 1960 г.). В Кодексе 1960 г. появилась новая норма «Насилие над населением в районе военных действий» (ст. 267); она предусматривала наказание за «разбой, противозаконное уничтожение имущества, а равно противозаконное отобрание имущества под предлогом военной необходимости, совершаемые по отношению к населению в районе военных действий».

Можно с сожалением констатировать, что этот Кодекс, принятый уже после ратификации от имени СССР Женевских конвенций (17 апреля 1954 г.) и вступления их в силу для Советского Союза (10 ноября 1954 г.), не учитывал в должной мере их предписания.

Между тем, как известно, в каждой из четырех Женевских конвенций в главе (разделе) «Выполнение Конвенции» или «Пресечение злоупотреблений и нарушений» содержится статья, в соответствии с которой государства взяли на себя обязательство ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективных уголовных наказаний для лиц, совершивших или приказавших совершить те или иные нарушения Конвенции (такова, например, ст. 146 Конвенции о защите гражданского населения во время войны).

Значительным сдвигом в кодификации норм, предусматривающих ответственность за серьезные нарушения гуманитарных предписаний, явилось включение в Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. разд. XII (гл. 34) о преступлениях против мира и безопасности человечества. Среди вось-

ми статей следует выделить ст. 353, содержащую положения о развязывании или ведении агрессивной войны, ст. 356 «Применение запрещенных средств и методов ведения войны», ст. 357 «Геноцид» и ст. 359 «Наемничество». Можно отметить содержательную идентичность диспозиции ст. 357 с текстом ст. II Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., а в современной ситуации – с формулировкой ст. 6 Статута Международного уголовного суда 1998 г.

Содержание ст. 356 Уголовного кодекса представляется особо значимым вследствие прямых отсылок к международным договорам. Воспроизведу соответствующие тексты обеих частей:

«1. Жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортация гражданского населения, разграбление национального имущества на оккупированной территории, применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации...»

«2. Применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации...»

Для Особенной части Уголовного кодекса РФ такие комплексные диспозиции, совмещающие формулировки противоправных деяний и отсылки к международным договорам, явление редкостное, почти уникальное. Помимо указанной статьи можно назвать еще одну – ст. 355, устанавливающую ответственность за разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт химического, биологического, токсинного, а также другого вида оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации (в ред. Федерального закона от 19 июня 2001 г.).

Специалистам хорошо известны затянувшиеся дискуссии о статусе Уголовного кодекса в его соотношении с международным правом. Традиционная для уголовно-правовой науки концепция категорического отрицания возможного участия норм международных договоров в установлении преступно-

сти деяния и регулировании аспектов уголовной ответственности противоречит общему конституционному принципу признания международных договоров Российской Федерации составной частью ее правовой системы и, следовательно, их непосредственной применимости при регулировании внутригосударственных, в том числе и уголовно-правовых, отношений. И как раз формулировки ст. 355 и 356, ориентированные на участие международных договоров в квалификации преступных деяний, свидетельствуют об ущербности указанной концепции.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»⁴ парадоксально совмещены негативный тезис о том, что международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, и оговорка, что такие нормы должны применяться судами в тех случаях, когда норма Уголовного кодекса прямо устанавливает необходимость применения международного договора (следуют ссылки на ст. 355 и 356).

Такого рода разноречивые предписания вряд ли допустимы при определении юридических критериев, поскольку не согласуются ни с конституционным принципом, ни с положениями международно-правовых актов. Согласно Международному пакту о гражданских и политических правах (ст. 15) и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 7) признание какого-либо действия или упущения уголовным преступлением допустимо согласно внутригосударственному законодательству или международному праву. Частным воплощением общего подхода является правило Женевской конвенции об обращении с военнопленными, согласно которому (ст. 99) возможность предания военнопленного суду или осуждение обусловлены проступком, наказуемым по законодательству держащей в плену державы или по международному праву.

Менее, по сравнению с уголовно-правовыми положениями, заметно одно из предписаний Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Глава 20 этого Кодекса «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность» завершается ст. 20.27 с оригинальным текстом об административной ответственности за невыполнение в зоне проведения контртеррористической операции законного распоряжения или требования лица, проводящего указанную операцию, либо воспрепятствование осуществлению проводимой этим лицом операции, а равно несанкционированное проникновение либо попытку проникновения в зону проведения контртеррористической операции.

Трудно установить в этом тексте достаточно четкие ориентиры, начиная с самого понятия «контртеррористическая операция», имея в виду ее юридическую характеристику, и завершая обозначенными параметрами правонарушений.

В рамках данной публикации кажутся излишними суждения о соотношении Статута Международного уголовного суда и российского уголовного законодательства. Эта тема подверглась всестороннему и комплексному рассмотрению на нескольких научных форумах. Особо отметим третьи Мартенсовские чтения в Санкт-Петербурге в октябре 2003 г., по итогам которых издан специальный выпуск Российского ежегодника международного права⁵, большая часть статей которого посвящена Международному уголовному суду, и конференцию об имплементации на национальном уровне Римского статута в Москве в феврале 2004 г. с участием председателя Суда Ф. Кирша.

Однако один вопрос, возникший вне отмеченных дискуссий, целесообразно затронуть. Он касается совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с предполагаемым участием нашего государства в Статуте и в Суде. В одном из изданий было высказано мнение, что в случае присоединения России к Римскому статуту в УК необходимо будет внести более 35 новых составов преступлений, подпадающих

под юрисдикцию этого Суда, и внести изменения в действующие составы⁶. Тезис сопровождается примером: «Объем понятия геноцида по Римскому статуту не соответствует объему понятия геноцида, сформулированного в ст. 357 УК». Так и сказано категорически – не соответствует (!).

Как известно, впервые понятие геноцида было сформулировано в 1948 г. в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Текст ст. II этой Конвенции полностью воспроизведен в ст. 6 Римского статута⁷. Таким образом, сравнивать с Уголовным кодексом надо прежде всего Конвенцию, а уже затем Статут.

Но при любом сопоставлении становится очевидной содержательная идентичность положений обоих международно-правовых актов и ст. 357 Уголовного кодекса РФ. «Бдительного» критика насторожило, видимо, отсутствие в российском законе буквенных обозначений («а», «b», «с» и т. д.) при перечислении противоправных действий, что и подвигло его на «научное откровение».

Содержание нормативных актов дает основания для суждения о комплексном характере отдельных положений, относящихся к международному гуманитарному праву, поскольку они ориентированы на применение в любых ситуациях, т. е. как в условиях вооруженных конфликтов с целью их максимально возможной гуманизации, так и в нормальной обстановке мирного времени⁸. Я имею в виду пресечение определенных деяний, входящих в состав преступления геноцида (например, предумышленное создание для какой-либо национальной, этнической, расовой или национальной группы как таковой таких жизненных условий, которые рассчитаны на ее полное или частичное физическое уничтожение), или противодействие некоторым преступлениям против человечности – заключение в тюрьму или пытки в нарушение норм международного права.

Насущным является включение в Уголовный кодекс РФ такого состава преступления, как международный терроризм. Сегодня недостаточны предписания об уголовной ответствен-

ности за терроризм (ст. 205) и за вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению (ст. 205¹).

Когда были приняты Женевские конвенции и Дополнительные протоколы к ним, международный терроризм еще не обрел тех проявлений и той степени общественной опасности, которые присущи ему в наши дни и должны определять степень его криминализации. Поэтому речь идет уже не об имплементации норм указанных документов, а о самостоятельной внутрисударственной квалификации, основанной на общепризнанных принципах и нормах международного права, определяющих наиболее значимые предписания действующих антитеррористических конвенций, прежде всего Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом.

Имеется в виду дополнение гл. 34 УК «Преступления против мира и безопасности человечества» ст. 361, содержащей квалификацию международного терроризма.

¹ Рос. газ. 1995. 11 авг.

² Наставление по международному гуманитарному праву. М., 2002.

³ На лицевой стороне Кодекса кратко сформулированы правила (например, «Применяй оружие только против противника и его военных объектов», «Гуманно относись к гражданскому населению, уважай его собственность»); на оборотной стороне показаны эмблемы и знаки лиц и объектов, к которым надлежит относиться с уважением (медицинский персонал, сотрудники международных и национальных гуманитарных организаций, культурные ценности и др.).

⁴ Бюл. Верховного Суда РФ. 2003. № 12. С. 3–8.

⁵ Рос. ежегодник междунар. права. 2003. Спец. вып. СПб., 2003.

⁶ Зимненко Б. Международное право в судебной практике России: уголовное судопроизводство // Рос. юстиция. 2003. № 10. С. 10.

⁷ Отметим чисто редакционные различия начальных слов: в Конвенции «под геноцидом понимаются следующие действия...»; в Статуте «геноцид означает любое из следующих действий...».

⁸ Международное право: учеб. для вузов. 3-е изд. / под ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунова. М., 2003–2004. С. 380.

**ЗАПРЕТ ПОВТОРНОГО ПРИВЛЕЧЕНИЯ
К ОТВЕТСТВЕННОСТИ
(NON BIS IN IDEM)
КАК ОБЩИЙ ПРИНЦИП ПРАВА***

**Генезис правила «не дважды за одно и то же»
в системе общих принципов права**

Одной из проблем сравнительного правоведения является оценка общих принципов права, их сопоставление в контексте единых характеристик в международной и национальных правовых системах и специфических потребностей межгосударственного и внутригосударственного регулирования.

Методологические критерии сущности общих принципов права далеки от унификации, концептуальный диапазон простирается от их отождествления с максимами римского права, трансформированными в национальные постулаты современных государств, до присвоения им особого статуса общепризнанных принципов международного права¹.

К таким юридическим категориям, в частности, относятся: *lex posterior derogat prior* – последующий закон отменяет предшествующий; *lex specialis derogat generali* – специальный закон заменяет общий (для данного дела); *lex prospicit non respicit* – закон смотрит вперед, а не назад (закон обратной силы не имеет); *nullum crimen sine lege* – нет преступления без закона; *nulla poena sine lege* – нет наказания без закона².

Переход к исследованию такого предписания, как *non bis in idem* (не дважды за одно и то же), необходимо предварить целостным взглядом на проблему.

Не могу согласиться с суждениями, отвергающими нормативный характер общих принципов права, сводящими их к категориям юридической техники. Такая оценка воплощена даже в одном из самых солидных изданий – семитомном «Курсе международного права». Общие принципы права

* Российский юридический журнал. 2005. № 1.

охарактеризованы в нем как ненормативные «вспомогательные положения», «юридические понятия, постулаты, правила юридической логики и юридической техники, которые применяются как в национальных правовых системах, так и в международном праве в процессе толкования и применения правовых норм»³. Как известно, из правила *pacta sunt servanda* сформировался один из основных принципов международного права – принцип добросовестного выполнения государствами принятых на себя обязательств.

Признание единых для правовых систем положений сопровождается отрицанием их правового характера и ничем не аргументируемым утверждением, что «правовых норм, общих и для международного, и для внутригосударственного права, нет»⁴.

Мне бы хотелось в данной публикации, не возвращаясь к достаточно известным дискуссиям, распространившимся на протяжении десятилетий в международно-правовой науке, сразу же совершенно категорично высказать мнение, что общие принципы права – это не что иное, как именно общеправовые принципы (прошу прощения за логическую вольность – *idem per idem*). Имеются в виду исторически сложившиеся и признанные как на внутригосударственном, так и на межгосударственном уровнях предписания, содержащие целостные, единые для взаимосогласованных и взаимодействующих компонентов мирового (глобального) правового пространства базовые регулятивные императивы. К ним *prima facie* приложимы признаки норм *jus cogens*, принятых и признанных как каждым государством в отдельности (по терминологии ст. 38 Статута Международного суда ООН, «цивилизованными нациями»), так и всеми государствами в их противоречивом единстве (по формулировке ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров, «международным сообществом государств в целом»). Имеются в виду нормы, которым присуще качество неоспоримости и отклонение от которых недопустимо.

Принятая в рамках Совета Европы Конвенция о защите прав человека и основных свобод также использует категорию общих принципов права, но уже применительно к специальной проблеме уголовной ответственности. Имеется в виду возможность осуждения и наказания лица за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое в момент его совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами (п. 2 ст. 7).

Аналогичное по содержанию положение Международного пакта о гражданских и политических правах завершается иными словами: согласно общим принципам права, признанным международным сообществом (п. 2 ст. 15).

Полагаю, что именно общие принципы права в качестве единых для взаимосогласованных систем – международного права и внутригосударственного права – юридических норм обеспечивают их взаимодействие и совместное применение.

Не претендуя на всестороннее исследование генезиса принципа *non bis in idem*, отмечу появление этой максимы в римском частном праве в качестве процессуальной категории. По словам И. А. Покровского, «исконным правилом римского процесса» было положение, что на его определенной стадии истец «не может уже во второй раз вчать иск о том же, хотя бы по первому процессу разбора и приговора почему-либо не было»⁵.

Следовательно, в данной ситуации речь шла не о предотвращении «двойной» ответственности за одно и то же деяние, а о невозможности вторичного искового разбирательства по одному и тому же делу.

Позднее сложилась уголовно-правовая и уголовно-процессуальная ориентация правила недопущения повторного производства. Имеются в виду английский *Habeas corpus act* (Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями), французская Конституция 1791 г., пятая поправка (1791 г.) к Конституции США и т. д.

Его современное содержание связано прежде всего с природой национального правосудия и целями справедливого судебного разбирательства. Постепенно принцип *non bis in idem* проникал в конституции государств, в международные договоры с целью установления стандартов прав и свобод, в том числе права на судебную и иную правовую защиту.

Весьма широк диапазон зарубежных конституционных решений: это и краткие предписания запрета двойного осуждения (наказания) за одно и то же преступление (Основной закон Федеративной Республики Германия (ст. 103), конституции Португалии (ст. 29), Индии (ст. 20), Азербайджана (ст. 64), Литвы (ст. 31), Республики Корея (ст. 13) и др.), и развернутые положения относительно отказа от повторного преследования как при состоявшемся наказании, так и при прекращенном уголовном деле и оправдании привлеченного к уголовной ответственности лица (конституции Японии (ст. 39), Мексики (ст. 23), Кипра (ст. 12), Словакии (ст. 50), Эстонии (ст. 23), Хорватии (ст. 31), и особенно юридически корректные и конкретизированные формулировки Конституционного акта Канады (ст. 11) и Конституции Республика Словения (ст. 31).

Отмечу также те государства, в конституциях которых получило воплощение широкое содержание рассматриваемого принципа, не ограниченное уголовно-правовым аспектом. Так, согласно ст. 76 Конституции Республики Казахстан «никто не может быть подвергнут повторно уголовной или административной ответственности за одно и то же правонарушение». Конституция Украины (ст. 61) запрещает привлечение дважды «к юридической ответственности одного вида за одно и то же правонарушение». В этих текстах ощущается трактовка общеправового принципа.

***Non bis in idem* в российском праве:
лаконизм Конституции
и «коллизии» федеральных законов**

Появление рассматриваемой нормы в отечественном конституционном законодательстве относится к 1992 г. Законом от 21 апреля 1992 г. в Конституцию РСФСР были внесены изменения и дополнения. Обновленная Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России содержала существенно иную, чем прежде, регламентацию прав и свобод человека и гражданина (гл. 5). Одной из принципиальных новелл стало правило, согласно которому «никто не должен дважды нести уголовную или иную ответственность за одно и то же правонарушение» (ч. 3 ст. 65).

Прошу обратить внимание на широкую трактовку ответственности – уголовную или иную, а также на использование такой юридической категории, как правонарушение.

Формулировка этого предписания претерпела ощутимую корректировку полтора года спустя в Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 г. Согласно ч. 1 ст. 50 «никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление».

К сравнительному анализу обоих текстов я еще вернусь, а пока отмечу, что конституционная новелла родилась не на «пустом месте», она восприняла подход текущего законодательства, придав одному из его положений более высокую правовую значимость.

К числу ранее установленных предписаний относились нормы Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. и Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, утвержденного законом от 27 октября 1960 г. Соответствующие тексты обоих актов идентичны: «Уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению... в отношении лица, о котором имеется вступивший в законную силу приговор по тому же об-

винению либо определение или постановление суда о прекращении дела по тому же основанию» (ст. 5 в обоих случаях).

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ от 18 декабря 2001 г. аналогичная норма содержится в ч. 1 ст. 27 «Основания уголовного преследования» и выражена следующими словами: «Уголовное преследование в отношении подозреваемого или обвиняемого прекращается по следующим основаниям: ... 4) наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению».

Что же касается уголовного законодательства, то приходится констатировать отсутствие такого правила как в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г., так и в Уголовном кодексе РСФСР, утвержденном законом 27 октября 1960 г. Установление правила о недопущении двойной ответственности связано с Уголовным кодексом РФ от 13 июня 1996 г. Имеется в виду ст. 6 «Принцип справедливости», в ч. 2 которой определено: «Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление».

Между прочим, при сопоставлении конституционной нормы (ч. 1 ст. 50) и текстов УПК (ч. 1 ст. 27) и УК (ч. 2 ст. 6) можно заметить существенное различие формулировок. Конституция предусматривает только запрет повторного осуждения и не затрагивает ситуацию, при которой речь идет о недопустимости осуждения в случае предшествовавшего ему «первичного» прекращения дела по тому же обвинению, прекращения уголовного преследования за то же преступление (такая ситуация оговорена в УПК). Что же касается УК, то используемое здесь положение о недопущении повторной уголовной ответственности охватывает более широкий спектр возможных ситуаций, чем только запрет повторного осуждения.

В связи с этим закономерен вопрос о разрешении потенциальной коллизии, несоответствия указанных норм. Уместно

ли здесь суждение о противоречии, недопустимом согласно ч. 1 ст. 15 Конституции РФ, влекущем отмену нормы закона?

Представляется резонным негативный ответ, обусловленный значимостью целостного подхода, трактовкой конституционной нормы в комплексе с международно-правовыми нормами.

Затрону и еще одно «противоречие». В Конституции и УК речь идет о недопустимости повторного преследования за одно и то же преступление. Вследствие этого вполне логична связь этих норм с предписаниями УПК.

Но сходная проблема существует и в административном праве, в административном судопроизводстве. Этим обусловлено «вторжение» в эту сферу регулирования Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г., который, определяя общие правила назначения административного наказания, установил, что «никто не может нести административную ответственность дважды за одно и то же административное правонарушение» (ч. 5 ст. 4.1). Сошлюсь также на Налоговый кодекс РФ от 31 июля 1998 г., где сказано: «Никто не может быть привлечен к ответственности за совершение одного и того же налогового правонарушения» (ч. 2 ст. 108). Как известно, правонарушения в налоговой сфере могут порождать как уголовную, так и административную ответственность. Следовательно, применение обоих названных кодексов может создавать ситуации, отличные от предусмотренной в Конституции.

Следует также иметь в виду категорию дисциплинарной ответственности. Трудовой кодекс РФ от 30 декабря 2001 г. установил, что за «каждый дисциплинарный проступок может быть применено только одно дисциплинарное взыскание» (ст. 193). Согласно Уголовно-исполнительному кодексу от 8 января 1997 г. (ст. 117) в отношении осужденных к лишению свободы запрещается за одно нарушение налагать несколько взысканий.

Оценивая данную регламентацию, можно добрым словом вспомнить формулировку Конституции Российской Федера-

ции – России в редакции Закона от 21 апреля 1992 г., запретившую повторную уголовную или иную ответственность за одно и то же правонарушение.

Вряд ли оспорима именно такая концепция правила *non bis in idem*. И остается только сожалеть, что полтора года спустя она не была воспринята Конституцией Российской Федерации, ограничившей это правило уголовной составляющей. Несогласованность нормы действующей Конституции и норм ряда кодексов (об административных правонарушениях, налогового, трудового) не поддается разрешению с помощью международных договоров, поскольку не только специальные уголовно ориентированные конвенции, но и такие общезначимые акты, как Международный пакт о гражданских и политических правах и конвенции Совета Европы и Содружества Независимых Государств о правах и свободах, говорят о недопустимости повторного наказания за преступление и ссылаются при этом на уголовно-процессуальное право (уголовно-процессуальные нормы) соответствующего государства, тем самым оставляя за рамками запрета указанные выше сферы и относящиеся к ним правонарушения.

Каков же выход? Возвращение к формулировке Конституции Российской Федерации – России 1992 г.? Желательный, но умозрительный и нереальный вариант, учитывая общие условия внесения изменений в действующую Конституцию и особенно в ее вторую главу. Комплексная оценка в содружестве с международными договорами РФ? Она неэффективна, поскольку концепция всех вторгающихся в эту проблему договоров ограничивается криминальной сферой (ответственностью за преступления).

Остается не безупречный метод расширительного толкования нормы Конституции Конституционным Судом РФ, но его предпосылкой является запрос одного из органов государственной власти (ст. 105 Федерального конституционного закона о Конституционном Суде Российской Федерации).

Практике Конституционного Суда известны ссылки на правило *non bis in idem*. В двух случаях затрагивалась проблема

повторного осуждения за одно и то же преступление. Это постановления Конституционного Суда РФ от 17 июля 2002 г. и от 19 марта 2003 г.⁶ Они включают ссылки как на Конституцию РФ (ч. 1 ст. 50), так и на международно-правовые акты – Международный пакт о гражданских и политических правах (п. 7 ст. 14), Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 4). При этом при изложении соответствующих норм не обращается внимание на различие конституционной и международных формулировок. Все они характеризуются как воплощение общего правового принципа *non bis in idem*, как конкретизация общеправового принципа справедливости.

Оценка правила *non bis in idem* как общего принципа права, воплощающего «недопустимость повторного привлечения к ответственности за совершение одного и того же правонарушения (принцип однократности привлечения лица к ответственности за совершение конкретного правонарушения)» дана при разрешении ситуации, не связанной исключительно с уголовным преступлением и уголовной ответственностью. Имеется в виду определение Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 г.⁷, в котором дана ссылка на ст. 108 (п. 2) Налогового кодекса РФ, но отсутствуют ссылки на отмеченные международно-правовые акты. Показательно и следующее: в одном из пунктов констатирующей части определения (п. 3.2) в перечне ссылок на Конституцию есть и ч. 1 ст. 50, однако в резолютивной части эта норма не называется, а вывод о несоответствии статьям Конституции положения закона о повторном привлечении к ответственности обосновывается без привлечения ст. 50 (ч. 1).

В правовой позиции Конституционного Суда, выраженной в указанных постановлениях и определении, особого внимания заслуживает концепция общеправового принципа, которая, на первый взгляд, не вполне созвучна смыслу конституционной нормы и международно-правовых норм, ориентированных исключительно на уголовно-правовую ситуацию.

Такое расширительное толкование, охватывающее всю правовую сферу, весь спектр ответственности за правонарушения, представляется логически и юридически оправданным.

Очевидна специфика гражданско-правовой ответственности. В рамках обязательственного права правонарушение представляет собой неисполнение обязательства либо исполнение его ненадлежащим образом (ч. 1 ст. 401 Гражданского кодекса РФ). Соответственно надлежащее исполнение прекращает обязательство (ч. 1 ст. 408 ГК). Вопрос о «повторном исполнении», естественно, не возникает, что исключает какие бы то ни было предположения о потенциальной возможности применения правила *non bis in idem*.

Non bis in idem
как международно признанный стандарт
правового статуса личности

Правило *non bis in idem* не было предусмотрено во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и в принятой спустя два года в рамках Совета Европы Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Его межгосударственное нормативное закрепление относится к 1966 г., когда был открыт для подписания Международный пакт о гражданских и политических правах, и к 1976 г. (23 марта), когда он вступил в силу, в том числе для СССР, а также к 1984 г., когда был подписан Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и к 1 ноября 1988 г., когда он вступил в силу (для Российской Федерации Протокол вступил в силу 1 августа 1998 г.). В указанные даты правило *non bis in idem* приобрело для нашего государства значение международного обязательства – сначала в формулировке п. 7 ст. 14 Пакта, затем – в формулировке ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции⁸.

Соответствующие нормы обоих актов являются содержательно идентичными при несущественных различиях:

Международный пакт о гражданских и политических правах⁹	Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁰
Никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны	Никто не должен быть повторно судим или наказан в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое уже был оправдан или осужден в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого государства

Добавлю к этому сравнению ссылку на п. 2 ст. 4 Протокола № 7, где говорится о возможности повторного рассмотрения дела при наличии сведений о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или о допущенных в ходе предыдущего разбирательства существенных нарушениях, повлиявших на исход дела.

Таким образом, эти международно-правовые акты в качестве предпосылки применения правила *non bis in idem* учитывают не только первоначальное осуждение лица, но и состоявшееся его оправдание по данному делу.

Идентичные в основном тексты Международного пакта и Протокола № 7 к Европейской конвенции сталкиваются с таким фактором, как субъектно-пространственная сфера действия.

Международный пакт о гражданских и политических правах относится к категории общих многосторонних договоров, его универсальный характер подтверждается участием 154 государств (данные на 25 ноября 2004 г.), еще 7 стран его подписали, но пока не ратифицировали. Европейская конвенция является локальным договором, его участники сегодня – 46 государств-членов. Однако Протокол № 7 подписали и ратифицировали только 38 государств (данные на 15 марта

2005 г.)¹¹; не являются его участниками Германия, Нидерланды, Испания, Турция, Монако (подписали, но не ратифицировали), Великобритания, Бельгия, Андорра (даже не подписали).

Это обстоятельство, на первый взгляд, не имеет принципиального значения, поскольку и названные государства связаны обязательством, налагаемым правилом *non bis in idem*, вследствие участия в Международном пакте о гражданских и политических правах. Но надо учитывать и специфику юридических последствий: только участие в Протоколе № 7 обеспечивает применение данного правила при подаче и рассмотрении индивидуальных жалоб в Европейском Суде по правам человека. Дело, основанное на норме ст. 4 Протокола № 7, не порождает обязательства у государства, не признающего этот Протокол. Характерен пример Великобритании. Парламент Соединенного Королевства принял 9 ноября 1998 г. Акт о правах человека (Human Rights Act), регламентирующий понимание и применение в этой стране «конвенционных прав», под которыми понимаются права и свободы, закрепленные в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в Протоколах № 1 и № 6, что подтверждает законодательное отрицание предписаний Протоколов № 4 и № 7, в которых также содержатся статьи о правах и свободах, дополняющие Конвенцию.

Поведение государств, отказывающихся от обязательств по Протоколу № 7 (а здесь в числе норм не только «право не быть судимым или наказанным дважды», но и «право на обжалование приговоров по уголовным делам во второй инстанции», «компенсация в случае судебной ошибки»), не может не вызывать негативное реагирование участников этого Протокола, поскольку указанные правила рассматриваются как дополнительные статьи к Конвенции, объединяющей все государства-члены Совета Европы. Да и по существу трудно понять позицию государства, которое в принципе признает правило *non bis in idem*, но отказывается от его реализации в рамках европейского судопроизводства.

Следует иметь в виду, что 26 мая 1995 г. в Москве была подписана Конвенция Содружества Независимых Государств

о правах и основных свободах человека, ратифицированная от имени Российской Федерации 4 ноября 1995 г. и вступившая в силу 11 августа 1998 г. Процитирую п. 2 ст. 7: «Никто не должен быть осужден или наказан вторично за преступление, за которое он уже был осужден или понес наказание на основе национального законодательства». Бросается в глаза одна особенность нормы Конвенции СНГ – за пределами текста нормы оказался вариант возможного оправдания на первоначальной стадии.

Принцип *non bis in idem* получил воплощение в Хартии Европейского Союза об основных правах, подписанной 7 декабря 2000 г. Ее текст включен в Европейскую Конституцию, одобренную 29 октября 2004 г.¹², в качестве второй части «Хартии основных прав Союза» (гл. VI «Правосудие»).

Соответствующая статья (в Конституции П-110) называется «Право не быть судимым или наказанным дважды в рамках уголовной процедуры за одно и то же преступление». Ее текст лаконичен: «Никто не должен быть судимым или наказанным повторно в рамках уголовной процедуры за преступление, за которое он или она уже был окончательно оправдан или осужден в Союзе в соответствии с законом».

Отмечу определенные отличия от текста ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Во-первых, расширен заголовок статьи путем добавления слов «в рамках уголовной процедуры за одно и то же преступление». Во-вторых, ссылка на закон является краткой по сравнению со словами о законе и уголовно-процессуальных нормах. В-третьих, здесь отсутствует формулировка п. 2 о возможности повторного рассмотрения дела в случае новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Обобщая предписания всех названных актов, можно констатировать, что применительно к регламентации прав и свобод они определяют место принципа *non bis in idem* в правовом статусе человека в рамках внутригосударственной юрисдикции.

Специфика решений при осуществлении правовой помощи

Особая сфера регулирования, затрагивающая межгосударственные отношения, прежде всего в вопросах правовой помощи по уголовным делам, относится к действию специальных договоров (конвенций).

Проявлением принципа *non bis in idem* можно считать договорную регламентацию одного из вариантов отказа в выдаче лица, обвиняемого в совершении преступления. Во взаимоотношениях государств принято правило, согласно которому выдача по требованию запрашивающего государства не производится, если в отношении лица, выдача которого требуется, на территории запрашиваемого государства за то же преступление был вынесен приговор или постановление о прекращении производства по делу, вступившее в законную силу. Таково предписание ст. 57 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г.¹³ (Минской конвенции стран СНГ), воспроизведенное с небольшими коррективами в ст. 89 Конвенции от 7 октября 2002 г., принятой в Кишиневе (от имени РФ подписана, но пока не ратифицирована). Таковы положения многих двусторонних договоров аналогичного характера (например, ст. 38 Договора между СССР и Греческой Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 21 мая 1981 г., ст. 3 Договора между РФ и Китайской Народной Республикой о выдаче от 26 июня 1995 г., ст. 64 Договора между РФ и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 16 сентября 1996 г.).

Европейская конвенция о выдаче от 13 декабря 1957 г., которая вступила в силу для Российской Федерации 9 марта 2000 г.¹⁴, содержит ст. 9, имеющую название «Non bis in idem». Ее текст: «Выдача не осуществляется, если компетентные органы запрашиваемой Стороны вынесли окончательное решение в отношении лица, требуемого в связи с преступле-

нием или преступлениями, по поводу которых запрашивается выдача. В выдаче может быть отказано, если компетентные органы запрашиваемой Стороны вынесли решение не осуществлять или прекратить судебное преследование в отношении того же преступления или преступлений».

При сравнительном анализе данной статьи и вышеуказанных статей можно отметить различие формулировок: «выдача не производится» (конвенции СНГ и двусторонние договоры) и «в выдаче может быть отказано» (Европейская конвенция).

Положения, предусматривающие применение рассматриваемого принципа, содержатся в таких договорных актах, как Европейская конвенция о международной действительности уголовных приговоров от 28 мая 1970 г. (Российская Федерация не подписала) и Европейская конвенция о передаче производства по уголовным делам от 15 мая 1972 г. (от имени Российской Федерации подписана 11 декабря 2000 г., но не ратифицирована). В обеих конвенциях соответствующие фрагменты имеют наименование «*Ne bis in idem*» (аналог основного термина, где «не» равнозначно «non»). Речь идет о невозможности преследования лица в уголовном порядке в другом договаривающемся государстве, если уже было вынесено решение, которым это лицо было оправдано или была применена или применяется мера наказания по этому же деянию (соответственно ст. 53 и 35).

«Не дважды» в принципе, «дважды» в оговорках – парадоксы международного уголовного судопроизводства

В современном международном уголовном судопроизводстве запрет двойной ответственности получил неоднозначное воплощение, обусловленное уровнем судебного разбирательства, статусом судебного органа.

Тридцать лет тому назад на конференции Ассоциации международного права в Дели (Индия) мне довелось ознакомиться с представленным инициативной группой юристов проек-

том Статута Международного уголовного суда. В его ст. 46 «Double jeopardy» («Двойное преследование») были предложены два решения: 1) никакое лицо, которое было судимо и оправдано или осуждено международным уголовным судом, не будет впоследствии судимо в любом другом суде за то же самое деяние; 2) лицо, судимое в каком-либо национальном суде, может быть судимо вновь за то же самое деяние Международным уголовным судом, но с условием, что в случае осуждения в обоих судах наказание, исполненное по первому приговору, будет вычтено из второго наказания¹⁵.

Первыми международно-правовыми актами, регламентирующими применение правила *non bis in idem* в международном уголовном судопроизводстве, явились Устав Международного трибунала по бывшей Югославии и Устав Международного трибунала по Руанде, утвержденные резолюциями Совета Безопасности № 827 от 25 мая 1993 г. и № 955 от 8 ноября 1994 г.¹⁶ (соответственно ст. 10 и 9). В обоих актах предусматривается, что ни одно лицо не может быть судимо национальным судом за деяния, представляющие собой серьезные нарушения международного гуманитарного права, за которые оно уже было судимо Международным трибуналом. Иное решение касается лиц, осужденных национальными судами за деяния, представляющие собой серьезные нарушения международного гуманитарного права. Такое лицо может быть впоследствии судимо и Международным трибуналом в следующих случаях:

если деяние, за которое оно было осуждено, было квалифицировано как обычное преступление;

если судебное разбирательство в национальном суде не было беспристрастным и независимым, предназначалось для того, чтобы оградить обвиняемого от международной уголовной ответственности, или же дело не было расследовано обстоятельным образом.

Здесь же оговаривается, что при определении меры наказания для лица, осужденного за преступление в соответствии с Уставом, Международный трибунал принимает во внимание

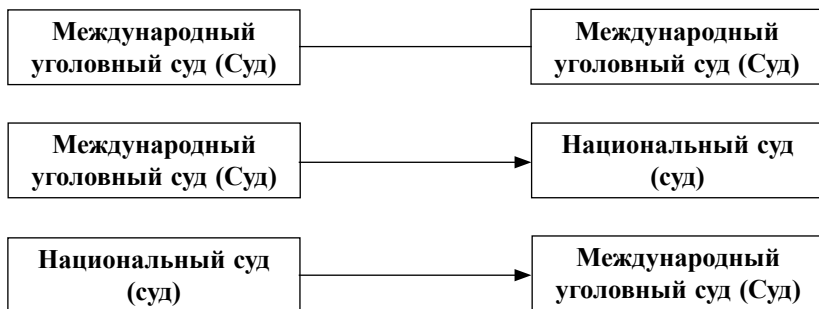
степень отбытия наказания, определенного национальным судом для этого же лица за совершение того же деяния.

Таким образом, можно констатировать общие подходы, предложенные в инициативном проекте и закрепленные в официальных резолюциях Совета Безопасности. Я имею в виду прежде всего отступление от правила *non bis in idem* в пользу международного правосудия. Вместе с тем существенная специфика уставов заключалась в определении оснований такого отступления.

Новый этап регламентации рассматриваемого принципа и допустимых исключений из него – Статут Международного уголовного суда, принятый на дипломатической конференции в Риме 17 июля 1998 г.¹⁷ Участниками Статута являются 97 государств, еще 42 государства, в том числе Российская Федерация, его подписали, но пока не ратифицировали (данные на 3 февраля 2005 г.). Статут вступил в силу 1 июля 2002 г.

Неучастие (надеюсь, временное) нашего государства в Статуте и соответственно в деятельности Суда не снимает проблему оценки наиболее значимых положений этого акта, тем более в условиях уже состоявшегося подписания, предполагающего обязанность государства не лишать договор его объекта и цели (ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров).

Статья 20 Статута Международного уголовного суда «*Ne bis in idem*» регламентирует три варианта применения данного принципа, что обусловлено уровнем судебного разбирательства и вынесения судебного решения. Имеются в виду ситуации допустимости (недопустимости) повторного рассмотрения дела и осуждения при взаимоотношениях Международного уголовного суда, в том числе при внутрисудебных решениях, и судов отдельных государств (национальных судов).

Следует обратить внимание на различное написание формально однозначного термина «суд» в его привязке к категории органа:

Суд – применительно к Международному уголовному суду,
суд – применительно к национальному суду.

Первый вариант: лицо, признанное виновным или оправданное Судом, не может быть судимо повторно этим же Судом за деяние, составляющее основу того же самого состава преступления.

Второй вариант: лицо, привлеченное к ответственности за преступление, подпадающее согласно Статуту под юрисдикцию Суда, и признанное виновным или оправданное этим Судом, не может быть судимо другим судом за то же деяние.

Третий вариант: лицо, которое было судимо другим судом за деяние, запрещенное нормами Статута, не может быть судимо Судом за то же деяние, за исключением следующих случаев:

если разбирательство в другом суде предназначалось для того, чтобы оградить это лицо от уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда;

если разбирательство в другом суде по иным причинам не было проведено независимо или беспристрастно в соответствии с нормами надлежащей процедуры, признанными международным правом, и не отвечало цели предания соответствующего лица правосудию.

Таким образом, первый и второй варианты полностью отвечают принципу *non (ne) bis in idem*, третий вариант предус-

матривает возможность обусловленного серьезными факторами отступления от указанного принципа на уровне юрисдикции Международного уголовного суда в его соотношении с каким-либо национальным судом.

Основные признаки *non bis in idem* как юридического феномена

1. Запрет повторного привлечения к ответственности – это правовой принцип, обладающий качествами императивной нормы *jus cogens*, принятой в каждом государстве в интересах обеспечения права индивида на судебную и иную защиту и вместе с тем признанной международным сообществом государств в интересах поддержания единого правопорядка.

2. Запрет повторного привлечения к ответственности – это принцип, при квалификации которого преобладает исключительно уголовно-правовая и уголовно-процессуальная ориентация, что проявляется как в распространенности внутригосударственных предписаний, так и в исключительности международно-правовых решений такого рода.

3. Регламентация отказа от двойной уголовной ответственности во многих случаях ограничивается факторами освобождения от повторного осуждения и наказания за одно и то же преступление (такова норма и Конституции РФ) и не учитывает ситуации первоначального прекращения уголовного дела или оправдания. Здесь предпочтителен совмещенный подход.

4. Идеальная трактовка принципа *non bis in idem* должна иметь в виду его комплексное содержание, его общеправовую значимость, что предполагает его применение в иных сферах ответственности, прежде всего административной и дисциплинарной, и соответственно охватывать иные, чем преступления, виды правонарушений. Заслуживает признания правовая позиция Конституционного Суда РФ, воплощенная в формулировании принципа однократности привлечения лица к ответственности за совершение конкретного правонарушения.

5. Международно-правовая оценка принципа *non (ne) bis in idem* в ее современном выражении не рассматривается как универсальная, поскольку ее компоненты ориентированы на защиту правового статуса человека при реализации им права на справедливое судебное разбирательство в ситуациях уголовного обвинения (в уголовном порядке). Можно предположить, что при расширении сферы судебной защиты возникнут потребности адекватного регулирования и иных, чем уголовное, правонарушений.

6. Внедрение принципа *non (ne) bis in idem* в межгосударственное правовое сотрудничество, в том числе в международное уголовное судопроизводство, влечет за собой возрастающие потребности согласования и в определенных аспектах унификации международно-правовых и внутригосударственных норм, конкретизирующих содержание этого предписания, что также стимулирует его смысл и эффективность как общеправового принципа.

7. Исключение из общего правила, допускаемое во взаимоотношениях международного уголовного правосудия и национального правосудия, касается лишь наиболее тяжких международных преступлений и обусловлено согласованными решениями заинтересованных государств.

¹ Корецкий В. М. «Общие принципы права» в международном праве // Корецкий В. М. Избр. тр. Кн. 2. Киев, 1989. С. 165–199; Тункин Г. И. Теория международного права. М., 1970. С. 215–230.

² Употребляемые здесь термины приобрели не чисто буквальный, а со вмещенный смысл. *Lex (lege)* – это не только внутригосударственный акт, в ряде ситуаций имеются в виду и международно-правовые акты. Постулат «Нет преступления без закона» охватывает деяния, признаваемые уголовно наказуемыми правонарушениями как по национальному закону, так и по международному договору.

³ Курс международного права. М., 1989. Т. 1. С. 210–211.

⁴ Международное право / под ред. Ю. М. Колосова, Э. С. Кривчиковой. М., 2000. С. 44.

⁵ Покровский И. А. История римского права. СПб., 1998. С. 157. Автор ссылается на правило-изречение «*Ne bis de eadem re sit actio*», переведенное

формулой «Да не будет дважды иска (процесса) по одному и тому же делу». Вчать (устар.), вчинять – формы глагола «вчинить».

⁶ Рос. газ. 2002. 31 июля; 2003. 2 апр.

⁷ Там же. 2001. 22 авг.

⁸ Следует при этом иметь в виду, что применительно к международному гуманитарному праву в период вооруженных конфликтов рассматриваемая норма была установлена ранее – при принятии 12 августа 1949 г. и вступлении в силу 10 ноября 1954 г. Женевских конвенций о защите жертв войны – в ст. 86 Конвенции об обращении с военнопленными и в ст. 117 Конвенции о защите гражданского населения во время войны, а позднее – в Дополнительном протоколе I от 8 июня 1977 г. (Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и дополнительные протоколы к ним. М., 1994. С. 96, 187, 266).

⁹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

¹⁰ СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

¹¹ Отмечу существенные сдвиги за последние 4 года: в начале 2001 г. воздерживались от участия в Протоколе 14 государств из 41 тогдашнего члена Совета Европы. В течение последних трех лет его участниками стали Португалия, Польша, Ирландия, Мальта, Лихтенштейн и четыре вступившие в Совет Европы государства – Азербайджан, Армения, Босния и Герцеговина, Сербия и Черногория.

¹² Official Journal of European Union. 2004. 16 Dec.

¹³ Бюл. междунар. договоров. 1995. № 2. С. 3–28; СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1472. Аналогичная по сути норма включена в соответствующую главу УПК РФ (п. 1 ст. 464).

¹⁴ СЗ РФ. 2000. № 23. Ст. 2348. В соответствии с Дополнительным протоколом к этой Конвенции от 15 октября 1975 г. ст. 9 была дополнена рядом положений относительно выдачи лица, по делу которого было вынесено окончательное решение в третьем государстве, в связи с чем приведенный выше текст стал п. 1 ст. 9.

¹⁵ The establishment of an International Criminal Court. A report on the first and second international criminal law conferences. 1973. P. 21.

¹⁶ Московский журн. междунар. права. 1996. № 1. С. 219, 230.

¹⁷ Международный уголовный суд: сб. док. / сост. Р. М. Валеев, А. Р. Каюмова. Казань, 2004.

В 2006 г. Уральская государственная юридическая академия отмечала 75-летний юбилей. «Российский юридический журнал» посвятил этому событию целый номер. В числе прочих в его содержание вошла и предлагаемая вниманию читателя рубрика.

ПАМЯТЬ О НИХ ЖИВА В ДЕЛАХ АКАДЕМИИ*

Юбилей высшего учебного заведения побуждает к более осознанным воспоминаниям о ветеранах, которые не дожили до нашего 75-летия или даже более скромных юбилейных дат.

Имеются в виду биографические очерки, которые не только знакомят с их жизнью тех читателей журнала, кому не суждено было общаться с этими людьми, но и дают возможность еще раз поразмышлять о бывших контактах с ними тем, кто на протяжении длительного периода входил в круг их коллег и даже друзей... Мы попросили ученых, имеющих полное право называть себя их учениками и соратниками, выразить свое восприятие их роли в науке, их творческих и педагогических качеств, обеспечивавших прогресс Института – Академии...

ДМИТРИЙ ДЕМЬЯНОВИЧ ОСТАПЕНКО

Дмитрий Демьянович Остапенко родился 7 ноября 1918 г. в селе Борисовка Никольского района Днепропетровской области в крестьянской семье. После окончания в городе Анапа средней школы поступил в Ленинградский юридический институт. Ему довелось участвовать, прервав учебу, в советско-финляндском вооруженном конфликте зимой 1939–1940 гг. в составе добровольческого лыжного батальона. Затем он вер-

* Российский юридический журнал. 2006. № 1.

нулся в институт, а осенью 1940 г. в связи с женитьбой перешел в Московский юридический институт Прокуратуры СССР. В июне 1941 г. после 3-го курса он добровольцем ушел на фронт. В январе 1944 г. под Витебском был тяжело ранен и после длительного лечения демобилизован. За боевые заслуги в годы Великой Отечественной войны Д. Д. Остапенко был удостоен таких государственных наград, как орден Отечественной войны I степени, орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За оборону Москвы» и др. В 1946 г., уже работая в прокуратуре Краснодарского края, получил диплом о высшем юридическом образовании. В 1949 г. он стал аспирантом Академии общественных наук, где три года спустя защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

С сентября 1952 г. трудовая жизнь Д. Д. Остапенко связана со Свердловским юридическим институтом. С сентября 1954 г. он директор (с 1961 г. – ректор) Института, совмещая эти функции с преподавательской и научной работой, в течение ряда лет руководил кафедрой государственного права.

В 1967 г. в совете Ленинградского государственного университета он успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук, а через год был утвержден в ученом звании профессора.

В течение 32 лет Д. Д. Остапенко возглавлял коллектив одного из крупнейших юридических вузов страны. За большой вклад в подготовку специалистов, педагогических и научных кадров он был награжден орденом «Знак Почета», двумя орденами Трудового Красного Знамени, многими медалями. В 1976 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный юрист РСФСР». Решением Ученого совета Уральской государственной юридической академии он был удостоен звания «Почетный ректор». Оставив в 1986 г. ректорский пост, продолжал педагогическую и научную работу как профессор кафедры.

Дмитрий Демьянович скончался после тяжелой болезни 3 марта 1998 г., не дожив восьми месяцев до 80-летия.

ТВОРЧЕСТВО В НАУКЕ И В РУКОВОДСТВЕ*

Особая страница биографии Дмитрия Демьяновича – деятельность в сфере научных исследований. Когда мы затрагиваем эту сферу применительно к обычному ученому, то имеем в виду его собственные научные достижения, включая опубликованные труды, защищенные диссертации, участие в конференциях, подготовку аспирантов. Когда мы говорим о руководителе высшего учебного заведения или научного учреждения, то оцениваем, наряду с этим, его роль в научных достижениях всего коллектива – Дмитрий Демьянович прежде всего обеспечил превращение Свердловского юридического института в один из ведущих научных центров страны, стимулировал защиты докторских диссертаций доцентами, которые имели необходимый потенциал, а уже на этой основе счел своевременным и собственный диссертационный рывок.

Он много лет разрабатывал проблемы будущей докторской диссертации, но нужен был именно рывок. С безмерной интенсивностью Дмитрий Демьянович использовал предоставленный ему министром небольшой творческий отпуск и представил на обсуждение рукопись. Помним заседание кафедры. Но запомнился и предшествовавший период, когда сама доверительная атмосфера взаимоотношений побуждала коллег к оптимальной придирчивости, а Дмитрию Демьяновичу давала возможность уважительно воспринимать, критические замечания и товарищеские советы.

Тема диссертации и сегодня злободневна и актуальна: «Вооруженная интервенция – тягчайшее международное преступление». Конечно, середина 60-х гг. XX в. и начало XXI в. в международных отношениях и международно-правовых решениях имеют существенные различия. Но это, скорее, различия политического и тактического характера. Принципиаль-

* Соавтор: **П. И. Савицкий**, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранного государственного и международного права УрГЮА.

ная международно-правовая оценка и предопределяющие ее теоретические и юридико-нормативные аргументы сохраняют свое значение.

Одна из значимых сегодня проблем – трактовка формулировки п. 7 ст. 2 Устава Организации Объединенных Наций: «дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства». Имеются в виду вопрос о квалификации неправомерного вмешательства в такие дела и вопрос о том, кто компетентен определять рамки внутренней компетенции в ситуациях неправомерного вмешательства.

В диссертации Д. Д. Остапенко вывод о внутренней компетенции государства обусловлен пониманием суверенитета государства на своей территории и во внешнеполитической деятельности и оценкой дел, которые само государство квалифицирует в контексте внутренней компетенции. Государство по своей воле передает определенные дела «урегулированию международными соглашениями», имея в виду суверенное равенство и взаимность. При этом учитывается особый характер дел, возникающих из международных споров и подлежащих компетенции Совета Безопасности ООН и других межгосударственных органов на основе общепризнанных принципов международного права, включая применение принудительных мер в соответствии с гл. VII Устава.

Ко всем рассмотренным в научных трудах Д. Д. Остапенко и подобным противоправным действиям относится международно-правовая квалификация военного вмешательства. Декларация о принципах международного права 1970 г. и Заключительный акт общеевропейского совещания 1975 г. подтвердили запрет на вмешательство одного государства или группы государств во внутренние дела других государств. Ни одно государство не может применять любые акты военного, политического или другого принуждения с целью добиться подчинения себе какого-либо государства.

Труды Д. Д. Остапенко – кирпичики, пусть скромные, но необходимые в общей конструкции принципа невмешательства.

Когда надо было решать вопрос о выборе места защиты докторской диссертации, Дмитрий Демьянович отверг «близкий» вариант (тогда существовал объединенный диссертационных совет по гуманитарным дисциплинам при Уральском университете). Он предпочел юридический факультет Ленинградского университета, где уже в то время сложился сильный коллектив кафедры международного права во главе с профессором Романом Львовичем Бобровым, а в составе диссертационного совета были такие выдающиеся ученые, как Борис Борисович Черепяхин, Николай Сергеевич Алексеев, Алексей Иванович Королев, Георгий Иванович Петров, Надежда Александровна Чечина и др. Защита состоялась в июне 1967 г. В числе официальных оппонентов был один из патриархов отечественной науки международного права Григорий Иванович Тункин – впоследствии член-корреспондент Академии наук, лауреат Государственной премии СССР.

По воспоминаниям участников этого акта, защита была ознаменована не только единогласным результатом, но и оживленной дискуссией, в ходе которой соискатель выглядел вполне достойно.

Утверждение Д. Д. Остапенко в ученой степени доктора наук, а затем и в ученом звании профессора явилось своего рода кульминационным пунктом в процессе становления коллектива докторов наук, получивших эту степень либо раньше Дмитрия Демьяновича, либо чуть позднее. Это доктор еще с военной поры Карл Сергеевич Юдельсон, доктора 60-х – Сергей Сергеевич Алексеев, Октябрь Алексеевич Красавчиков, Митрофан Иванович Ковалев, Вениамин Евгеньевич Чиркин, Владимир Михайлович Семенов, Борис Авраамович Стародубский, Юрий Григорьевич Судницын, Геннадий Владимирович Игнатенко.

Благодаря этому возникла база для создания докторского совета Свердловского юридического института, председателем которого стал Дмитрий Демьянович. Именно в этом составе «собственного» диссертационного совета в начале 70-х

защитили докторские диссертации Василий Степанович Якушев, Вениамин Федорович Яковлев, Александр Фролович Козлов, Кузьма Иванович Комиссаров, Александр Федорович Черданцев, Виктор Михайлович Корельский, Евгений Алексеевич Фролов, Платон Михайлович Давыдов, Юрий Кузьмич Осипов, Иван Яковлевич Дюрягин и другие ученые.

Так сложилась (благодаря в значительной мере усилиям ректора Института) уральская школа ученых-правоведов, получившая известность и признание в Советском Союзе и во многих зарубежных странах.

Значимый компонент научно-методической деятельности Д. Д. Остапенко – личное участие в составе авторских коллективов в подготовке учебников по ряду дисциплин государственноведческого цикла и прежде всего, естественно, по международному праву. Сотрудники кафедры иностранного государственного и международного права в 1974 г. в рамках Института публикуют учебное пособие «Международное право» (около 30 п. л.)» на базе которого в 1978 г., уже в Москве, в издательстве «Высшая школа» выходит учебник «Международное право» с грифом Министерства. В обоих случаях Д. Д. Остапенко был не только одним из авторов, но и со-редактором. Мы как участники этого события не можем не вспомнить, какие препоны пришлось преодолеть, чтобы сломать традицию издания учебников по этому предмету только в Москве. Столичные юристы-ученые даже вовлекли Дмитрия Демьяновича и одного из нас в свой коллектив для написания отдельных глав «традиционного» учебника, который был опубликован не только на русском, но и на английском, португальском и болгарском языках. Но мы, благодаря зарождавшемуся в те годы признанию уральской юридической школы и благодаря авторитету ректора Института, сумели воздействовать на тех лиц, чья поддержка имела решающее значение.

Спустя годы, уже после ухода из жизни Дмитрия Демьяновича, была достигнута договоренность с издательством «Нор-

ма» о выпуске существенно переработанного и дополненного учебника, рекомендованного Министерством для всех юридических вузов страны. С 1999 г. по настоящее время вышли четыре издания учебника «Международное право». На страницах этой книги Дмитрий Демьянович продолжает свою научную биографию. Мы сохранили его фамилию в составе авторского коллектива, поскольку сохраняется значимость тех основных положений, которые были им разработаны в соответствующих разделах. Имеются в виду глава «Международно-правовая ответственность» (в соавторстве с профессором С. Ю. Марочкиным) и глава «Вооруженные конфликты и международное право» (в соавторстве с доцентом Л. А. Лазутиным).

В первой столичной публикации кафедрального учебника «Международное право» (1978 г.) написанная Д. Д. Остапенко гл. XXII «Ответственность по международному праву» содержала ряд идей, изложенных в его докторской диссертации. Сошлемся на положения об ответственности за тяжкие международные преступления, прежде всего за агрессию, за вооруженную интервенцию. Автор главы поддержал и развил концепцию отграничения политической ответственности государства и уголовной ответственности военных преступников, возражая против получившей в послевоенные годы распространение в западной юриспруденции доктрины международной уголовной ответственности государства-агрессора. При этом аргументация, использованная Д. Д. Остапенко, включала как научное обоснование, так и ссылки на международно-правовые акты и на проект Комиссии международного права.

Такая юридическая конструкция была учтена при разработке в дальнейшем структуры главы о международном уголовном праве. При подготовке совместной главы «Ответственность в международном праве» для учебника 1995 г. Д. Д. Остапенко и С. Ю. Марочкин уже более обстоятельно разработали концепцию оснований такой ответственности государств в ее соотношении с ответственностью частных лиц.

«Действия, не связанные с осуществлением прерогатив государственной власти либо не имеющие отношения к политике государства, рассматриваются как действия частных лиц и не присваиваются государству. Вместе с тем они также могут посягать на защищаемые международным правом интересы другого государства (покушение на его честь, достоинство и имущество, преступления против его представителей и граждан, организация вооруженных отрядов, подрывная деятельность и т. п.). Государство обязано предотвращать подобные деяния, а если они совершены – пресекать их и наказывать виновных лиц. В противном случае возникает международно-правовая ответственность государства, но не за действия частных лиц, а за бездействие своих органов.

Следовательно, общая концепция такова: государство несет ответственность за действия всех своих органов, а также за действия официальных лиц, осуществляющих прерогативы государственной власти, и за непринятие необходимых мер против правонарушений находящихся под его юрисдикцией лиц»¹.

Эта четкая формулировка вошла в последующие издания учебника, вышедшие уже после кончины Дмитрия Демьяновича.

Особой оценки заслуживает энергичное участие Д. Д. Остапенко в защите имиджа, значимости курса международного права в системе юридического образования.

В течение длительного времени, когда международное нормотворчество и отечественное законодательство уже твердо признали и официально закрепили важные функции международно-правовых принципов и международных договоров в сфере внутригосударственного регулирования, наша юридическая наука и вузовская программа не воспринимали происходящие перемены, оставаясь на позициях «внешней ценности» международного права, сводя его роль к регулированию международных отношений. Соответственно и отношение в вузах к этому предмету ограничивалось ознакомлением с ним

студентов, так сказать, «для общего развития», а не для реального дела.

Именно в Свердловском юридическом институте четверть века тому назад были инициированы принципиально новые подходы, ориентированные на внедрение в вузовские стандарты отражающих жизненные процессы новелл, на утверждение достойного места курса международного права в комплексе правовых дисциплин. В этом прогрессивном замысле были сконцентрированы и теоретические исследования, и выступления на научных совещаниях, и научные публикации, и учебно-методические, в том числе лекционные, разработки.

Назовем основные вехи.

Вторая половина 70-х гг. – выступления ученых Института при обсуждении вопросов соотношения международного и внутригосударственного права на собраниях Советской Ассоциации международного права.

1978 г. – опубликование первого «провинциального» учебника «Международное право» в московском издательстве «Высшая школа». Один из авторов и ответственных редакторов – Д. Д. Остапенко. Здесь на уровне рекомендованного Министерством учебника студентам преподносится (пока в лаконичном варианте) концепция непосредственного применения международно-правовых норм в сфере внутрисударственных отношений с выводом о практической значимости международного права для юристов. Соответствующие идеи были развиты и конкретизированы во 2-м издании этого учебника (1995 г.), а позднее – в четырех изданиях существенно обновленного учебника «Международное право» (М.: Норма, 1999–2006 гг.).

1981 г. – по случаю 60-летнего юбилея Института в Свердловске проводится Всесоюзная научно-практическая конференция по актуальным проблемам высшего юридического образования. В числе вопросов – новеллы в преподавании международного права в содружестве с внутрисударственным правом.

1984 г. – в Свердловске выходит межвузовский сборник научных трудов, содержащий статью «Международное право в системе юридического образования (в аспекте проблемы взаимодействия международного и внутригосударственного права)». Одним из ее авторов был Д. Д. Остапенко. В этой статье речь идет о том, что традиционный взгляд на курс международного права как на средство ознакомления студентов с механизмом правового регулирования международных отношений (и только этих отношений!) нельзя признать оправданным в условиях юридических вузов, которым поручена подготовка специалистов для государственного аппарата, правоохранительных органов, хозяйственной сферы (так сказать, «для внутреннего потребления»). Необходимо преодоление трактовки курса международного права как «вспомогательной дисциплины», его возвышение на уровень полноправного и практически значимого компонента юридического образования. В пользу такого принципиально нового подхода приводятся аргументы нормативного характера (на базе международных договоров и отечественного законодательства) и примеры правоприменительной, прежде всего судебной, практики. Уже в то время был сделан вывод, что «международные договоры СССР, не превращаясь в источники советского права и сохраняя статус источников международного права, применяются компетентными государственными органами в качестве правового регулятора...». Статья завершается рекомендациями относительно совершенствования учебных программ и содержания квалификационных требований в области юридического образования.

Кульминационным моментом мы считаем реализацию в апреле 1984 г. совместной инициативы Института государства и права Академии наук и Свердловского юридического института: на заседании ученого совета ИГПАН в Москве обсуждаются в комплексе вопросы применения международно-правовых норм с участием известных ученых, представляющих теорию права и специальные юридические дисципли-

ны. В их числе академик В. Н. Кудрявцев, член-корреспондент АН Г. И. Тункин, доктора наук В. А. Туманов, В. С. Верещетин (впоследствии судья Международного суда ООН), А. М. Васильев, О. С. Колбасов, Г. Н. Манов, Н. А. Ушаков и другие, а также свердловские профессора И. Я. Дюрягин, В. П. Воложанин, Г. В. Игнатенко, В. Б. Исаков. Д. Д. Остапенко не смог поехать в Москву, но попросил ознакомить участников совещания с его суждениями. В принятом Ученым советом Института государства и права Академии наук СССР постановлении говорилось о целесообразности дальнейшей разработки проблем взаимодействия международной и национальной правовых систем, была подчеркнута полезность комплексных исследований с привлечением специалистов в области теории права, международного права и отраслевых дисциплин. Соответствующие рекомендации были ориентированы на воплощение вопросов взаимодействия в вузовские учебные программы. По итогам дискуссии были опубликованы материалы в 1985 г. № 1 журнала «Советское государство и право».

Более чем тридцатилетнее пребывание Д. Д. Остапенко на посту ректора Свердловского юридического института (вплоть до 1986 г.) совершенно закономерно обусловило его интерес к общим проблемам юридического образования, что воплотилось в ряде статей, опубликованных в разные годы в центральных журналах «Вестник высшей школы», «Известия высших учебных заведений. Правоведение», «Советское государство и право» (в то время их перечень был скромным).

Количество аспирантов, подготовленных Дмитрием Демьяновичем, сравнительно невелико. При огромной ректорской нагрузке он не мог посвятить много времени этому виду деятельности, а просто числиться научным руководителем – такое он не мог себе позволить.

Но нельзя не отметить, что одним из его аспирантов был работавший в Иркутске Сергей Юрьевич Марочкин, который позднее защитил в нашем совете докторскую диссертацию

и сегодня, возглавляя кафедру международного права Тюменского университета, известен как авторитетный ученый, сохранивший творческие связи с нашей Академией как член диссертационного совета УрГЮА и один из авторов учебника «Международное право». Д. Д. Остапенко сыграл заметную роль в становлении таких воспитанников уральской школы международников, приобретших известность, как Р. В. Деканозов, О. Ф. Эфендиев, В. Я. Суворова, Л. А. Лазутин и др.

На протяжении длительного времени Дмитрий Демьянович поддерживал хорошие научные и дружеские контакты с выдающимися отечественными учеными-международниками Григорием Ивановичем Тункиным, Григорием Иосифовичем Морозовым, Лидией Артемьевной Моджорян, Давидом Исааковичем Фельдманом, Игорем Ивановичем Лукашуком, Сергеем Александровичем Малининым и многими другими. При его участии обретали новые качественные параметры творческие связи с Институтом государства и права Академии наук, Московским, Ленинградским, Казанским университетами, юридическими вузами Харькова, Саратова, Уфы, ряда городов Сибири и Дальнего Востока.

Нам довелось на протяжении длительного времени быть причастными к основным аспектам деятельности Дмитрия Демьяновича. Один из нас три года возглавлял партийный комитет Института, в течение 27 лет был заведующим кафедрой, в составе которой Д. Д. Остапенко вел педагогическую и научную работу; второй – около 25 лет был деканом факультета, а затем проректором Института по учебной работе.

Многое ушло из памяти, но сохранились хорошие воспоминания об общем стиле руководства, о беспредельной преданности делу, которое ему было поручено и которое он сам считал своим долгом. Мы нередко говорим о том или ином человеке, что он совмещает требовательность к подчиненным и коллегам с требовательностью к себе. У Дмитрия Демьяновича это качество имело уникальный характер. И это проявлялось не только в стенах Института, но и за его пределами,

в общении с близкими и друзьями. Он никогда не позволял себе расслабиться и энергично противодействовал любым намерениям облегчить его состояние, даже если такие «по-блажки» были обусловлены самыми лучшими намерениями и вниманием к нему как инвалиду войны.

В делах Академии, в благодарной памяти коллег и учеников и по сей день сохраняются выдающиеся заслуги и свершения Дмитрия Демьяновича Остапенко.

¹ Международное право. М., 1995. С. 156. Эти тезисы сохранены в новейшем издании (Международное право. М., 2005. С. 191).

О ЗАРОЖДЕНИИ И ЭВОЛЮЦИИ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛЯТОРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ*

В современной ситуации соотношения внутригосударственных и международно-правовых норм полезно обратиться к вопросам зарождения и эволюции нормативных предписаний, определяющих метод применения разносистемных правил в случаях их несогласованности, т. е. различий, расхождений или даже противоречий, коллизий. Использование термина «коллизийный регулятор» мы считаем возможным, однако с оговоркой о различных вариантах несогласованности.

Важным рубежом в регламентации такого метода явилось принятие Конституции РФ, в ч. 4 ст. 15 которой говорится: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Особая значимость данной формулировки состоит в том, что ей придан общеправовой смысл одной из основ конституционного строя. Следует, вместе с тем, отметить, что это конституционное положение не стало новеллой для отечественного законодательства.

Хронологически первым закрепил предписание о приоритетном действии международных норм указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 сентября 1958 г. «О порядке исполнения решений судов государств, с которыми СССР заключены договоры об оказании правовой помощи»¹. В его п. 10 был воплощен частный вариант применения международных норм при реализации указанных договоров: «Если договором о правовой помощи установлен иной, чем это предусмотрено

* Российский юридический журнал. 2007. № 2.

Соавтор: **О. Ю. Моторова**, соискатель УрГЮА, юрисконсульт (Владивосток).

в настоящем Указе, порядок признания и исполнения решения иностранного суда, то применяются правила, предусмотренные договором, заключенным СССР с государством, на территории которого было вынесено судебное решение».

Самостоятельной стадией урегулирования обозначенной проблемы стала разработка специфических актов – Основ законодательства Союза ССР и союзных республик. Первыми были Основы гражданского законодательства и Основы гражданского судопроизводства (1961 г.). В обоих актах содержались идентичные формулировки, отличающиеся только предметом регулирования: если международным договором или международным соглашением, в котором участвует СССР, установлены иные правила, чем те, которые содержатся в советском гражданском законодательстве (во втором случае – в советском законодательстве о гражданском судопроизводстве), то применяются правила международного договора или международного соглашения. Позднее аналогичные положения были использованы при принятии Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье (1968 г.), о здравоохранении (1969 г.), о народном образовании (1973 г.), о недрах (1975 г.), Основ лесного законодательства (1977 г.), Кодекса торгового мореплавания Союза ССР (1968 г.) и ряде других союзных актов.

6 июля 1978 г. был принят Закон СССР о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР, которым вместо словосочетания «международные договоры и международные соглашения» было введено единое обозначение «международные договоры СССР». В Основы гражданского законодательства такое уточнение было внесено в 1981 г., а в Основы гражданского судопроизводства еще раньше – в 1979 г. Параллельно статьями о приоритетном применении правил международных договоров СССР были дополнены Основы земельного законодательства 1968 г. и Основы водного законодательства 1970 г., прежде их не имевшие. Однако в течение долгого времени не был позитивно решен

вопрос о включении таких норм в Основы уголовного законодательства, Основы уголовного судопроизводства, Основы законодательства об административных правонарушениях, Основы законодательства о труде. Отсутствие в названных актах статей о приоритетном применении правил международных договоров могло восприниматься и нередко действительно воспринималось как обусловленное специфическим качеством отношений, ими регулируемых.

Подобным же образом решались вопросы приоритетного применения в законодательстве РСФСР и других республик. Первыми российскими актами, предусмотревшими применение международных правил при несогласованности с ними правил союзных и республиканских законов, явились Гражданский кодекс РСФСР и Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (1964 г.).

В союзных Основах и республиканских кодексах статьи о приоритетном применении международных договоров занимали строго определенное место, как бы завершая нормативную регламентацию соответствующих отношений.

Характерные примеры – Гражданский и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР. Здесь заключительные разделы имели целенаправленные наименования: раздел VIII ГК – «Правоспособность иностранных граждан и лиц без гражданства. Применение гражданских законов иностранных государств и международных договоров», раздел VI ГПК – «Гражданские процессуальные права иностранных граждан и лиц без гражданства. Иски к иностранным государствам. Судебные поручения и решения иностранных судов. Международные договоры». Месторасположение именно в этих разделах статей о международных договорах (ст. 569 ГК и ст. 438 ГПК), единственным назначением которых была ориентация на применение правил международных договоров СССР и международных договоров РСФСР в ситуациях иной регламентации по сравнению с правилами советского законодательства, служило своего рода ограничительным фактором,

связывая применение международных договоров (в том числе их приоритетное применение) исключительно с правоотношениями и процессуальными аспектами с участием иностранных лиц.

Общеправовая ориентация современной конституционной формулировки обусловила не только универсальное содержание предписания самой Конституции и основанного на ней положения Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» (ч. 3 ст. 5), но и качественные структурные изменения в федеральных законах и иных нормативных актах.

Первые же по датам принятия послеконституционные кодексы РФ предусмотрели нормы о приоритетном применении правил международных договоров в первых разделах, именуемых «Общие положения» и охватывающих, следовательно, все правоотношения, в сфере регулирования которых способны действовать международные договоры РФ. Это ст. 7 Гражданского кодекса РФ (первая часть) 1994 г., ст. 4 Водного кодекса РФ 1995 г., ст. 6 Семейного кодекса РФ 1995 г. и др.²

В последующие годы закрепление приоритетного регулятора в одной из начальных статей кодексов или иных федеральных законов стало традиционным.

Другим чрезвычайно важным явлением можно признать осязаемое расширение круга правовых актов, в которых зафиксированы нормы о приоритетном применении правил международных договоров РФ. В свое время, как отмечалось, такие предписания отсутствовали в ряде Основ законодательства, а вследствие этого – в некоторых республиканских кодексах. Современная стадия нормативной регламентации отмечена признанием действия международных договоров, включая их приоритетное применение, и в этих областях: ст. 1.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях 2001 г., ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г., ст. 10 Трудового кодекса РФ 2001 г. Благодаря таким решениям указанные отрасли законодательства обрели нормы о приоритетном применении, приспособленные к предмету регулирования.

Конституционная формулировка, предписывающая приоритетное применение международных договоров, воспринята кодексами и другими федеральными законами с ориентацией на соответствующее отраслевое законодательство. Так, в ч. 2 ст. 7 Гражданского кодекса сказано: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены гражданским законодательством, применяются правила международного договора». Таким образом, имеется в виду сопоставление договоров не только с самим кодексом, но и со всем гражданским законодательством. Аналогичный подход использован в ст. 6 Семейного кодекса (с семейным законодательством), в ст. 9 Жилищного кодекса (с жилищным законодательством).

По сравнению с названными положениями как досадные погрешности воспринимаются нормативно ограниченные предписания, заменяющие ссылку на законодательство в целом ссылкой только на данный кодекс. Такова, например, ст. 3 Воздушного кодекса РФ 1997 г.: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены настоящим Кодексом, применяются правила международного договора». Но согласно предыдущей статье ВК воздушное законодательство состоит, кроме кодекса, из федеральных законов и иных нормативных правовых актов РФ. Такая же несогласованность допущена в Земельном кодексе РФ 2001 г. (ср. формулировки ст. 2 и 4), в Федеральном законе о защите конкуренции 2006 г.³ Интересная метаморфоза произошла с положениями Таможенного кодекса: если в ТК 1993 г. речь шла о нем и иных актах законодательства РФ по таможенному делу, то в Таможенном кодексе 2003 г. учтен лишь сам кодекс.

Подобные «урезанные» варианты не могут быть признаны приемлемыми, поскольку по существу имеется в виду сопоставление с международными договорами всего отраслевого нормативного комплекса, а не только положений кодекса.

С сожалением приходится отметить, что в ряде федеральных законов конституционная формулировка подана в усечен-

ном виде: все значение международных договоров сведено к их приоритетному применению при несогласованности с ними внутригосударственных актов; тем самым игнорируется возможность совместного применения внутригосударственных и международно-правовых норм, обусловленная признанным статусом международных договоров как составной части правовой системы РФ. Это ст. 6 Семейного кодекса, ст. 3 Воздушного кодекса, ст. 4 Земельного кодекса.

Сходная регулятивная ситуация характерна для Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации 1999 г. В его различных главах говорится о применении международных договоров РФ – либо если ими предусмотрено иное, чем в данном кодексе, решение (например, ч. 1 ст. 3), либо совместно с нормативными актами РФ (ч. 2 ст. 4, ч. 3 ст. 5, ст. 28, ч. 1 ст. 414), либо как самостоятельного регулятора (ст. 30, согласно которой признание судовых документов судна, плавающего под флагом иностранного государства и посещающего морские порты РФ, осуществляется на основании международных договоров РФ). Однако в ст. 427 КТМ особо оговаривается применение правил международного договора, если им установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены кодексом. И названа эта статья «Международные договоры Российской Федерации». Тем самым создается ложное впечатление, будто в основном тексте кодекса нет положений о международных договорах, а вся проблема использования последних сводится к ситуациям их приоритетного применения. Ограниченное, не согласующееся с Конституцией представление о роли международного права усугубляется в тех случаях, когда соответствующей статье дается наименование «Применение международных договоров РФ», которому противоречит ее реальное содержание.

Такой не вполне адекватный подход проявлен и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных

договоров Российской Федерации»⁴. В этом постановлении Верховный Суд приемлет преимущественно коллизионную основу судебного применения международных договоров при разрешении гражданских, уголовных и административных дел (впрочем, по уголовным делам высказано и особое мнение). Согласно его п. 5 договоры применимы судами прежде всего в случаях, если договором установлены иные правила, чем законом, который регулирует отношения, ставшие предметом судебного рассмотрения, либо если договором установлены иные, чем процессуальным законом, правила судопроизводства. Следовательно, остаются «в тени» судебные ситуации, в которых применение норм международных договоров совмещено с применением норм закона.

Своеобразная проблема возникает в сфере регулирования интеллектуальных прав на произведения науки, литературы и искусства (авторские права), на результаты исполнительской деятельности, на фонограммы и т. п. (смежные права), на изобретения, полезные модели и промышленные образцы (патентные права). До недавнего времени регламентация соответствующих отношений осуществлялась Законом РФ об авторском праве и смежных правах от 9 июля 1993 г. и Патентным законом РФ от 23 сентября 1992 г., в каждом из которых была статья о приоритетном применении международных договоров (3 и 37). В принятой в 2006 г. части четвертой Гражданского кодекса регулированию интеллектуальных прав посвящены гл. 70 (авторское право), 71 (права, смежные с авторскими) и 72 (патентное право). С даты введения в действие части четвертой ГК (1 января 2008 г.) указанные законы и, следовательно, названные статьи утратят силу. Это, однако, не повлечет за собой отмену приоритетного применения международных договоров при регулировании интеллектуальных прав, поскольку включение авторского права, прав, смежных с авторскими, и патентного права в Гражданский кодекс РФ означает распространение на эти сферы норм ст. 7 ГК.

Последнее, что хотелось бы отметить, – несколько неожиданные решения анализируемого вопроса в Водном кодексе РФ и Лесном кодексе РФ 2006 г.

Ранее действовавшие акты – Водный кодекс РФ 1995 г. и Лесной кодекс РФ 1997 г. – содержали статьи (4 и 3), текстуально идентичные ст. 7 ГК (с учетом специфики регулируемых отношений). Отсутствие подобных статей в новых кодексах заставляет задуматься о причине: либо это пробел законодательства, либо первые шаги к целенаправленному изъятию из кодексов и других федеральных законов соответствующих положений. Здесь, естественно, допустимо лишь одно объяснение – это не отказ в принципе от приоритетного применения договоров, что было бы нарушением нормы Конституции, а устранение дублирования конституционных формулировок в законах и иных правовых актах. Но такая «нормативная экономия» вряд ли возможна и целесообразна. Тем более она нежелательна при регламентации сложной и далекой от решения проблемы реализации международных договоров РФ в российской правовой системе, включая различные аспекты их приоритетного применения.

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 23. Ст. 345.

² Отметим, что и до принятия Конституции РФ были случаи закрепления такого метода применения международных договоров (например: ст. 6 Таможенного кодекса РФ 1993 г.).

³ Рос. газ. 2006. 27 июля.

⁴ Бюл. Верховного Суда РФ. 2003. № 12. С. 3–8.

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО:
ПРЕДМЕТ РЕГУЛИРОВАНИЯ
КАК КОМПЛЕКСНАЯ КОНСТРУКЦИЯ
В РАМКАХ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ***

В юридической литературе и в настоящее время распространено понимание международного права как регулятора международных отношений, причем прежде всего или даже исключительно межгосударственных отношений. Можно вместе с тем констатировать, что ограничительный барьер – только межгосударственных отношений – становится все менее популярным или непререкаемым. К тому же толкование термина «межгосударственный» преодолевает его буквальное восприятие, поскольку охватывает и те сферы, которые конструируются как основанные на межгосударственном общении, но функционально самостоятельные. Имеются в виду отношения государств с международными (межправительственными) организациями, отношения между международными (межправительственными) организациями, отношения между государствами и государствовподобными образованиями, имеющими относительно самостоятельный международный статус, отношения государств с приобретающими государственный статус национальными политическими формированиями (в период ликвидации колониальных режимов).

Все названные в качестве взаимодействующих с государствами субъекты характеризуются определенными (в большей или меньшей степени) признаками присутствия государственного механизма в структурировании субъекта и установлении его правового положения и юрисдикции в международном общении. И если возглавляющие данный перечень суверенные государства имеют первичную международную правосубъектность, то именно им обязаны своей производной международной правосубъектностью иные образования с государственными

* Российский юридический журнал. 2011. № 1.

ми компонентами (оговорка об особом статусе борющихся за независимость народов, реализующих национальный суверенитет, не может игнорировать значимую роль государств в их правовом обеспечении).

Обозначенный перечень отношений, подпадающих под регламентацию международно-правовыми нормами, признается в той или иной словесной форме, с теми или иными коррективами многими учеными.

Можно обратить внимание на пробел, обусловленный реальным участием в такого рода отношениях международных судебных учреждений, а также родственных им квазисудебных комитетов. Даже с учетом различий в их правовом положении (одни органы входят в структуру международных организаций, другие обладают автономным статусом) их объединяют особая юрисдикция и самостоятельные качественные признаки в международном общении, включающем отношения с государствами и международными организациями.

Всем указанным субъектам присуща государственная основа, воплощенная в тех компонентах, которые характеризуют ту или иную степень согласованного регулирования как закономерности взаимодействия двух правовых систем: международного права и внутригосударственного права.

Вместе с тем до сих пор в дискуссиях приверженцев и отрицателей нового подхода ощутима проблема усложнения, своего рода реконструкции современных международных отношений посредством введения в их структуру юридических и физических лиц, причем не только и не столько в рамках международного частного права, но и главным образом в качестве субъектов международного публичного права, обозначенного в комплексе юридических специальностей и учебных дисциплин как «международное право» без дополняющего слова «публичное», что ни в коей мере не препятствует возвращению к традиционному в прежние времена наименованию.

Системное исследование предмета правового регулирования предполагает учет личностного фактора в двух ипоста-

сях, т. е. в двух состояниях лица (индивида), что в общей теории права квалифицируется как правоспособность и дееспособность.

В первом аспекте индивид ограничен качествами дестинатора – субъекта, которому адресованы международно признанные права, формирующие его правовой статус.

Известны суждения, отвергающие компоненты правового статуса вне рамок внутригосударственного нормотворчества, допускающие договорное участие в соответствующей регламентации только при условии трансформации договорных норм в конституционные и иные национальные нормы. На мой взгляд, сегодня уже отпадает потребность в возражениях, в аргументации, доказывающей прямое действие международно-правовых норм, ибо такое действие и, значит, их непосредственное применение – это очевидная, проявляющая свою жизнеспособность функция международно-правовых норм, предназначенных для личностного восприятия.

Имеются в виду в этой категории и такие нормы, содержание которых предполагает их совместное применение с родственными по смысловому назначению нормами национального законодательства.

Такое ограниченное элементами правоспособности понимание правового статуса индивида с присвоением ему титула дестинатора считается допустимым и в концепциях тех ученых, которые однозначно противятся признанию его (индивида-дестинатора) субъектом международного права.

Здесь оценка статуса индивида как бы обрывается и не предполагает системного исследования.

В международно-правовой науке сохраняется сдержанное (я бы даже сказал, подозрительное) восприятие международных отношений и их участников за пределами межгосударственного общения в его обозначенных выше вариантах. Речь идет о международных отношениях, традиционно относимых к сфере международного частного права, но в своих реальных юридических характеристиках имеющих публичную ценность.

Не вторгаясь в круг достаточно известных суждений и конструкций, посвященных этой теме, затрону в весьма скромном изложении проблему международно-правового статуса, международной правосубъектности индивида (личности, физического лица)¹.

Во втором аспекте статус индивида приобретает принципиально новое качество, обусловленное его самостоятельным участием в международных отношениях в соответствии с международно-правовыми нормами, имеющими во многих ситуациях предписания, с которыми согласовано содержание конституционных и иных внутригосударственных норм.

Общая черта компонентов такой регламентации – признание, констатация дееспособной, активной позиции индивида, определяющим признаком которой становится юридическая возможность человека выступать в указанных отношениях по собственному праву (*ex proprio jure*) и от собственного имени (*proprio nomine*).

Негативный взгляд на международную правосубъектность индивида не получает развития, поскольку при таком взгляде отсутствует присущее системному пониманию дуалистическое видение, которое охватывает как процедуру восприятия индивидом международно признанных прав, так и процедуру реализации международно закрепленных прав, ориентированных на индивида и осуществляемых им самостоятельно или при участии государства, которому принадлежит юрисдикция над этим индивидом.

Сошлюсь на относящееся еще к 1974 г. суждение болгарского ученого Михаила Геновски, который, применяя к индивиду концепцию несuverенного субъекта международного права, полагал, что он как физическое лицо реализует определенные права, предоставленные ему международным правом, посредством государства, чьим гражданином является, но «в известных случаях делает это и прямо в качестве субъекта международно-правовых отношений без опосредования государства...»².

В конечном счете речь идет о распространении концепции и комплексного понимания международной правосубъектности на индивида или, применяя адекватные обозначения, на личность, физическое лицо, человека.

Такой доктринально-юридический поворот к индивиду имеет теоретические, исторические, правоустанавливающие и правоприменительные основания, что воспринимается как использование системного анализа с более глубоким проникновением в проблему международной правосубъектности, да и проблему правосубъектности в целом.

Теоретический аспект – это перенесение в сферу теории международного права основополагающих концептуальных подходов общей теории права и соответственно определение субъекта международного права как участника правоотношений международного характера и международно-правовой регламентации, как носителя установленных договорными и иными международными нормами прав и обязанностей. Выдвигаемое некоторыми авторами дополнительное качество субъекта именно международного права – юридическая возможность участия в международном нормотворчестве, т. е. договорная правоспособность, – не согласуется с общими свойствами правосубъектности, присущими как международному, так и внутригосударственному правопорядку. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с компетенцией различных субъектов таких отраслей, как конституционное право, гражданское право, трудовое право и т. п. Подобная разнородность существует в международном праве, где функционируют субъекты с универсальным статусом, т. е. правосоздающие и вместе с тем правоприменяющие, и субъекты только правоприменяющие, но не обладающие правотворческой способностью.

Авторитетное суждение принадлежит Международному суду ООН в консультативном заключении 1949 г.: «...Субъекты права в той или иной юридической системе не являются обязательно идентичными, поскольку идет речь об их природе или объеме их прав»³.

Исторический аспект – это констатация эволюционной изменчивости категориальных закономерностей международной правосубъектности и соответственно расширения круга субъектов. Именно таково реальное развитие, предсказанное выдающимися дореволюционными юристами-международниками в достаточно сдержанных высказываниях (Ф. Ф. Мартенс, Л. А. Камаровский, В. А. Уляницкий).

Переходя к середине XX в., следует отметить сложную ситуацию, суть которой – в совмещении официального признания исключительной правосубъектности суверенных государств с деликатными размышлениями об исторической обусловленности потенциально допустимых иных субъектов. Так, в первом послевоенном учебнике «Международное право» С. Б. Крылов непосредственными субъектами международного права называл только государства, однако с интересной оговоркой «в современной международной действительности», а в отношении предположения о правосубъектности физических лиц утверждал, что оно «расходится с международной действительностью»⁴. Тогда же Ф. И. Кожевников назвал одной из важных особенностей международного права то обстоятельство, что носителем прав и обязанностей в международной жизни, т. е. субъектом права, «выступает ныне преимущественно государство как юридическая личность», отметив это как результат «закономерного исторического процесса развития человечества»⁵.

Ценность такого рода суждений в том, что присутствовавшая в них связка с развивающейся международной действительностью исключала превращение определенной во временном формате правосубъектности в вечную истину, предостерегала от претензий на завершенность «сиюминутных» оценок. Подобные установки, лишённые перспектив, преподносятся в императивном тоне. Так, С. В. Черниченко на протяжении многих лет сохранил однозначный подход: «Индивиды ни при каких условиях не являются и не могут быть субъектами международного права»; «индивиды объективно

не могут быть участниками межвластных, межгосударственных отношений и тем самым субъектами международного права»⁶ (во второй цитате международные отношения безосновательно сведены к межгосударственным отношениям).

Правоустанавливающий аспект – это закрепление в международных договорах и во внутригосударственных нормативных актах такого правового статуса индивида, при котором он приобретает юридическую возможность, во-первых, обладать правами и свободами, ориентированными на претворение в действительность как с участием государства и под его юрисдикцией, так и самостоятельно, по собственному праву, а во-вторых, обеспечивать защиту этих прав и свобод и гарантировать их осуществление также с участием государства и (или) самостоятельно, посредством прямого применения материальных и процессуальных правомочий и от собственного имени. В обоих случаях именно личностные факторы, воплощенные в самостоятельном статусе и самостоятельных действиях, служат основаниями правосубъектности индивида во внутригосударственном и международном форматах.

Правоприменительный аспект – это обусловленное компонентами правоустанавливающего аспекта превращение потенциальной юридической возможности субъекта в его сопряженные с государством и (или) однозначно самостоятельные реальные действия (здесь уместно повторение) в соответствии с материальными и процессуальными нормами, рассчитанными на прямое применение. Вполне очевидно, что в такого рода ситуациях индивид получает статус субъекта в правоотношениях, в том числе международных, по собственному праву и от собственного имени.

В советской науке международного права в течение нескольких десятилетий поддерживалась концепция, исключавшая юридических и физических лиц из категории субъектов международного права. Иначе говоря, международная правосубъектность индивидов единодушно осуждалась и отвергалась⁷. Столь же категорично утверждалось, что правовой ста-

тус личности формируется исключительно из прав и свобод, признанных и закрепленных во внутригосударственном законодательстве. В «Словаре международного права», подготовленном солидным авторским коллективом, было сказано, что физические лица «находятся под исключительной юрисдикцией государств, внутренним законодательством которых определяется их статус на международной арене»⁸.

Только завершающий период XX в. и первые годы XXI в. были ознаменованы внедрением в отечественную доктрину идеи и обоснования международной правосубъектности физических лиц (индивидов).

Хочется особо отметить приоритетную роль, поистине творческую инициативу и смелость профессора Натальи Васильевны Захаровой, которая лаконичной статьей в конце 1989 г. открыла новую страницу в отечественном исследовании проблемы. Немного позднее появились нестандартные суждения в учебниках, а также в монографии А. И. Ковлера⁹.

Нелепо было бы подсчитывать сегодня численное соотношение «за» и «против», да это и несовместимо с правилами научной дискуссии.

Мой замысел иной: раскрыть (в более скромном варианте – приоткрыть) функциональное значение позитивного взгляда на международную правосубъектность личности как существенного фактора системного понимания и толкования предмета правового регулирования в реальном взаимодействии (сопряжении) национальной и международной юридических систем.

Этот фрагмент системного исследования свидетельствует о вариативных свойствах предмета международно-правового регулирования в процессе взаимодействия правовых образований.

Позволю себе воспоминание о научном симпозиуме, состоявшемся в апреле 1984 г. на заседании Ученого совета Института государства и права Академии наук СССР совместно с представителями Свердловского юридического института.

На заседании, которое вел В. Н. Кудрявцев и в котором участвовал Г. И. Тункин, были заслушаны два доклада, позднее опубликованные, и состоялась оживленная дискуссия¹⁰. Ценность обсуждения, посвященного закономерностям соотношения и взаимодействия двух систем внутригосударственного права и международного права, выразилась прежде всего в его междисциплинарном характере. Если в большинстве случаев разговор в своем кругу вели специалисты в области международного права, то здесь были представлены общая теория права, государственное право, трудовое право, экологическое право, процессуальное право. Примеры такого рода и в последующем были редкими.

Такой формат симпозиума обеспечил (пусть не в полной мере) именно системный подход к предмету регулирования международного права в комплексном понимании этого предмета. Уже в то время А. М. Васильев в контексте общей теории права обратил внимание на разработку вопроса о том, «как нормы международного права включаются в национальную правовую систему», и о способах применения норм международного права в национальной правовой системе. Одновременно впервые прозвучало суждение о правоприменительных комплексах, содержащих в своем составе международно-правовые и внутригосударственные нормы и обеспечивающих их согласованное применение.

Вполне оправдан был последовавший интерес к осмыслению нормотворческих и практических реальностей совместного внедрения обоих правопорядков.

Знаменательным следует признать (даже при тех комментариях, которые последовали за публикацией) постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», поскольку оно содержало ценные разъяснения по вопросам, касающимся совмещенного для правовых систем предмета регулирования.

На комплексное понимание ориентирует конституционная норма: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией» (ч. 1 ст. 17). В этой формулировке уместны были бы дополнительные слова «согласно международным договорам Российской Федерации», поскольку их отсутствие урезает текст в сравнении с текстом ч. 4 ст. 15 Конституции и лишает его существенного компонента – источников, не относящихся к категории общепризнанных ввиду их локального (регионального) формата. Однако и при таком нормативном пробеле сохраняется двойственная (дуалистическая) ценность конституционного предписания.

В этой сфере особенно ощутимы проявления действия, приобретающего синергетический эффект, который характеризует один из факторов системного исследования. Кажется допустимым перенесение в юридическую субстанцию терминологического смысла синергизма, принятого в фармакологии для характеристики реакции организма на комбинированное воздействие двух или нескольких лекарственных веществ, которое превышает действие, оказываемое каждым компонентом в отдельности.

Надлежащий системный анализ предполагает уяснение соотношения международных договоров РФ и российского законодательства в сфере внутригосударственной юрисдикции.

Эта тема, как и тема международной правосубъектности, получила в эволюционном толковании различные доктринальные решения: от полного отрицания действия договоров на национальном уровне без их так называемой трансформации до признания прямого действия, непосредственного применения договоров при их внутригосударственной реализации. Известно решение проблемы приоритета в Конституции РФ: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом,

то применяются правила международного договора» (ч. 4 ст. 15). Однако конституционная формулировка не дает ответа на некоторые вопросы, в том числе об оценке соотношения международных договоров и подзаконных актов. Точный ответ есть только в Трудовом кодексе РФ: здесь сопоставление международных договоров РФ дано, наряду с законами, с иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права (ст. 10).

Важнее и сложнее уяснить вопрос о соотношении международных договоров РФ и Конституции РФ. Получили широкое распространение суждения о безусловном верховенстве Конституции исходя из ч. 1 ст. 15: «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу...»

Но распространенный подход¹¹ вряд ли безупречен, поскольку для нашей правовой системы не менее значимо указание Венской конвенции о праве международных договоров: «Участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора» (ст. 27). Конституция – компонент национального права. И юридически адекватное решение видится не в поиске приоритета, а в установлении равноценности и равнозначности при толковании и применении норм Конституции и норм международного договора. В этом контексте представляется вполне уместным и юридически корректным совмещение (сопряжение) Конституции и международного договора, проявившееся как в правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в ряде его постановлений, так и в комментариях председателя Конституционного Суда, относящихся к юридически сложным ситуациям.

Начну с доктринального мнения. Имеется в виду сопоставление норм Конституции РФ и Конвенции о защите прав человека и основных свобод при возникшем разноречии между Конституционным Судом РФ и Европейским Судом по правам человека. Даже резкое расхождение правовых позиций судов не предопределяет ссылку на приоритет верховного на-

ционального акта. Сформулированный В. Д. Зорькиным вывод при явном профессиональном предпочтении включает разумный компромисс, согласно которому юридическая сила Конвенции юридическую силу Конституции не превосходит¹².

Одним из ярких примеров синергетического действия может служить формирование правовой позиции Конституционного Суда РФ в деле о проверке конституционности ст. 405 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Данная статья не допускала поворот к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора по жалобе потерпевшего (его представителя) или по представлению прокурора. Конституционный Суд при определении своей правовой позиции применил ряд норм Конституции РФ: ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 17, ст. 18, 19, 21, ч. 1 ст. 46, ст. 52, ч. 3 ст. 55, ч. 3 ст. 123. Вместе с тем Суд применил ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и п. 2 ст. 4 Протокола № 7 к ней (положение о возможности повторного рассмотрения дела, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела). В Конституции РФ нет идентичной формулировки. Конституционный Суд в постановлении от 11 мая 2005 г. признал ст. 405 УПК РФ, поскольку она не позволяет устранить допущенные в предшествующем разбирательстве существенные (фундаментальные) нарушения, повлиявшие на исход дела, не соответствующей Конституции РФ (указанным статьям) во взаимосвязи с положениями Конвенции и Протокола к ней¹³.

Употребленное в постановлении Суда выражение «во взаимосвязи» представляет собой воплощение совмещения (сопряжения) и, следовательно, качественно более значимого, более эффективного взаимодействия внутригосударственной и международно-правовой регламентации в правоприменительном процессе. Идентичный по юридической квалификации смысл присущ правовой позиции Конституционного Суда РФ в его постановлении от 29 ноября 2010 г. по делу

о проверке конституционности положений статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»¹⁴. По формулировке Суда юридическая значимость Конституции РФ и Конвенции о защите прав человека и основных свобод признается равноценной.

В обозначенном деле, как и во многих делах, рассмотренных Конституционным Судом РФ, Верховным Судом РФ, Высшим Арбитражным Судом РФ, а также иными судебными органами, проявились ситуации, относящиеся уже не к международному, а к внутригосударственному правопорядку. В таких случаях происходит применение международно-правовых норм вне международных правоотношений. Государство, его органы и другие компетентные учреждения, юридические и физические лица реализуют свои полномочия и личностные правомочия как субъекты внутригосударственного права. Соответственно изменяется содержательная функция применения международно-правовых норм к индивидам и осуществления этих норм самими индивидами. Предмет международно-правового регулирования приобретает и внутригосударственную «прописку».

Проведенное лаконичное системное исследование, обеспеченное предшествующими концептуальными разработками, дает возможность сформулировать следующие итоговые выводы относительно предмета регулирования современного международного права.

1. Основные позиции в предмете международно-правового регулирования сохраняют межгосударственные отношения. При этом их субъектно-функциональное наполнение ощутимо обогащается вследствие внедрения в указанную сферу межгосударственного общения участников, имеющих самостоятельный статус и производную международную правосубъектность.

2. Предмет международно-правового регулирования приобретает новые, выходящие за традиционные границы очерта-

ния, что обусловлено внедрением в международные отношения участников, не обладающих государственно-властными свойствами, в их числе индивидов (физических лиц), действующих в качестве субъектов международного права от собственного имени или в согласии с государством.

3. Определенные компоненты международно-правового характера вовлекаются в сферу внутригосударственной юрисдикции, поскольку ориентированы на регламентацию внутригосударственных отношений, выполняя эти функции либо совместно с национальным юридическим механизмом, либо самостоятельно. В этих условиях национальные исполнители международных норм, в том числе индивиды, остаются исключительно субъектами внутригосударственного права, статус и действия которых осложнены ориентацией предмета международного права.

¹ Международное право / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. 5-е изд. М., 2009. С. 69–73, 114–121.

² *Геновски М.* Основы на международното право. София, 1974. С. 123–124.

³ ICJ Reports. 1949. P. 175. См. также: *Крылов С. Б.* Международный Суд Организации Объединенных Наций. М., 1958. С. 61.

⁴ Международное право / под общ. ред. В. Н. Дурденевского, С. Б. Крылова. М., 1947. С. 109.

⁵ *Кожевников Ф. И.* Учебное пособие по международному публичному праву (очерки). М., 1947. С. 47–48.

⁶ *Черниченко С. В.* Личность и международное право. М., 1974. С. 149; Международное право / под ред. А. А. Ковалева, С. В. Черниченко. М., 2006. С. 164.

⁷ Надо честно признать, что и автор публикуемой статьи придерживался «господствующей» в тот период точки зрения о недопустимости включения индивидов в круг субъектов международного права. Участие в авторских коллективах трех разноплановых учебников международного права включало написание глав о субъектах международного права. Им были присущи идентичные подходы: физические и юридические лица не имеют самостоятельного международного статуса и вследствие этого не являются субъектами международного права (Международное право / под ред. Г. В. Игнатенко, Д. Д. Остапенко. М., 1978. С. 105; Международное право / отв. ред.

Г. И. Тункин. М., 1982. С. 82; Международное право / под ред. Н. Т. Блатовой. М., 1987. С. 71).

⁸ Словарь международного права. М., 1986. С. 389.

⁹ *Захарова Н. В.* Индивид – субъект международного права // Сов. государство и право. 1989. № 11. С. 112–118; Международное право / под ред. Г. В. Игнатенко. М., 1995. С. 76–78; Международное публичное право / под ред. К. А. Бекяшева. М., 1998. С. 109–114; *Ковлер А. И.* Антропология права. М., 2002. С. 375–407.

¹⁰ *Васильев А. М.* О системах советского и международного права // Сов. государство и право. 1985. № 1. С. 64–72; Игнатенко Г. В. Международное и советское право: проблемы взаимодействия правовых систем // Там же. С. 73–81; Обзор выступлений (Н. А. Ушаков, В. А. Туманов, В. С. Верещетин, С. А. Иванов, О. С. Колбасов, И. П. Блищенко, Н. В. Захарова, В. П. Воложанин, И. Я. Дюрягин и др.) // Там же. С. 81–84.

¹¹ Такое мнение «проникло» даже в наш учебник: «Конституция РФ обладает приоритетом применения перед международными договорами РФ» (Международное право / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. С. 218).

¹² *Зорькин В. Д.* Предел уступчивости // Рос. газ. 2010. 29 окт.

¹³ Рос. газ. 2005. 11 мая.

¹⁴ Там же. 2010. 17 дек.

Рец. на кн.: И. И. Лукашук. Нормы международного права в международной нормативной системе. – М.: Спарк, 1997. – 322 с.*

Новая работа известного ученого, члена Комиссии международного права ООН И. И. Лукашука характеризуется глубоким исследованием сущности, структуры нормативной системы, ее целей и принципов, признаков и видов норм и их взаимосвязи. Необходимость такого исследования обусловлена современными международными реалиями – сложившейся международной нормативной системой, представляющей собой совершенно новое явление большого исторического значения. Она основана на единстве международного сообщества, предполагающем создание нового мирового порядка со справедливыми и демократическими принципами и интернациональным содержанием. Это предполагает достижение более высокого, по сравнению с ныне существующим, уровня управления мировой системой, что потребует замены баланса сил балансом интересов – внедрения равенства прав и обязанностей государств, их ответственности, более высокого уровня совместности их национальных систем, гармонизации общих и национальных интересов,

С учетом поставленных задач автор определяет соотношение нормы и нормативной системы. Если первая является первичным элементом системы права, моделью отдельных отношений, то вторая выступает в качестве модели регулирования международных общественных отношений в целом. При оценке общей системы нормативного регулирования данных отношений важно установить роль правовых и неправовых норм в этом регулировании. Правовые нормы обязательны для признающих их государств. В монографии показана необоснованность понятия «необязательная правовая норма».

* Российский юридический журнал. 1998. № 1.

Соавтор: **О. И. Тиунов**, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ.

Вместе с тем автор подчеркивает, что имеется значительное количество норм, имеющих значение для регулирования международных отношений, но не являющихся правовыми, – моральных, политических, организационных и т. п., которые в общенормативной системе могут являться идеальной типовой моделью поведения при определенных обстоятельствах. Относительно политических норм у рецензентов неоднозначные позиции. Одному суждения И. И. Лукашука, повторяемые в нескольких его публикациях, кажутся во многом оправданными, другому – менее привлекательными. Но такое различие не препятствует общему критическому восприятию методов авторской аргументации и оценок места политических норм в общенормативной системе. Как нам кажется, в данной монографии концепция ученого не получила ощутимого обогащения (с. 55–56).

Важным является вопрос об общечеловеческих ценностях. И. И. Лукашук верно указывает, что эти ценности служат базой развития современной международной нормативной системы, особенно ее целей и принципов. Общечеловеческие ценности способствуют сближению политико-правового сознания различных государств и формированию «целостного всемирного сознания» (с. 66). Углубленная характеристика указанных ценностей могла бы более масштабно раскрыть причины согласования государствами целей и принципов названной системы. Проблема определения целей международной нормативной системы чрезвычайно важна: точное установление цели, которая отражается в нормах, есть одно из условий их эффективности.

Эффективность нормативной системы зависит и от ее принципов, выражающих сущность этой системы. Как полагает автор, к ним следует отнести принципы-идеи (гуманизм, демократизм, социальная справедливость и т. п.), политические принципы (неделимость мира, равная безопасность и другие), основные принципы-нормы (неприменение силы, добросовестное выполнение обязательств по международно-

му праву и т. д.); последние обладают как политической, моральной, так и юридической силой. Однако вряд ли является оправданным отождествление их роли с ролью таких норм, как справедливость, добросовестность, незлоупотребление правом, добрососедство и некоторые другие (с. 90–91).

В монографии обосновывается положение, согласно которому норма определяет меру обязательного или дозволенного поведения, единый общеобязательный масштаб при регулировании отношений субъектов. Юридическая функция норм связана с нормативным регулированием отношений между субъектами международного права, которые посредством норм наделяются соответствующими правами и обязанностями. Норма, таким образом, выражает согласованное единство воли сторон при регулировании конкретного вопроса. Она есть результат соглашения субъектов (с. 115).

Исследуя универсальные (общие) нормы, И. И. Лукашук утверждает, что закономерной и основной формой существования этих норм является международно-правовой обычай (с. 144, 256). Обычные нормы рассматриваются автором как основа общего международного права.

В связи с этим следует оценить, по крайней мере, три аспекта данного вопроса. Первый касается особенностей формирования обычая, второй – решающего условия для его создания, а третий – взаимодействия договорных и обычных норм.

Как полагает автор, немногие общие договоры достигают универсального участия в них государств. Для того чтобы основная масса договоров приобрела качество универсальности, требуется помощь обычая. Посредством обычая, полагает автор, договорные положения обретают характер норм общего международного права. В связи с этим для не участвующих в договоре государств нормы обязательны только как обычные, а для других – и как договорные. Обычные нормы после их закрепления в договорах продолжают существовать и в своем первоначальном качестве (с. 281). Однако данное положение больше подходит для ситуации, когда существующий обычай

был затем определенными государствами воплощен в форму международного договора.

Представляется, что при другой ситуации, когда международный договор служит основанием для формирования международно-правового обычая, его нормы приобретают обычно-правовое значение для тех государств, которые не участвуют в договоре. Что касается государств-участников договора, то вряд ли они автоматически становятся участниками соответствующего обычая, особенно в ситуации, когда договор впоследствии прекращает свое существование. Вероятнее всего, для подтверждения положений договора его бывшими участниками в качестве обычно-правовых норм необходимы соответствующая практика этих государств и признание ими характера юридической нормы (*opinio juris*) за положениями прекратившего свое существование договора. В противном случае положения такого договора автоматически сохраняли бы для его бывших участников свою силу в форме обычая, что противоречило бы их интересам и их суверенной воле. В принципе, как признает сам автор, договорные нормы более, чем обычные, пригодны для перестройки существующих и установления новых отношений (с. 305).

Добавим, что далеко не всегда многоплановая, сложная по содержанию и детализированная общая договорная норма имеет шансы быть признанной в качестве международно-правового обычая. Более того, история свидетельствует о возможности «вытеснения» определенных обычаев из международного права при помощи договорных норм. С учетом сказанного представляется, что в определенных случаях международно-правовой обычай позволяет придать договорной норме универсальный характер, играя при этом служебную роль в том смысле, что лишь помогает признавать норму тем государствам, которые не являются участниками конкретного международного договора, не предопределяя при этом своего обычно-правового качества для самих его участников. Таким образом, далеко не всегда форма правового обычая будет яв-

ляться единственной при признании определенного правила в качестве общей нормы международного права.

Другой аспект, связанный с принципиальным условием формирования обычая, требует ответа на вопрос, необходимо ли для возникновения нормы международного права как универсальной (общей) нормы признание ее обязательной силы всеми без исключения государствами.

Ответ на этот вопрос скорее всего будет отрицательным. Если подавляющее большинство государств, представляющих основные правовые системы, участвуют в международном договоре, а в круг его участников входят субъекты, для реализации интересов которых положения договора играют особую роль, его можно признать универсальным. Признание нормы таким большинством государств допустимо, на наш взгляд, расценивать как принятие ее международным сообществом в целом. Из этого следует, что формой общих норм международного права помимо обычая может быть и международный договор. Истоки возникновения универсальной нормы и формы ее существования могут быть связаны как с международно-правовым обычаем, так и с международным договором. Источник возникновения общей нормы не связан исключительно с такой формой ее выражения, как обычай. Автор монографии и сам признает, что «принятие нормы международным сообществом в целом не означает полного единогласия его членов» (с. 236). Широкое представительное большинство государств «независимо от того, как оно оформлено – договором, обычаем или в результате их взаимодействия», является решающим условием для создания общей нормы (с. 298).

Аналізу взаимодействия договора и обычая в книге уделено значительное внимание. Договорные и обычные нормы имеют одинаковую юридическую силу. Среди них следует выделить особую категорию универсальных норм – нормы, имеющие императивный характер (*jus cogens*). Для их принятия, признания и изменения требуется общее согласие всех государств. Но и эти нормы закрепляются как международным договором, так и международно-правовым обычаем.

К числу пробелов рецензируемой книги мы бы отнесли недостаточное внимание к иным, чем договорные и обычные, нормам международного права. Автор воспроизводит текст ст. 17 проекта статей об ответственности государств, где речь идет о различных видах происхождения международного обязательства – обычном, договорном или ином, но относит эту формулу лишь к взаимосвязи обычных и договорных норм, оставляя «за кадром» возможность существования иного нормативного феномена (с. 279).

И. И. Лукашук на с. 270–271 затрагивает вопрос, издавна привлекавший внимание специалистов права международных договоров, – вопрос «договоров-законов» и «договоров-сделок». Его комментарии по этому поводу вряд ли безупречны. Во всяком случае ссылка на специфику международного права вряд ли значима сама по себе. Здесь хотелось бы видеть не только безапелляционный тезис, что «договоры-сделки» «никак нельзя не считать источниками международного права», но и хоть какие-то аргументы.

Авторское положение о разнице между двумя видами договоров, состоящей в том, что «одни призваны создавать нормы общего международного права, а другие – нормы с ограниченной сферой действия», противоречит генеральной концепции всего исследования, ибо огромное число того, что можно квалифицировать как «договоры-законы», относится к локальному нормотворчеству (автор почему-то предпочитает весьма спорный термин «партикулярные нормы» – с. 157–160),

В целом материал, посвященный видам и формам норм международного права привлекает высоким уровнем авторского научного анализа. Отличительная черта трудов И. И. Лукашука – введение в научный оборот официальных документов, а также книг и статей, опубликованных в труднодоступных сегодня зарубежных изданиях. И в данной монографии мы видим множество ссылок на иностранные источники самого последнего времени. В их числе, что хочется особо отметить, примеры из международной судебной практики,

включая новейшие документы Международного суда ООН и Международного трибунала по бывшей Югославии.

Без сомнения, качество обобщений и оценок исследуемых вопросов позволяет сделать вывод о теоретической ценности монографии и возможности использования содержащихся в ней выводов в практической деятельности и учебном процессе.

Рец. на кн.: М. И. Клеандров. Очерки российского судопроизводства: проблемы настоящего и будущее. – Новосибирск: Наука. Сибирское предприятие РАН, 1998. – 192 с.*

В течение нескольких лет Михаил Иванович Клеандров – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, председатель Тюменского областного арбитражного суда, а в недавнем прошлом член Экономического суда Содружества Независимых Государств – опубликовал ряд работ, охватывающих актуальные правовые и процессуальные проблемы, включая вопросы статуса Экономического суда СНГ и разрешения экономических споров в рамках Содружества, вопросы арбитражного процесса и др. Мы с удовлетворением констатируем, что в их числе наряду с монографическими изданиями четыре статьи в «Российском юридическом журнале» (1993, № 2; 1995, № 1 и № 3; 1997, № 3).

Новая книга М. И. Клеандрова органически совмещает теоретические, процедурно-практические и в определенной мере публицистические аспекты судебной деятельности.

Мы не вторгаемся в содержание первого очерка, поскольку все размышления о том, «кто должен быть судьей в России», обусловлены богатым профессиональным опытом автора –

* Российский юридический журнал. 1998. № 4.

Соавтор: **В. В. Ярков**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса УрГЮА.

судьи и ученого, его гражданской позицией, сопряженной с личностным восприятием относящегося к теме нормативного материала.

Особо актуальны сегодня суждения второго очерка «Права российского человека и механизм их судебной защиты». Вопреки преобладающему в юридической литературе тезису о первостепенном значении совершенствования законодательства в области прав и свобод М. И. Клеандров вполне обоснованно переносит акценты на создание эффективного механизма реализации и охраны прав, прежде всего их судебной защиты. Подчеркивая особое значение государственной защиты, гарантируемой ст. 45 Конституции РФ, М. И. Клеандров значительное внимание уделяет вопросам международно-правового характера. Прежде всего это обеспечение прав человека в Содружестве Независимых Государств в контексте как международных пактов о правах человека и иных универсальных конвенций, так и региональных, в том числе двусторонних, документов. Автор справедливо пишет о ценности такого органа, как Комиссия СНГ по правам человека, сожалея при этом о «замороженности» этого потенциала, поскольку Комиссия, создание которой было провозглашено в 1993 г., до сих пор не функционирует.

Более мажорные суждения характеризуют фрагменты, посвященные гуманитарным нормам и процедурам Совета Европы, европейским стандартам прав человека. Отметим и публицистического плана фразу на с. 30 о «возможности „достучаться“ до суда, способного по-настоящему эти права защитить», и высказывания на с. 36–41 о европейском механизме, представленном Европейским Судом по правам человека (до осуществляемой реформы – и Европейской комиссией по правам человека). На этом позитивном фоне прогнозируется будущее Суда СНГ – либо как самостоятельного органа (в этом мы поддерживаем автора), либо «в качестве специальной коллегии уже существующего в Содружестве Экономического суда» (такой вариант кажется нам несовместимым со

статусом, составом и уставными функциями существующего Суда).

Непосредственно Экономическому суду СНГ посвящен четвертый очерк с несколько претенциозным названием «Межгосударственный суд – третейский суд институционального типа?», что вряд ли согласуется с реальным его содержанием. Авторская характеристика Экономического суда заслуживает самой высокой оценки как размышления непосредственного участника его деятельности на начальной стадии.

А вот что касается Международного суда ООН, то в контексте наименования очерка он заслуживал большего внимания, в том числе в аспекте судопроизводства. Можно было избежать неточностей. «Задолго до образования ООН» (с. 57) был создан не Международный суд в Гааге, а сам институт международного судебного разбирательства, непосредственной же предшественницей Международного суда, существующего с 1946 г., была Постоянная палата международного правосудия при Лиге Наций. Не согласуется с исторической реальностью утверждение, что «идея международного арбитражного суда была высказана российским императором Николаем II еще в 1899 г. на Первой Международной мирной конференции». Зачем приписывать монарху заслуги выдающихся специалистов в области международного права? Во-первых, международные арбитражи (третейские разбирательства) широко применялись на протяжении всего XIX в. для решения межгосударственных споров. Во-вторых, идея постоянного международного суда принадлежала российским юристам Л. А. Комаровскому (его труд «О международном суде» был издан в Москве в 1851 г.) и Ф. Мартенсу, сыгравшему выдающуюся роль в подготовке Первой конференции мира 1899 г., одним из результатов которой стало учреждение Постоянной палаты третейского суда, существующей и в настоящее время, выполняющей специфические, не непосредственно судебные функции и, между прочим, вопреки названию не являющейся постоянно действующим учреждением.

Заслуживают внимания соображения М. И. Клеандрова относительно места конституционных (уставных) судов в общей судебной системе России (очерк 3). Он предлагает существенно расширить их полномочия и ввести двухинстанционный порядок разрешения дел. На наш взгляд, такие предложения интересны в сугубо теоретическом плане, но вряд ли они состоятельны применительно к современной социально-экономической ситуации. Суды субъектов федерации, помимо других причин, возникли как попытки региональных элит повысить свой собственный статус и приобрести в лице таких судов исполнителей регионального законодательства, «обрасти» собственной юридической инфраструктурой. Ведь федеральные суды руководствуются прежде всего Конституцией России и федеральным законодательством и только по вопросам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов и собственной компетенции субъектов РФ – региональным законодательством.

Неустрашимый порок конституционных (уставных) судов субъектов РФ – отсутствие собственной юридически чистой компетенции, поскольку она практически полностью пересекается либо перекрывается компетенцией федеральных судов. Поэтому многие субъекты не стали создавать подобные суды, полагая, очевидно, что суды общей юрисдикции успешнее справятся с данной задачей, как они и осуществляли указанные полномочия ранее. Если же идти по пути, предлагаемому М. И. Клеандровым, усложняя структуру данных судов, то в результате будет создана параллельная судам общей юрисдикции система разрешения споров. На наш взгляд, какой-либо необходимости тратить ресурсы общества на создание новой судебной системы не имеется, целесообразнее поддержать функционирование уже существующих судов.

Спорно утверждение о возможности оформления судопроизводительной части деятельности конституционного (уставного) суда путем принятия регламента суда, утверждаемого самим судом (с. 54). На наш взгляд, судопроизводство также

должно регулироваться законодательными актами, что определяет большую его стабильность и основательность проработки. Кроме того, наше судопроизводственное законодательство и так отличается узковедомственной направленностью. В случае же предоставления судьям полномочия самим готовить для себя правила, возникнет соблазн максимального учета интересов судей, а не тех лиц, ради которых и существует судебная система.

В ряде случаев (в частности, в очерке 5) М. И. Клеандров высказывает положения, которые не вполне увязываются с действующим законодательством. Так, на с. 80 применительно к ситуациям в одном из субъектов РФ он полагает, что суд должен отказать в приеме заявления о споре, если оно предварительно не рассматривалось согласительной комиссией в соответствии с Законом Тюменской области «О местном самоуправлении». Если автор здесь имеет в виду федеральный суд, то такое мнение оспоримо. Процессуальное законодательство является частью федерального законодательства, и потому вряд ли возможен такой отказ на основании положений областного закона.

На с. 105 автор ссылается как на вполне действующее в настоящее время постановление Правительства РФ от 19 июня 1996 г., содержащее перечень документов, по которым взыскание задолженности производится в бесспорном порядке на основании исполнительных надписей органов, совершающих нотариальные действия. Между тем после вступления в силу Федерального закона «Об исполнительном производстве» в качестве исполнительных рассматриваются лишь такие документы, которые предусмотрены в федеральных законах. В настоящее время только ГК РФ предусматривает всего лишь два основания для совершения исполнительных надписей. Сам же перечень Правительства РФ, хотя формально и не отменен, но реально утратил юридическое значение.

Заслуживают внимания соображения о новых судебных технологиях (очерк 7). Здесь М. И. Клеандров анализирует

и суммирует многочисленные предложения последних лет, включая развитие третейского разбирательства, административных юрисдикций и квазисудебных органов. Крайне важна поддержка автором идеи о групповых исках в судебном процессе, поскольку многие специалисты ее отвергают. Заслуживают внимания предложения о передаче к подведомственности арбитражных судов дел, связанных с проверкой соответствия федеральным законам нормативных актов.

Поскольку арбитражный суд Тюменской области относится к числу судов, проводящих эксперимент по рассмотрению дел с участием арбитражных заседателей, интересен авторский анализ его проведения. Прежде всего автор прав в том плане, что после включения арбитражных заседателей в число лиц, осуществляющих правосудие в соответствии с Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации», говорить об их участии на основе эксперимента некорректно. Теперь они стали постоянными участниками арбитражного судопроизводства, в связи с чем необходимо изучение данного правового института.

Арбитражные заседатели играют особую роль в разрешении дел, поскольку, как правильно пишет автор, они выполняют роль судей-экспертов. Тем самым арбитражные заседатели восполняют отсутствие у арбитражных судей специальных познаний во многих сферах финансово-хозяйственной и иной деятельности, когда решение суда должно быть вынесено на основе юридической оценки достаточно широкого круга фактических обстоятельств.

При характеристике развития новых судебных технологий автор правильно ставит вопрос о необходимости расширения участия в судебных процессах адвокатов, широкого их привлечения к досудебным переговорам и урегулированию конфликтов. М. И. Клеандров полагает, что главным рычагом здесь должно стать лицензирование таких представителей. На наш взгляд, участие представителей, в том числе профессиональных адвокатов, имеет другую грань – это прежде всего

гарантированное оказание квалифицированной юридической помощи всем нуждающимся гражданам в соответствии со ст. 48 Конституции РФ, в том числе и бесплатной в случаях, предусмотренных законом. Само по себе лицензирование без расширения возможностей граждан, мелких предпринимателей по оплате услуг адвоката вряд ли что-либо сможет решить. Современный судебный процесс, построенный на состязательных началах, – это адвокатский процесс. Поэтому без решения данной проблемы внедрение новых судебных технологий, предполагающих достаточно квалифицированное сопровождение ведения дела, вряд ли будет эффективным.

М. И. Клеандрову присущ широкоформатный и многомерный взгляд на общественные процессы, затрагивающие сферы деятельности судебной власти. Наиболее ощутимо это в последней главе «Судебная система России: взгляд в XXI век». Здесь мы видим и классическую футурологическую конструкцию, прогнозирующую контакт с иноземной цивилизацией и ориентированную на создание принципиально новых правовых форм «контактов с той цивилизацией (ее руководящими (?) органами)» (так у автора на с. 149). Как сказано в книге, «это повлечет не только формирование новой отрасли права („межцивилизационного, межзвездного“?), но и потребует корректировки существующих отраслей законодательства, статуса и деятельности государственных, а значит, судебных органов и пр.» (с. 149–150). Но здесь же и вполне земные, вполне реальные (и даже в чем-то не из следующего века, а сиюминутные) размышления о совершенствовании судебной системы.

На с. 154–166 (а это треть объема заключительной главы) читатель знакомится с суждениями по профессионально наиболее близкой автору проблеме реформирования арбитражных судов и арбитражного процесса.

Заслуживает внимания жизненно важная (и не только для XXI века) тема обжалования и пересмотра судебных решений. Автор называет огромным минусом принципиальную невозможность «обжалования решений какого-либо органа,

не исключая судебного», поскольку реальны потребности исправления судебных ошибок (с. 151).

Мы разделяем критическое отношение М. И. Клеандрова к ситуации, в условиях которой действует, как он пишет, «законодательно закреплённая презумпция безошибочности принимаемых федеральным Конституционным Судом постановлений». Как известно, изменить или отменить постановление этого суда ни при каких обстоятельствах не вправе никто, даже сам Конституционный Суд РФ. Так определено в Федеральном конституционном законе.

Между тем применительно к Высшему Арбитражному Суду РФ подобное нормативное положение было признано неконституционным в постановлении Конституционного Суда РФ от 3 февраля 1998 г. Имеется в виду ч. 2 ст. 192 Арбитражного процессуального кодекса РФ, поскольку она служит основанием для отказа в пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам постановлений Президиума ВАС, принятых в результате судебной ошибки, которая не была или не могла быть выявлена ранее, что нарушает закреплённую в Конституции РФ гарантию судебной защиты прав человека и гражданина. Комментируя вывод этого постановления, автор справедливо относит его ценность и к самому Конституционному Суду, ибо в противном случае получается, что в отличие от Высшего Арбитражного Суда Конституционный Суд «в принципе не может ошибаться, а поэтому нет необходимости для него создавать законодательную возможность пересмотра собственного решения» (с. 182).

Автор видит сложные последствия ситуации, отменяющей, как он пишет, «последнюю судебную инстанцию» для системы арбитражных судов, а в перспективе и для системы судов общей юрисдикции.

Отметим, что уже после издания книги появилось ещё одно постановление Конституционного Суда РФ от 6 июля 1998 г., которое признаёт не соответствующим Конституции РФ положение ч. 5 ст. 325 Уголовно-процессуального кодекса

РСФСР, лишаящее осужденного права на обжалование в кассационном порядке приговора Верховного Суда РФ. В связи с этим возникает принципиально новая и не простая задача «водружения» над Верховным Судом (или, как уже предлагают в печати, в структуре самого Верховного Суда в виде кассационной коллегии) вышестоящей судебной инстанции. И опять вне критики остаются постановления самого Конституционного Суда, не подлежащие обжалованию.

В рассматриваемую деликатную ситуацию вторгается еще одна проблема. Мы имеем в виду определенные аспекты реализации закрепленного в ч. 3 ст. 46 Конституции РФ права каждого человека в соответствии с международными договорами обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Реализация этого права (в современных условиях прежде всего путем обращения в Европейский Суд по правам человека в соответствии со вступившей в силу для Российской Федерации Конвенцией о защите прав человека и основных свобод) неотделима от корректировки статуса всех высших федеральных судебных органов (и не только судебных), включая Конституционный Суд, ибо решения Европейского Суда по таким обращениям обусловят перспективы вполне вероятных повторных рассмотрений дел в «конечных» федеральных судебных и иных инстанциях. Соответственно потребуются новые нормативные предписания относительно юридических последствий международно-правовых процедур.

Новая монография М. И. Клеандрова свидетельствует об искренней заинтересованности авторитетного ученого и опытного судьи в творческой разработке актуальных проблем судостроительства, судебной системы России с учетом отечественного и зарубежного опыта, новейших международно-правовых решений и тенденций. Его суждения, выводы и прогнозы отличаются оригинальностью, критическим восприятием ставших привычными стереотипов теории и практики, стремле-

нием совместить сиюминутные потребности с близкими и отдаленными перспективами.

Мы хотим пожелать Михаилу Ивановичу продолжить исследование различных аспектов судебной реформы на той базе, которая им уже подготовлена.

**Рец. на кн.: И. И. Лукашук, А. В. Наумов.
Международное уголовное право: Учеб.
для юридических факультетов и вузов. –
М.: Спарк, 1999. – 287 с.***

Мы не сомневаемся в том, что специалисты, интересующиеся проблемами международного сотрудничества в борьбе с преступностью, с интересом восприняли издание этой книги. Новый учебник будет полезен преподавателям и студентам при изучении спецкурса.

Однако с огорчением констатируем, что И. И. Лукашук и А. В. Наумов яснее представляют себе состояние обучения за рубежом, чем в собственной стране. Достаточно взглянуть на их замечание на с. 8: «Так, сегодня в более чем 20 университетах США... читается специальный курс „Международное уголовное право“». Назрела необходимость введения такого курса и в вузах России». Раскроем авторам «секрет»: в Казанском университете и в Уральской государственной юридической академии (подозреваем, что и в ряде других вузов) данный спецкурс существует уже несколько лет. Более того, в Казани в 1998 г. было издано учебное пособие «Международное уголовное право» (И. И. Лукашук и А. В. Наумов забыли включить его в список литературы), а в Екатеринбурге еще раньше появилось пособие «Международное сотрудничество в борьбе с преступностью»; в обоих вузах в преподавательском про-

* Российский юридический журнал. 2000. № 4.

Соавтор: **А. Р. Каюмова**, кандидат юридических наук, доцент Казанского университета.

цессе используется глава о международном уголовном праве из учебника «Международное право», изданного в Москве в 1995 и 1999 гг.

Следует обратить внимание на квалифицированную постановку в учебнике вопроса о предмете международного уголовного права, его источниках и принципах. Авторская позиция однозначна: международное уголовное право – это отрасль международного публичного права. Немалыми достоинствами отличаются параграфы, посвященные уголовной юрисдикции, ответственности в международном уголовном праве, и особенно материалы о юрисдикции международных уголовных судов.

Подробно, с привлечением фактических данных, охарактеризована деятельность Международного трибунала для бывшей Югославии. Как известно, И. И. Лукашук в числе первых откликнулся (очевидно, и как член Комиссии международного права ООН) на процессы разработки Римского статута Международного уголовного суда (отметим его статью во втором номере Российского юридического журнала 1999 г.).

Перед нами труд, которому придан титул учебника, что накладывало на его авторов существенные обязанности. С нашей точки зрения, сама структура книги наводит на размышления. Так, помимо лаконичного введения она включает в себя четыре раздела: общая часть; международные уголовные суды; особенная часть; реализация международного уголовного права. Как видим, здесь нарушена логика, вследствие чего международные суды и так называемая реализация оказались за пределами и общей, и особенной части.

Что касается общей части, то необходимо упрекнуть авторов в том, что они, увлекшись (в разных аспектах) вопросами юрисдикции, забыли раскрыть такие вопросы, как понятие и предмет регулирования, место международного уголовного права в системе международного права, соотношение международного уголовного права с внутригосударственным, что важно для студентов, на которых рассчитан учебник.

Мы не уверены также, что «наиболее распространенной является, пожалуй, концепция, согласно которой международное уголовное право включает как международные нормы, так и соответствующие нормы внутреннего уголовного права» (с. 9). Авторы справедливо отвергают такой подход («подобный конгломерат невозможен»), однако остается неясным, кому именно они возражают, поскольку нет ни имен, ни ссылок.

Лаконично, без развернутых аргументов, но весьма категорично решен вопрос относительно признания индивидов субъектами международного уголовного права: «Подобное мнение противоречит природе международного права, которое не предназначено для непосредственного регулирования отношений физических и юридических лиц...» (с. 9). Отмечая, что мнение о правосубъектности индивидов «весьма распространено», авторы упрощают проблему, сводя ее к преступлениям против мира и безопасности человечества и оговаривая при этом, что «и в таких случаях государства предпочитают привлекать к ответственности на основе внутреннего уголовного права» (с. 10). Мы не можем согласиться с таким аргументом, основанным не столько на юридических критериях, сколько на том, что же государства «предпочитают...».

В международном уголовном праве индивид является субъектом ответственности, что не оспаривается. Почему же обладание статусом субъекта ответственности, с чем связаны и определенные права, в том числе процессуальные, на международном уровне недостаточно для квалификации субъекта международного права? Только ли отсутствие возможности участия в создании норм международного уголовного права? Но многие субъекты национального уголовного права также не обладают такой возможностью применительно к уголовному закону, уголовному кодексу.

Во всяком случае есть основания для размышлений.

Весьма сомнительным мы считаем утверждение, что в отличие от других государств, суды которых могут привлечь индивидов к уголовной ответственности непосредственно на

основе международного права, «российский суд такой возможности лишен» (с. 26). Можно еще как-то понять специалиста в области внутреннего уголовного права, ибо ему дороже собственный УК. Но вот специалист в области международного права должен быть ориентирован на нормы Международного пакта о гражданских и политических правах (ст. 15) и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 7), а также Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека (ст. 7), которые предусматривают возможность уголовного преследования согласно как национальному, так и международному праву.

Хотелось бы прокомментировать термин «конвенционные преступления», используемый авторами для характеристики преступлений международного характера. Как сказано в учебнике, «составы этих преступлений предусмотрены конвенциями, обязывающими участвующие в них государства ввести соответствующие нормы в свое национальное уголовное законодательство, и соответственно в случае конвенционных преступлений приговор выносится на основе национального уголовного права» (с. 132). Думается, данное суждение достаточно условно, поскольку известно, что государство, становясь участником любого международного договора, обязано привести свое национальное законодательство в соответствие с его нормами. Иначе говоря, нормы любой конвенции в области международного уголовного права должны быть осуществлены в национальном законодательстве, будь то Международная конвенция о борьбе с захватом заложников или Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Кроме того, составы многих преступлений, затрагивающих интересы двух и более государств, не закреплены в универсальных конвенциях, и сотрудничество государств в борьбе с ними урегулировано лишь на уровне регионов или на двустороннем уровне. Поэтому нам кажется более уместным при характеристике преступлений международного характера пользоваться термином «транснациональные пре-

ступления», тем более что указанный термин применяется и Организацией Объединенных Наций¹.

Кроме того, по нашему мнению, авторам стоит подумать о содержании раздела «Реализация международного уголовного права». Если судить по названиям параграфов («Правовая помощь по уголовным делам», «Институт выдачи», «Международные организации в борьбе с преступностью» и др.), то здесь представлены самостоятельные вопросы, не совсем адекватные тому, что один из авторов учебника понимает под реализацией².

Тем не менее спорные или не вполне удачные положения учебника не меняют общего положительного впечатления от него. Думается, что данное новаторское произведение ждут переиздания, конечно, с учетом новых международно-правовых и внутригосударственных актов, последних достижений отечественной и зарубежной доктрины и критических замечаний.

¹ Специальным Комитетом ООН завершена разработка проекта Конвенции по борьбе с транснациональной организованной преступностью, содержащего примерный перечень транснациональных преступлений, в который вошли незаконный оборот наркотиков, похищение и торговля людьми, подделки денежных знаков, незаконный провоз мигрантов, незаконный оборот биологических и генетических материалов и др. См.: Документ ООН A/AC.254/4/ REY.5 от 16 ноября 1999 г.

² Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учеб. М., 1996. С. 159.

Рец. на Казахстанский журнал международного права*

Поездка в Алматы на заседание диссертационного совета, имеющего необычный состав (13 ученых из Казахстана, 1 – из Кыргызстана, 2 – из Российской Федерации), дала мне воз-

* Российский юридический журнал. 2000. № 4.

возможность познакомиться с новым интересным изданием – Казахстанским журналом международного права, выходящим тиражом 500 экз. Его учредитель – Институт международного права и международного бизнеса «Донекер», что означает в переводе «связующая нить». Одним из основных создателей журнала является ректор этого института, он же заведующий кафедрой международного права Казахского национального государственного университета имени Аль-Фараби профессор М. А. Сарсембаев – первый и пока единственный в республике доктор юридических наук в области международного права, опубликовавший несколько монографий и учебников («Международное право», «Международное частное право», «Международное торговое право», «Мусульманское право») и подготовивший группу талантливых учеников, защитивших или подготовивших к защите кандидатские диссертации. Статьи и другие материалы представлены в журнале преимущественно на русском языке, хотя отдельные статьи напечатаны на казахском и английском языках.

Информируя читателей об этом ежеквартальном научно-теоретическом и информационно-практическом издании, я не преследую цели дать аналитический обзор журнальных публикаций, ограничусь лишь выделением тех статей, которые кажутся мне наиболее интересными по замыслу и значимыми по содержанию.

В первую очередь хочется отметить статьи О. Н. Сафоновой и Е. М. Абайдельдинова о соотношении и взаимодействии международного и национального права с естественным вниманием к опыту международных связей Республики Казахстан; С. Ж. Айдарбаева и Ж. М. Аманжолова по вопросам международной безопасности; М. Б. Кудайбергенова, Б. К. Шнарбаева, А. Абишевой по проблемам международной уголовной ответственности и правовой помощи по уголовным делам; а также публикации по различным аспектам международного экономического сотрудничества, правового регулирования иностранных инвестиций, интеллектуальной

собственности (авторы К. С. Мауленов, А. А. Салимгерей, Л. Жумахметова, А. Амангельды) и др.

Заслуживает одобрения опубликование в первом номере журнала одного из новейших документов Организации Объединенных Наций – Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма.

Хочется выразить надежду на восстановление и упрочение плодотворных контактов между учеными и научными коллективами Республики Казахстан и Российской Федерации, в том числе в рамках сотрудничества юридических журналов.

**Рец. на кн.: Конституции государств Европы: в 3 т. /
Под общ. ред. и вступ. ст. Л. А. Окунькова. –
М.: Норма, 2001***

Сборники конституций зарубежных стран издавались многократно, причем не во всех случаях уровень таких публикаций соответствовал высоким требованиям, предъявляемым к изданиям правовых актов. Мы имеем в виду и подбор государств, и адекватность переводов, и качество вводных статей.

Нельзя не поздравить коллектив составителей, авторов вводных статей, переводчиков, а также сотрудников издательства «Норма», которые при поддержке международной благотворительной организации «Институт „Открытое общество“ (Фонд Сороса) – Россия» выпустили трехтомный сборник, охватывающий конституции и иные конституционные акты всех без исключения европейских государств. Нам хочется отметить активное участие в подготовке сборника таких известных ученых, как Д. Л. Златопольский, Д. А. Ковачев,

* Российский юридический журнал. 2003. № 4.

Соавтор: **П. И. Савицкий**, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранного государственного и международного права УрГЮА.

Б. С. Крылов, М. А. Могунова, В. В. Невинский, Б. А. Страшун и др.

Оперативность составителей, переводчиков и издательства позволила включить в книгу такие новейшие акты, как Союзная конституция Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 г., Основной закон Финляндии от 11 июня 1999 г.

Заслуживает доброй оценки то обстоятельство, что в большинстве случаев в переводах текстов конституций учтены изменения и дополнения, принятые в последние годы.

Так, в публикации Основного закона Федеративной Республики Германия, изменения и дополнения в который вносились многократно, учтены положения многих статей в редакции 90-х гг., вплоть до законов от 26 марта и 16 июля 1998 г. В тексте Конституции Французской Республики даны изменения и дополнения в соответствии с рядом законов 1999 г. и даже от 2 октября 2000 г. (например, статья 53-2 о признании юрисдикции Международного уголовного суда). В Конституцию Бельгии от 17 февраля 1994 г. включены изменения и дополнения, принятые парламентом в 1992–2000 гг. и связанные с расширением категории лиц, которым по закону может быть предоставлено право голосования на выборах, в частности гражданам Европейского Союза и тем, кто не является выходцем из государств-членов этого Союза, но проживает в Бельгии (ст. 8), а также касающиеся ограничения парламентского иммунитета депутатов и сенаторов (ст. 59), изменения уровня подсудности министров федерального правительства (ст. 103) и членов правительств сообществ и регионов (ст. 125), учреждения в Бельгии Высшего совета правосудия (ст. 151) и др. После текста Конституции Республики Хорватия приводится постановление Палаты представителей Хорватского государственного сабора «О провозглашении изменения Конституции Республики Хорватия» от 9 ноября 2000 г. (т. 3, с. 473–490). Аналогичным образом даны поправки к Конституции Союзной Республики Югославия от 6 июля 2000 г. (т. 3, с. 786–788), Конституции Республики Исландия (т. 2, с. 29–32).

Согласно предпосланной текстам аннотации сборник является первым изданием на русском языке, включающим конституции 49 государств Европы.

При составлении применен не географический, а политико-правовой критерии отнесения стран к европейскому региону, руководствуясь подходами Совета Европы. Как известно, географические факторы предопределили размещение таких стран, как Азербайджан, Армения, Грузия, Турция, на азиатском континенте, что воплощено в атласах и справочниках. По стандартам Совета Европы все они принадлежат к европейскому региону и по этому основанию приняты в состав данной региональной международной организации.

Вызывает, однако, сомнение включение в трехтомник Конституции Республики Казахстан. Здесь, очевидно, принято во внимание то обстоятельство, что географическая граница между Европой и Азией обозначена по восточному подножию Урала, по реке Эмба до Каспийского моря (Большая Советская Энциклопедия. М., 1972. Т. 9. С. 15), вследствие чего местности в районах Актюбинска, Атырау (Гурьева) и Уральска относятся к Европе. Иначе говоря, соотношение «европейской» и «азиатской» частей Казахстана примерно таково же, как и соотношение «европейской» и «азиатской» частей Турции.

Но нам не известны аргументы и решения, характеризующие политико-правовой статус Республики Казахстан как государства европейского региона. И напрасно, на наш взгляд, Б. А. Страшун в качестве автора предисловия, говоря об изменениях политической карты Европы и называя страны, которые по территориальным критериям «следовало бы отнести к государствам Азии», объединяет в одной группе Армению, Грузию, Азербайджан и Казахстан, утверждая, что «эти государства, как и Турция, большая часть которой находится в Азии, считают себя европейскими и добились права участвовать в Совете Европы» (т. 1, с. V, сноска). Здесь вряд ли уместно словосочетание «добились права». А к Казахстану

оно вообще неприменимо. Самое элементарное знакомство с Советом Европы свидетельствует об отсутствии каких-либо данных об участии Республики Казахстан в деятельности этой организации.

То, что представлено в сборнике как «Конституция Великобритании», включает извлечения из таких новейших законодательных актов, как Акт о Палате лордов 1999 г., Акт о народном представительстве 2000 г. и др. С сожалением констатируем отсутствие в соответствующем разделе одного из важнейших и юридически значимых парламентских актов – Акта о правах человека (Human Rights Act) 1998 г., принятого во исполнение Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и с учетом решений Европейского Суда по правам человека.

Интерес для специалистов представляют основные законы «мини-государств» – такие как Конституция Княжества Андорра от 14 марта 1993 г., Конституция Княжества Лихтенштейн от 5 октября 1921 г., Конституция Княжества Монако от 17 декабря 1912 г., Конституция Республики Сан-Марино – Декларация прав граждан и основных принципов государственного устройства Сан-Марино от 8 июля 1978 г., а также Конституционные акты Государства города Ватикан. Появилась возможность для широкого круга заинтересованных читателей ознакомиться с конституциями Республики Кипр от 16 августа 1960 г., Мальтийской Республики 1964 г., Норвежского Королевства от 17 мая 1814 г. Конституция Норвегии, в которой «из 112 ее параграфов изменения коснулись более 80 параграфов» (т. 2, с. 657), в новой редакции на русском языке в сборнике опубликована впервые (ранее текст Конституции 1814 г. был помещен в сборнике конституций 1957 г.).

Каждой конституции предшествует вводная статья, а сборнику в целом – предисловие, написанное Б. А. Страшуним, и вступительная статья, подготовленная Л. А. Окуньковым. Необходимость таких статей бесспорна. В предисловии к третьему тому кратко изложена история издания различных сбор-

ников конституций, что дает общее представление о развитии конституционного законодательства в Европе. Впрочем, говоря об истории конституций начиная с XVIII в. (т. 1, с. III), целесообразно было бы привести в качестве примера Конституцию Норвегии 1814 г., которая с многочисленными изменениями действует и в настоящее время, тогда как Конституция Нидерландов 1814 г. была временной; вскоре принимается Конституция 1815 г., действовавшая до 1848 г. (т. 2, с. 606).

Во вступительной статье анализируется конституционное развитие европейских государств, связанное с интеграционными процессами в рамках Европейского Союза, показаны основные причины и направленность реформирования многих конституций государств Западной Европы в послевоенный период, отражены процессы конституционного развития в странах Восточной Европы, Балтии, странах СНГ.

Вводные статьи содержат характеристику каждой конституции с присущими ей особенностями. Во многих случаях этому предшествует краткая историческая справка о становлении государства (Ирландия, Испания, Норвегия, Финляндия и др.) и конституционном развитии (Польша, Румыния, Финляндия, Швеция и др.). Оценивая весьма положительно содержание всех материалов, хотелось бы отметить как наиболее удачные очерки о конституциях Австрии, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Великобритании, Венгрии, Германии, Грузии, Испании, Исландии, Казахстана, Кипра, Македонии, Норвегии, Португалии, Румынии, Финляндии, Франции, Швеции, России и др.

В ряде вступительных статей сказано о своеобразии порядка (процедуры) изменения конституций (например, в Бельгии, Болгарии, Греции, Ирландии, Литве, Польше, Румынии, Швейцарии, Югославии и др.), о роли политических партий (Португалия, Швеция), расстановке политических сил, результатах выборов в парламент и составе правительства (Исландия, Дания), затронуты элементы избирательной системы (Ирландия, Швеция), обращено внимание на автономию в Дании, Испании, Италии, Финляндии, интересны размышле-

ния (пояснения) автора о переводе ряда терминов (названий) с учетом того или иного государственного языка применительно к Конституции Швейцарии, отмечен особый порядок формирования федеральных органов и органов отдельных субъектов федерации с учетом лингвистического (языкового) принципа в Бельгии и т. д.

Во вступительных статьях к конституциям Бельгии (т. 1, с. 340), Португалии (т. 2, с. 738–739), Украины (т. 3, с. 309–310), Франции (т. 3, с. 410) отмечается, что в определенные разделы и статьи были внесены изменения и дополнения, перед текстами конституций указываются официальные источники (Бельгия, т. 1, с. 341, Франция, т. 3, с. 419), но не ясно, каким конкретно законом в какую статью и какие внесены поправки. Для уяснения этого вопроса приходится сравнивать тексты статей конституций, что усложняет практическое их использование. То же относится к конституциям, где изменения отмечены определенными знаками (например, звездочками – Греция, Турция), цифровыми или буквенными обозначениями (например, Лихтенштейн, Франция, Люксембург), но не сказано, каким законом какая статья в этих случаях была изменена. В отношении некоторых конституций вопрос о поправках обходится молчанием (это касается, например, конституций Ирландии, Испании, Чехии, Эстонии). Наиболее удачно, на наш взгляд, решен вопрос о поправках в тех конституциях, в которых напротив соответствующих статей в скобках (или в сносках) приводятся законы об их изменении или дополнении (Австрия, Венгрия, Германия, Италия, Норвегия, Швеция).

В ряде вступительных статей ничего не говорится о местных органах (Австрия, Венгрия, ФРГ, Греция, Грузия, Литва, Латвия, Молдова, Нидерланды, Польша, Югославия). Возникает вопрос: или сделано так потому, что в конституции о них нет специального раздела (статей) (например, Югославия), или, возможно, в силу их малозначительности?

Известно, что в последние годы все большее распространение, в том числе закрепление в конституциях, например

в странах Восточной Европы, получает институт референдума, однако он не нашел должного отражения во вступительных статьях (включая практику его проведения).

Высказанные замечания касаются частных моментов и ни в коей мере не снижают несомненных достоинств, присущих сборнику. Его издание своевременно, значимо и полезно. Мы признательны всем создателям этой прекрасно оформленной книги.

Рец. на кн.: Международный уголовный суд: Сб. док. / Сост. Р. М. Валеев, А. Р. Каюмова. – Казань: Центр инновационных технологий, 2004. – 428 с.*

Наши казанские коллеги преподнесли прекрасный подарок юристам, интересующимся проблемами международного уголовного правосудия, и своему родному университету, отмечающему в мае 2004 г. двухсотлетний юбилей. Этот великолепно изданный томик, который приятно держать в руках, содержит комплекс правовых актов, регламентирующих статус, юрисдикцию и процедуру деятельности Международного уголовного суда.

На стыке двух веков и тысячелетий произошли поистине исторические события в сфере межгосударственного сотрудничества, ориентированного на предотвращение и пресечение тягчайших преступлений, которые угрожают всеобщему миру, безопасности и благополучию человечества. Я имею в виду принятие универсальных международных договоров, а также резолюций Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, призванных противодействовать терроризму, заключение Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, создание Международного уголовного суда.

* Российский юридический журнал. 2004. № 1.

Этот Суд, как сказано в его Статуте, вступившем в силу 1 июля 2002 г., «является постоянным органом, уполномоченным осуществлять юрисдикцию в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества, указанные в настоящем Статуте, и дополняет национальные системы уголовного правосудия».

Можно констатировать возрастающее внимание к Международному уголовному суду в связи с тем, что после подписания Российской Федерацией его Статута 13 сентября 2000 г. оживились дискуссии по проблемам значимости для нашего государства этого международного учреждения, целесообразности участия в его работе и, в качестве предварительного условия, ратификации Статута.

Отмеченный интерес был реализован наряду с другими акциями в ходе двух международных научных конференций, состоявшихся 9–10 октября 2003 г. в Санкт-Петербурге и 4–5 февраля 2004 г. в Москве. Вторая конференция ознаменовалась участием в ее заседаниях председателя Международного уголовного суда канадского юриста Филиппа Кирша.

К этой встрече и был выпущен рецензируемый сборник документов. В нем опубликованы следующие правовые акты: Статут Международного уголовного суда, Правила процедуры и доказывания, Элементы преступлений, Соглашение о привилегиях и иммунитетах Международного уголовного суда, Финансовые положения Суда, а также проект Соглашения о взаимоотношениях Международного уголовного суда и Организации Объединенных Наций.

Говоря о ценности сборника, отмечу прежде всего его комплексный характер. Впервые в рамках одного издания опубликованы как учредительный акт Суда – его Статут, так и дополняющие его документы, явившиеся результатом обсуждения соответствующих вопросов на Ассамблее государств-участников Статута. Это дает возможность сопоставить основополагающие нормы учредительного акта и разъясняющие

их положения. Главным образом речь идет о взаимосвязях ст. 6, 7, 8 Статута, определяющих составы преступлений, в отношении которых Суд обладает юрисдикцией, и текста Элементов преступлений. Как сказано в самом Статуте, эти Элементы помогают Суду в толковании и применении указанных статей. Они относятся к трем разновидностям преступных деяний: геноциду, преступлениям против человечности и военным преступлениям. Как известно, еще одно преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, – агрессия – станет предметом его компетенции после разработки и принятия специальным совещанием (конференцией) государств-участников определения агрессии.

Особый интерес для научных работников, преподавателей и практикующих юристов в сфере уголовного судопроизводства представляют Правила процедуры и доказывания, поскольку в этом документе они найдут решения процессуального характера, которые соприкасаются или взаимодействуют с предписаниями Уголовно-процессуального кодекса и других нормативных актов Российской Федерации. Один из важных для нашей практики фрагментов названных Правил – раздел, посвященный потерпевшим и свидетелям, включая вопросы их защиты и возмещения им ущерба.

И еще одна проблема – регламентация правового положения участников процесса в Соглашении о привилегиях и иммунитетах Международного уголовного суда. Здесь не только закреплен особый статус Суда, судей, прокурора, секретаря Суда и его сотрудников, а также представителей государств и межправительственных организаций, но и предусмотрены определенные привилегии, иммунитеты и льготы для адвокатов, свидетелей, экспертов в связи с их судебными функциями и действиями.

Слова признательности, адресуемые составителям за их труд, станут еще более весомыми и практически значимыми, когда Российская Федерация ратифицирует Статут и примет активное участие в деятельности Международного уголовного суда, а наиболее ценные нормы Статута и положения дру-

гих сопутствующих ему документов обретут достойное место в российском нормотворчестве и в правоприменительной практике.

Остается пожелать казанским издателям резко поднять планку тиража (пока 200 экземпляров), имея в виду потребности юридических вузов, научных учреждений, судов, правоохранительных органов, а составителям при переиздании сборника существенно обогатить содержание вступительной статьи, предусмотрев в ней пояснения как минимум по следующим вопросам:

1) взаимодействие Международного уголовного суда с национальным уголовным правосудием, в том числе в контексте трактовки и практической значимости принципа комплементарности (*complementary*);

2) специфические черты юрисдикции Международного уголовного суда и возможности ее совершенствования с учетом прежде всего проблемы международного терроризма;

3) трактовка в Статуте правила *ne bis in idem* в его соотношении с традиционным содержанием этого императивного положения, воплощенным в конституционных предписаниях и в нормах ряда международно-правовых актов (известна и несколько иная формула: *non bis in idem*);

4) сопоставление Статута и такого специфического акта, как Элементы преступлений, имея в виду уникальную методику конкретизации договорных норм.

В рамках вступительной статьи были бы полезны сведения о количестве участвующих в Статуте государств, о процедурах, сопутствовавших его вступлению в силу и выборам судей и председателя Суда. Следовало бы отметить факт подписания Статута от имени Российской Федерации и охарактеризовать перспективы его ратификации.

На мой взгляд, уместны критические замечания относительно качества текста Статута в приложении к книге Н. И. Костенко «Международный уголовный суд», изданной в 2002 г. Имеются в виду ошибки при воспроизведении

в этой более ранней публикации отдельных положений ст. 20 (п. 3), 89, 90, 102. Корректировка необходима, поскольку у читателей может сложиться неверное представление об идентичном источнике, а также возникнуть недоумение по поводу разноречивых формулировок ст. 89 и 90 с одной стороны, и ст. 91 – с другой. «Опечатки» в книге Н. И. Костенко я считаю особенно досадными потому, что текст Статута на русском языке является в соответствии с правилами Организации Объединенных Наций одним из равно аутентичных текстов, т. е. имеет статус международно признанного официального документа.

**Рец. на кн.: Международное публичное право:
Курс лекций / Отв. ред. Г. И. Курдюков. – Казань:
Центр инновационных технологий, 2004. – 269 с.***

На кафедре конституционного и международного права Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина подготовлена и издана в виде курса лекций книга «Международное публичное право».

Авторы на данной стадии не претендовали на создание традиционного учебника. И когда заведующий кафедрой профессор Г. И. Курдюков пишет, что «материал пособия соответствует программе курса» (с. 3), он имеет в виду, очевидно, не совпадение структуры и круга вопросов своего издания с канонами учебной программы и с предписаниями государственного образовательного стандарта, а своего рода фрагментарное соответствие. К тому же лекционный курс и не должен быть всецело подчинен строгим стандартным императивам, в нем допустимы элементы вольности. Как мне показалось, студентам, аспирантам, преподавателям представлены прежде всего результаты совмещения теоретических исследований

* Российский юридический журнал. 2005. № 2.

и педагогических предпочтений сотрудников кафедры. Удачно сказано во введении: авторами «написаны любимые лекции».

И когда мы узнаем, что профессор Л. Х. Мингазов – автор главы о реализации норм международного права и об их эффективности, профессор Р. М. Валеев – о международном контроле, доцент Н. Е. Тюрина – о международном правопорядке, а доцент А. Р. Каюмова – главы о юрисдикции в международном праве, то уже не беспокоимся за качество текста, поскольку именно эти проблемы являются предметом устойчивого научного и методического внимания названных ученых.

В какой-то мере такая приверженность «любимым лекциям» предопределила чрезмерное внимание к их отдельным аспектам и заметные пробелы в других темах.

Можно поспорить по поводу того, насколько оправданна в курсе лекций специальная глава «Контрмеры и санкции как инструмент реализации (имплементации) международной правовой ответственности государств», написанная опытнейшим ученым Г. И. Курдюковым и его молодым учеником П. В. Чиковым. Здесь рассмотрены понятие контрмер и условия их применения, экономические и военные санкции. Увлеченность интересными вопросами, проявившаяся и в объеме (почти столько же страниц, сколько отведено главам об источниках международного права и о международных договорах, вместе взятым), отвлекла от целостной характеристики ответственности в международном праве. Однако для лекционного курса нетрадиционный подход представляется не только оправданным, но и привлекательным.

Специфика такого пособия, как курс лекций, обуславливает самостоятельные решения при выборе тем, их структуры и конкретного материала с ориентацией на совмещение этого пособия с каким-либо официально рекомендованным учебником, имеющим комплексный характер в рамках образовательного стандарта.

Рецензируемая книга основана на современных представлениях о значимости самого международного права и о противоречивых тенденциях реализации его норм.

Многим суждениям присуща деликатная манера изложения, свободная от назидательного тона и чересчур категоричных утверждений. Авторы по ряду сложных проблем международно-правовой теории не навязывают однозначных решений, стимулируя тем самым читателей к собственным размышлениям.

Вместе с тем не кажется уместным в учебном пособии такой метод изложения, при котором некий тезис провозглашается, но не комментируется, не сопровождается смысловой характеристикой.

На с. 20 читаем: «Нормы международного права изменили свой адресат: если раньше они были обращены к государствам, то сейчас – в пользу прав человека». Нормы международного права и сейчас обращены главным образом к государствам, поскольку остаются прежде всего регулятором межгосударственных отношений, что не противопоставляется их ориентации «в пользу прав человека».

Другой фрагмент: «Судебные решения, т. е. прежде всего решения международных судов, приближаются к прецедентному праву» (с. 62). Как должны понимать этот текст студенты?

Положительное восприятие курса лекций по целому ряду параметров побуждает к строгой оценке осуществленного в книге анализа двух особо значимых, на мой взгляд, проблем – предмета регулирования международного права в его соотношении с внутригосударственным правом и современного понимания международной правосубъектности. Авторы верно констатируют различия в подходах, присущие научным концепциям. Но какова их собственная позиция?

О предмете регулирования. Цитирую две фразы введения (с. 3), которые поданы как исходные положения: «Современное международное право – это система норм, регулирующих международные отношения, главным образом, отношения между государствами». «...Международное право постоянно взаимодействует с национально-правовыми (внутригосударственными) системами». Такой недостаточно определенный подход к роли международно-правовых норм в регулирова-

нии внутригосударственных отношений сказался и на формулировках на с. 10, где все же признаются совместный предмет регулирования и согласованная регламентация однородных отношений.

О международной правосубъектности. Вначале (с. 13) признается распространение концепции признания международной правосубъектности индивида, который «подчиняется также международному правопорядку». Но в гл. VI «Субъекты международного права» даны не вполне согласованные положения. Признание лишь узкого круга субъектов объявляется «господствующим в отечественной науке» подходом (с. 103), а взгляды об ином круге субъектов в науке лишь «высказываются». Конечное суждение автора данной главы У. Мамедова: «За индивидом *можно признать* (курсив мой. – Г. И.) статус субъекта международного права с ограниченным объемом правосубъектности» (с. 118). При таком допущении как быть с «господствующим подходом», да и уместен ли в науке подобный эпитет?

Основатель современной казанской школы международного права, выдающийся отечественный ученый-правовед, заслуженный деятель науки РФ, профессор Давид Исаакович Фельдман¹ в беседах со мной не раз высказывал намерение вместе с учениками и коллегами создать оригинальный учебник международного права. Он не успел реализовать этот замысел. Но в историю нашей юриспруденции Д. И. Фельдман вошел как инициатор и руководитель коллектива, создавшего трехтомную «Библиографию международного права» (1976, 1987, 1992 гг.).

У меня нет сомнений в том, что его ученики и коллеги не только продолжают издание «Библиографии», но и осуществят мечту учителя – на базе «Курса лекций» создадут полномасштабный учебник по дисциплине «Международное право».

¹ Страница памяти о нем опубликована в нашем журнале (Рос. юрид. журн. 1994. № 2. С. 159).

**Рец. на кн.: В. Г. Буткевич, В. В. Мицук, О. В. Задорожній.
Міжнародне право. Основи теорії. – Київ:
Либідь, 2002. – 606 с.;**
**Міжнародне право. Основи галузі / За ред.
В. Г. Буткевича. – Київ: Либідь, 2004. – 814 с.***

Наши украинские коллеги опубликовали фундаментальный учебный комплекс международного права в двух томах – «Основы теории» и «Основные отрасли», которые можно обозначить как общую и особенную части курса.

Этот труд представлен как учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям «Международное право» и «Международные отношения». Несомненно его полезность и для студентов, избравших традиционную правовую специальность – юриспруденцию.

Теоретические параметры и преобладающие методы изложения, характерные для общей части, явно ориентированы на достаточно высокий уровень подготовки студентов, но, вместе с тем, очевидна ее значимость для магистрантов, аспирантов и молодых преподавателей. Да и опытным педагогам, всем ученым, посвятившим себя науке международного права, многие разделы первого тома дают возможность поразмышлять над сложными проблемами.

«Основы теории» включают 18 глав. Автором 13 глав является доктор юридических наук, профессор В. Г. Буткевич, автором 4 глав – кандидат юридических наук, доцент В. В. Мыцук. Глава об истории подготовлена совместно В. Г. Буткевичем и А. В. Задорожным, в подготовке одного из параграфов этой главы участвовала Л. Г. Заблоцкая.

Это содержательный, наполненный интересными мыслями научный труд, побуждающий к размышлениям и дискуссионным суждениям.

* Российский юридический журнал. 2006. № 1.

Соавтор: А. М. Тесленко, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА.

Однако, на наш взгляд, вряд ли может удовлетворить определение, сформулированное как итог рассуждений относительно понятия международного права (§ 2 гл. I): «Международное право – это система юридических норм, которые регулируют международные отношения с целью обеспечения мира, прав человека и сотрудничества, это решения и правовые способы их осуществления, принятые полноправными субъектами для реализации общих интересов» (с. 25). Не кажутся безупречными положения о целях норм международного права, о решениях полноправных субъектов, о правовых способах осуществления. Прежде всего возникает вопрос о смысле слова «решения», которое не совмещено с констатацией согласительной природы международного права и специфики обеспечения его действия.

Оригинальный подход проявился в структуре теоретической части учебника. Нетрадиционными можно считать такие главы, как «Международное правосознание» (гл. XI), «Международный правотворческий процесс» (гл. XII), «Международные правоотношения» (гл. XIV), «Международно-правовые санкции» (гл. XVI), «Международная законность и международный правопорядок» (гл. XVIII). Да и главы, посвященные реализации норм международного права и международной юстиции, получили «прописку» лишь в одном-двух российских учебниках.

Пожалуй, самыми богатыми по нормативному и доктринальному содержанию и самыми яркими по стилю изложения являются главы «Субъекты международного права», «Международно-правовая ответственность» (автор – В. Г. Буткевич) и «Международное и внутригосударственное право» (автор – В. В. Мыцык).

Значительный интерес представляет характеристика субъектов международного права. Эта проблема, сопряженная с не вполне адекватными решениями в научной литературе, представлена в учебнике обстоятельными и аргументированными суждениями. Нельзя не отметить тезис на с. 304: «Институт

международной правосубъектности является главным, центральным в системе современного международного права. Его нормы можно приравнять к конституционным нормам внутригосударственного права».

В главе детально рассмотрены различные точки зрения и хорошо разъясняется авторская позиция по спорным аспектам, в том числе по вопросам правового статуса индивидов. Заслуживает внимания следующее суждение: «Для субъекта международного права важна не только способность обладать правами и обязанностями, но и реализовывать свой международно-правовой статус, который, кроме прав и обязанностей, включает также свободы субъекта, его законные интересы... И если по своим свободам либо законным интересам субъекты международного права являются равными или почти равными, то по кругу субъективных прав и юридических обязанностей они различны. Поэтому даже у равных между собой субъектов международного права может быть (чаще всего так оно и есть) разный правовой статус» (с. 303–304).

Глава о соотношении международного и внутригосударственного права насыщена аналитическим обзором разнообразных точек зрения и комплексом аргументированных суждений и выводов автора этого раздела курса. Особенно привлекательны материалы о взаимодействии национального законодательства и судебной практики с международными нормами.

Нетрадиционно написана глава об основных принципах международного права. Мы привыкли к тому, что общая характеристика принципов либо дается в связи с рассмотрением норм международного права, либо представлена весьма лаконичными фразами в начальном параграфе специальной главы, предшествующем более или менее детальному описанию десяти, как правило, принципов, закрепленных в известных международно-правовых актах.

В рецензируемом учебнике в семи параграфах гл. VI дан обстоятельный анализ понятия, функций, природы, содержания, классификации основных принципов, а затем рассмотре-

но соотношение основных принципов системы, принципов отрасли и института, универсальных, региональных и партикулярных принципов.

На с. 394 В. Г. Буткевич справедливо отмечает, что «современные доктрины международного права по-разному относятся к вопросам международного правосознания: от полного игнорирования его как явления, присущего международному праву, до полной идеализации его возможностей в решении проблем современности». Автором творчески исследованы понятие, структура и функции международного правосознания.

В связи с этим весьма интересны мысли о системе науки и о системе учебников (преподавания). По словам автора, «система современного международного права одна, а систем науки международного права имеется столько, сколько государств, которые обеспечивают развитие этой науки». В контексте размышлений профессора Д. И. Фельдмана профессор В. Г. Буткевич констатирует наличие в каждой стране, имеющей одну науку международного права, десятков учебников по международному праву, в каждом из которых, как правило, своя система (с. 159). Верное замечание относительно учебников сопряжено с сомнительным утверждением об «одной науке в каждой стране».

И как своего рода продолжение несомненных достоинств учебного курса мы констатируем явное перенасыщение текста фамилиями и точками зрения. Уже в первом параграфе главы I, посвященном термину «международное право», названы не менее 150 авторов, которым принадлежали в прошлом или принадлежат сегодня какие-либо терминологические обозначения. И это в пределах четырех (11–14) страниц! Но суть даже не в количестве, а в смысловых аспектах. Так, перечисляются 13 человек, которые, как сказано на с. 12, употребляют термин «современное международное право», затем – 14 человек, использующих термин «международное публичное право», и еще 10 человек, предпочитающих словосочетание «международное право», при этом в каждом перечне добавлено

«и другие». Но как известно, один и тот же ученый в различных ситуациях может употреблять разные термины, не связывая себя только каким-то одним. Множество неизвестных имен, в то же время на этих страницах вообще не называются Ф. Ф. Мартенс, Г. Кельзен, Г. Лаутерпахт, С. Б. Крылов, М. Геновски, Р. Л. Бобров, Д. И. Фельдман, Н. А. Ушаков и многие другие выдающиеся ученые. Нас знакомят с авторами терминов «западное и восточное международное право», «испанско-американское международное право» и многих других, которые вряд ли заслуживают внимания. Но особенно огорчает отсутствие каких-либо пояснений, комментариев.

Сам замысел ознакомления студентов и других читателей с именами тех, кто внес определенный вклад в развитие науки международного права, в контексте их причастности к разработке той или иной проблемы, заслуживает положительной оценки. Мы не можем не отметить уважительное отношение авторов учебника, прежде всего большинства разделов его теоретической части, к многочисленным учебникам, учебным курсам, монографиям, к суждениям известных и даже не очень известных ученых. Самые добрые слова могут быть сказаны относительно внимания украинских международников к публикациям российских коллег. Приходится с сожалением признать отсутствие равноценного или хотя бы подобного почтения отечественных ученых к украинским (и не только к украинским) изданиям.

В лаконичном вступлении В. Г. Буткевич констатирует возможность индивидуальных замыслов и подходов, присущих создателям различных изданий. Вместе с тем он критически оценивает попытки некоторых из них выдать собственные мнения за «аксиомы» современного международного права.

В частности, указывается, что «у каждого может быть своя мысль. Некоторые авторы учебников практикуют представления собственного видения отдельных проблем как „аксиом“ современного международного права. К сожалению, достаточно часто такие „аксиомы“ не подтверждаются уже на время выхода учебника в свет.

Чтобы избежать таких ошибок и с целью уважительного отношения к мысли других исследователей международного права, в нашем учебнике, по возможности, представлены различные точки зрения на ту или другую проблему.

Надеемся, это будет побуждать студентов к самостоятельному мышлению, на поиск оптимальных вариантов» (с. 5–6).

Безусловно, представленное многообразие точек зрения – это хорошо. Однако «коэффициент полезного действия» таких ссылок на разнообразные мнения снижается вследствие того, что во многих случаях отсутствуют комментарии, а порой нет ясности в том, какова позиция в дискуссионных ситуациях самих авторов рецензируемого учебника. Ориентация на самостоятельное мышление студентов, на их выбор оптимального варианта не равнозначна «сторонней позиции» учителей. Не навязывание собственных оценок, не предписание «аксиом», но все же деликатные аргументы, стимулирующие размышления и поиски.

Несколько примеров. В небольшом разделе о предмете и объекте международного права (§ 3 гл. I) констатируются различные взгляды, даже помечены изменения в суждениях отдельных ученых. Справедливо сказано, что «...использование терминов не вносит ясность в понимание международного права» (с. 29), но в самом тексте параграфа мы не обнаружили четкой авторской позиции.

В гл. IV «Система международного права» воспроизведены около десяти формулировок современных российских ученых, еще большее число мнений: от Г. Гроция до Ф. Ф. Мартенса, затем подробно изложены суждения В. А. Василенко, однако ощущается явный дефицит собственных оценок.

Сошлемся также на гл. III «Источники международного права», имея в виду только одну проблему, обусловленную формулировками ст. 38 Статута Международного суда ООН. На с. 111 применительно к формальным источникам предложено деление на пять основных категорий или форм: 1) международные договоры; 2) международные обычаи; 3) реше-

ния международных судебных и арбитражных учреждений; 4) доктрина международного права; 5) решения международных органов и организаций. Этому тексту предшествуют слова о «большинстве теоретиков и практиков международного права», а вслед за перечнем сказано: «Такая классификация является своеобразным компромиссом, к которому пришли ученые после острых дискуссий по поводу определения источников международного права». Далее цитируется ст. 38 Статута Международного суда, после чего утверждается, что в международно-правовых доктринах означенные источники международного права признаются с явными оговорками. Ряд ученых настаивают на делении источников на основные (договор и обычай) и вспомогательные (вариант: иные) источники (решения организаций, решения судебных учреждений, доктрины международного права).

Воздержавшись от каких-либо комментариев, автор главы переходит к другим вопросам – об общих принципах права и о статусе национального законодательства.

Как видно, студентам предоставляется возможность самостоятельно определить пригодность предложенной классификации источников и юридический смысл ст. 38 Статута Международного суда, в том числе оценить роль правовых доктрин, отнесение которых к источникам, пусть даже вспомогательным (иным), более чем сомнительно и отвергается почти единодушно.

В § 6 этой же главы, посвященном решениям международных судов и арбитражных трибуналов, в одном случае даны аргументированные суждения; имеется в виду квалификация постановлений Европейского Суда по правам человека (с. 136–137). И это вполне закономерно, поскольку автором главы является судья Европейского Суда от Украины. Можно лишь пожалеть о лаконичности этих суждений.

Во втором томе, посвященном отраслям международного права, применена преимущественно традиционная структура. Если иметь в виду нормативно-содержательные аспекты, то наибольший интерес вызывают главы о праве внешних

сношений, о международном праве защиты прав человека и основных свобод (ряд фрагментов), о международном праве окружающей среды, о международном трудовом праве.

Профессор К. К. Сандровский останется в памяти коллег как один из крупнейших специалистов в сфере исследования дипломатического и консульского права и иных институтов права внешних сношений. Его анализ функций, иммунитетов и привилегий компетентных органов (гл. II) заслуживает самой доброй оценки.

Проблемы международного гуманитарного права представлены в учебнике только в контексте норм, регулирующих отношения, возникающие во время вооруженных конфликтов (гл. VIII). Это распространенная, сохраняющая и сегодня официальное признание концепция. Мы ни в коей мере не отвергаем такой подход, хотя и склоняемся к более комплексной трактовке. Однако методы, примененные в учебном курсе, повлекли за собой ощутимое сокращение характеристики того комплекса норм, который условно принято называть «правом вооруженных конфликтов». А в самом определении международного гуманитарного права отсутствует даже намек на регламентацию прав человека в особых ситуациях; его предмет сведен к регулированию «специфических отношений между субъектами международного права» (с. 311). Вместе с тем оказались отделенными друг от друга рассмотренные нормы и правовые институты гуманитарного характера, имеющие общие качественные параметры и действующие в любых ситуациях.

Вряд ли также бесспорно отнесение к различным главам вопросов правового положения физических и юридических лиц (гл. IV) и вопросов защиты прав человека и основных свобод (гл. V). Некоторые положения, содержащиеся в гл. IV, явно дублируют оценки главы о субъектах международного права в первой части учебника (прежде всего это параграф о правовом положении юридических лиц в международном публичном праве).

Немало интересных суждений можно отметить в гл. V. Пожалуй, наиболее содержательны параграфы о региональных системах защиты прав и о правах национальных меньшинств. Но возникают, как минимум, два замечания: во-первых, характеристика универсальной системы проигрывает в сравнении с характеристикой региональных систем, а во-вторых, повествование о национальных меньшинствах почти вдвое по объему превосходит весь остальной (в шести параграфах) материал о защите прав человека.

С сожалением констатируем малое внимание к принципам и стандартам международной защиты прав человека. И дело не только в количестве написанного (чуть больше одной страницы), но и в качестве оценки международных стандартов, изложенных преимущественно в контексте «мягкого права», путем перечисления рекомендательных актов.

В гл. XVII «Международное уголовное право» справедливо отмечены дискуссионные моменты характеристики этой группы норм как отрасли международного права. К сожалению, не во всех случаях учитывается эволюция приводимых суждений. Так, на с. 679 приводится мнение о международном уголовном праве как складывающейся отрасли международного права без указания времени публикации (Курс международного права. М., 1992. Т. 6.) и без учета последующей модификации оценки.

Отрадно отметить внимание автора главы (В. Г. Буткевич) к источникам международного уголовного права, в том числе (здесь не все бесспорно) к резолюциям международных организаций и органов и к модельным актам.

А вот вопросы правовой помощи по уголовным делам, в том числе нормы о выдаче, о передаче осужденных и т. д., оказались вне поля зрения.

Особых комментариев заслуживает гл. XVI «Международное трудовое право» (автор – В. Г. Буткевич). Отечественные учебники международного права игнорируют эту сферу международно-правового регулирования. Можно сослаться

на одну попытку. В учебнике «Международное право», выпущенном в 1995 г. издательством «Высшая школа», был небольшой параграф о правовом сотрудничестве в области труда и социального обеспечении; четыре года спустя этот текст был воспроизведен в учебнике этого же авторского коллектива (издательство «Норма»), однако в последующих его изданиях теме международно-правового регулирования трудовых отношений не нашлось места; сохраняются лишь фрагменты при характеристике прав и свобод человека.

В рецензируемом учебнике указанная глава содержит весьма компетентную характеристику источников международного трудового права, его стандартов; здесь дана полезная информация о деятельности Международной организации труда и региональных организаций, рассмотрены актуальные вопросы международной защиты трудовых прав. Учебник завершается солидной главой о праве Европейского Союза – о его понятии и структуре, о договорном и институциональном механизме Союза.

Общая оценка украинского монографического учебного курса обусловлена его несомненными теоретическими достоинствами, уважительным отношением авторского коллектива к суждениям предшественников и современников, высокими методическими качествами, доктринальным плюрализмом, отказом от менторского тона, стремлением стимулировать студенческую мыслительную самостоятельность.

Наши замечания и пожелания ориентированы на дальнейшую дискуссию по отдельным проблемам, на большую определенность при изложении взглядов.

Бесспорна признательность российских ученых-международников своим украинским коллегам за предоставленную возможность ознакомиться со столь капитальным и квалифицированным учебным курсом. Особые благодарственные слова они заслужили за поддержание дружеских научных контактов с представителями российской науки международного права.

**НА СМЕРТЬ
ГЕННАДИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА
ИГНАТЕНКО**

Когда уходит ветеран,
Окончив жизненный свой круг,
Все как-то сумрачно и странно
Для нас становится вокруг.

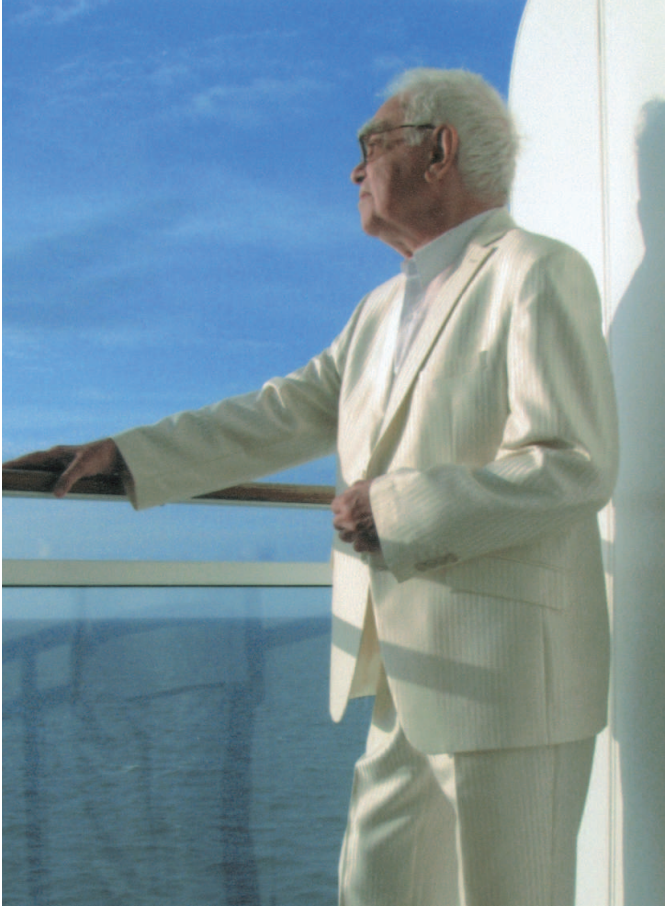
Все так же солнце светит рьяно,
Вокруг мирская суета,
А друг ушел в страну туманов,
Ушел Геннадий навсегда.

Прощай, наш друг, прощай, товарищ!
Ты в нашем сердце каждый час,
А смерть твоя, как сто пожарищ,
Пронзила каждого из нас.

2012 г.

*Л. Я. Драпкин,
заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор УрГЮА*

АРГИРА ВАЛЕРИАНОВНА ИГНАТЕНКО

АВТОБИОГРАФИЯ*

Родилась и выросла в семье служащего в маленьком городке Чусовом, недалеко от Перми. Город сложился на слиянии трех рек и трех железнодорожных веток, вокруг большого металлургического завода. Отец¹ – техник по образованию, очень любил и хорошо знал уральскую природу, был очень начитан, любил музыку, цветы. Росла под его опекой, и воспитывал он меня, как сына: брал в лес, в горы, на рыбалку, по ягоды. Помогала на огороде, в маленьком цветничке на клумбах, в фотоделе (просиживали ночами), приохотил к чтению с 5 лет. Все библиотеки городка были освоены нами от корки до корки. Молчаливый, но очень умелый во всех делах, уважаемый на работе техник-проектант. Но главой семьи была мама² – хозяйка, которую мы оба безмерно любили.

Когда пошла в школу, – а училась я легко – с охотой принялась за общественные дела, дружила с мальчишками... лыжи, коньки, шахматы, школьная физкультура. В табеле школьном – одни пятерки, каждую весну – похвальные грамоты. По скромным возможностям городка занималась музыкой, рисованием, даже балетом, художественной самодеятельностью. И очень много читала, даже «взрослые» книги, не по возрасту.

Но началась война. Мы, все «семиклашки», тоже при деле. Мальчики – в ремесленном училище. Девочки – по 4 летних месяца в колхозе, в 10 км от города, на берегу Чусовой. И воздух свежий, и сытное столовское питание («рабочая» хлебная карточка – по 800 г ежедневно, да как «детям» – а нам по 14–15 еще только – по 0,1 л молока с фермы). Правда, и работа от зари до зари, по взрослым нормам. Ничего, справлялись. Зато всем деревенским работам научилась (руководила нами учительница, сама выросшая в деревне): и на прополке, и на

* Авторский стиль и орфография сохранены.

покосе, и на уборке. Не доверяли нам только серпы да косы – «малы еще». Невелик был трудовень, а все подспорье семье. Да и окрепли, загорели на природе.

А зимой – дежурства и выступления в госпиталях (лучшие школы им были отданы), заготовка дров для семей фронтовиков, а бывало: ночью по цепочке соберемся и на вокзал – помогать разгружать эшелоны с ранеными. Девчонки-то слабосильные: по 4 человека за одни носилки ухватишься, лишь бы не уронить... Субботники-воскресники на территории завода...

Комсомол. Приняли меня как активистку-отличницу тогда досрочно – в 14 лет (а принимали лишь с 15). Тут уж нагрузки посерьезнее...

Семья наша не голодала: выручал огород, «рабочие» карточки родителей, да школьные булочки с чаем... Но питание все-таки было скудным. Открылся туберкулез у отца. Лечили. Но пенициллин доставался тогда еще только фронтовикам. Мне едва 16 исполнилось, как его не стало, хотя имел броню от завода. Пришлось идти искать работу. Одну овдовевшую маму, а семья была очень дружной, оставить не могла. Приняли меня на 0,5 ставки лит. сотрудником в местный радиокомитет, готовить материал к последним районным известиям. Объекты моего внимания: все городские организации и железная дорога. По заводу работал взрослый сотрудник, а мне едва 16 минуло, (туда не допускали – зачеркнуто). Не отпускали с работы с июня 1944 по март 1945 г. (девчонка грамотная, многому научилась у взрослых газетчиков, а заменить некем). Так и жили: мама в 3 смены (текущий график) в лаборатории химзавода (ферросплав для брони делала), да я – утром на работе – сбор материала, днем его обработка, а с 5 (17 ч) («третья смена») – школа – 10-й класс.

Девчата в классе (мальчиков почти не осталось) завидовали – «модница». А меня «во что одели»? Все папины вещи на меня мы с мамой перекрашивали да перешивали. Выручала машинка.

Школу закончила с золотой медалью: это было тогда новацией – одна медаль на весь городской и сельский район. Рва-

лась в Москву. Очень хотелось на филологический факультет МГУ на журналистское отделение. Уже немного вкусила этой работы. Но аттестат мой туда не приняли (был уже перебор), и подружка отнесла мои документы «через дорогу» (через ул. Герцена) на истфак МГУ. Приняли и даже общежитие дали. Никогда позднее я не пожалела о таком персте судьбы. В группе больше всего ребят – фронтовиков-инвалидов (только их тогда, осенью 1945 г., демобилизовали), ребята серьезные, все партийцы, занимались ночами, в науку прямо вгрызались (многие из них потом в науку и пошли). Худенькая маленькая уралка оказалась у них под опекой: жалели, подкармливали даже иногда из своей столовой. Общежитие обживали постепенно: сначала ни кроватей, ни постельных принадлежностей, ни мебели, холодно. Но постепенно огромный четырехэтажный куб с внутренним двором (на р. Яузе, по ул. Стромынка) оброс и своей поликлиникой, и банно-прачечным комбинатом, и столовой, и почтой, и библиотекой, и клубом, и даже недельными яслями. Фронтовики – люди взрослые, учились целыми семьями.

Усилий пришлось приложить немало. Кроме исторических дисциплин преподавали и курс медучилища, и физкультуру. А у ребят еще не служивших – занятия на военной кафедре. 250 человек размещались ступенями в Лен(инской) или Ком. аудитории напротив Манежа.

Увлеклась древней историей – под влиянием проф. Мишулина А. В. (ректора ВПШ), со второго курса перешла на кафедру древней истории (зав. проф. Машкин Н. А., потом Авдиев В. И.), начались древнегреческий язык, серьезные занятия латынью, английским, французским, немецким. Курсовые работы, диплом, поздние засиживания в библиотеках и главных корпусов, и в общежитии.

С девушками жили дружно. В больших комнатах – по 10–12 человек. Зато многому учились друг от друга. И главное – все учились очень старательно.

Красного диплома не получилось, увы (зачеркнуто). Но зато за годы учебы встретила своего будущего мужа. Моло-

дежь – молодежь: от танцев, концертов, театров никто не отказывался. На одном танцевальном вечере и подошел ко мне симпатичный мальчик, представился: «Геннадий». Аккуратно одетый, интеллигентная речь, как оказалось, сверстник из Хабаровска. Прогуляв вечер по длинным коридорам общежития, утром в столовой встретились с будущим юристом Игнатенко уже друзьями. Со временем знакомство с родителями, зарождение чувства, два года выжидания и загс.

Потом у обоих рекомендации в аспирантуру. В марте 1955 г. я на фак(ультетском) совете уже получила степень кандидата исторических наук³. Г(еннадью) В(ладимировичу) предстояло еще завершение работы. Общежитие на Стромынке сменил роскошный корпус на Лен(инских) горах. А мне по семейным обстоятельствам пришлось покинуть Москву (тяжело заболела свекровь⁴ в Хабаровске, бросилась на выручку – мы очень дружили и любили друг друга). Скоро ее не стало, но нельзя было оставить одного осиротевшего свекра⁵, который относился ко мне как к дочери. Пошла работать в Хабаровский пединститут. Здесь на историко-филологическом факультете и началась моя трудовая деятельность.

Начала работать на историко-филологическом факультете. Пришлось читать курс археологии, курс древней истории, курс медиевистики и сразу на обоих отделениях факультета. В штате института оказалась кстати. Ушел из жизни мой предшественник.

Первый год работы. Сразу же «на картошку». Хорошо еще, что сентябрь на Дальнем Востоке обычно погожий. Район довольно далек от города. Но с ребятами интересно. Они изучают меня, москвичку из МГУ, а я – их. Подружились.

Избрали секретарем комитета комсомола. Работы много. Но дома меня делами свекор, сам партийный работник, не обременял. Посещали премьеры спектаклей (театр драмы рядом), новейшие фильмы. Приобретали много книг. Я изо всех сил старалась скрасить ему начавшееся вдовство (с женой они прожили в любви 33 года), а он мне – разлуку с мужем, оставшимся в Москве.

Присвоили доцентство, сначала должность, потом звание. В зимние каникулы летала на новейших самолетах ТУ-104 в Москву, в Ленинскую и Историческую библиотеку, и даже кое-что стала писать, появились небольшие публикации.

Друзья тянули в центр. Муж после защиты кандидатской диссертации в марте 1956 г. приехал работать в ВЮЗИ в Хабаровский факультет. Много командировок по северу и востоку. Вызвали маму с Урала. Рожаем (испр. на «родили») сына. Квартиры, по существу, не было. Жили четвером в 13-метровой комнате. Однако 5 лет работы в Хабаровске дали очень большой опыт. В центр уехать не удается до 1961 г. (зачеркнуто).

Наконец, в 1961 г. переезд в Свердловск. Друзья-юристы осели целой компанией в Свердловском юридическом институте, где и нам обещают квартиру. (В Хабаровске с жильем тоже плохо, строят мало) С 1961 г. Геннадий Владимирович начинает работу в юридическом институте. Я сначала две зимы тружусь в Свердловском пединституте на кафедре истории историко-филологического факультета. Затем в юридическом институте создают кафедру истории государства и права под руководством профессора истории Ливчака Б. Ф. Ректор института⁶, познакомившись с семьей Игнатенко, приглашает меня в свой институт читать курс истории государства и права зарубежных стран. С некоторой опаской, но с удовольствием соглашаюсь: интересно. Квартиры нет, дают лишь комнату в общежитии (на всех четверых, включая 2-летнего сына и маму). Ничего, жить можно. Живем, и живем хорошо. В городе много родни (я уралка все-таки), дружим со многими преподавателями.

У института есть в Полев(ском) районе на чудесном пруду спорт. лагерь. Замечательное место отдыха и студентов, и преподавателей. Профком уделяет много сил и внимания жилью и питанию отдыхающих. Многие и сейчас с удовольствием вспоминают летние месяцы, проведенные там в тесном союзе студентов и преподавателей.

Сын подрастает. Идет в музыкальную школу. Бабушка хозяйничает. Геннадий Владимирович в докторантуре. Защищает

в 1968 г. в ЛГУ на юридическом факультете докторскую диссертацию. После отъезда зав. кафедрой проф. Чиркина В. Е. в Москву возглавляет кафедру иностранного государственного и международного права.

Я научной работой занимаюсь понемногу, не форсирую (все-таки и общественная работа у обоих, и забота о сыне – начинающем музыканте). Но наконец очередь доходит и до меня: докторская диссертация готова, защищена, профессорская должность и звание получены. Работа педагога на 1-м курсе постоянно – самая любимая. Помогаю и новичкам-первокурсникам и аспирантам растущей кафедры. Уже выращены и «поставлены на ноги» несколько аспирантов.

В 2005 г. из бывшего аспиранта, теперь ижевского доцента поднимается доктор наук – моя гордость⁷. Еще две аспирантки-соискательницы⁸. Но годы идут, и силы уже не те. Уходить на пенсию пока нет желания. Работаю в должности профессора-консультанта (нагрузка минимизирована, но я еще «при деле»). Получила к 80-летнему юбилею самую дорогую для меня награду: звание почетного профессора Академии, академическую шапочку, мантию. Все это – для меня считаю заслуженным, потому что работа педагога – самая любимая, ей – все силы. Жизнь к концу. Но все-таки кое-что в жизни я успела. И еще один штрих – за последние годы множество зарубежных морских путешествий, несмотря на сбои в здоровье. Муж и сын здесь – мои единомышленники.

¹ Синицын Валериан Михайлович.

² Синицына Юлия Геннадьевна.

³ Кандидатская диссертация «Изменение социального состава и политической роли римской армии в к. II – нач. I в. до н. э.». Научный руководитель – профессор Утченко С. Л.

⁴ Игнатенко Ирина Гавриловна.

⁵ Игнатенко Владимир Михайлович.

⁶ Остапенко Дмитрий Демьянович, ректор СЮИ с 1953 по 1986 г.

⁷ Евсеенко Тимур Петрович.

⁸ Голдобина Зарина Геннадьевна, Костогрызова Любовь Юрьевна.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ УЧИТЕЛЕ

Очень сложно писать в прошедшем времени о человеке, с которым еще недавно говорили по телефону, обсуждали научные планы, решали насущные проблемы... Уход Аргиры Валериановны до сих пор не укладывается в голове. Точнее, умом понимаешь, а сердце не отпускает тянущая боль и ощущение, что многого не успели... С уходом близкого человека уходит частичка тебя, тебя в восприятии этого человека...

С Аргирой Валериановной я познакомилась сразу по приходу на кафедру, ранней весной 1997 г. Я тогда еще работала старшим лаборантом кафедры истории древнего мира и средних веков УрГУ, и заведующая той кафедрой по непонятным причинам меня предостерегала: «Только не попадите под влияние А. В. Игнатенко!» Однако эта просьба была невыполнима, поскольку перед обаянием Аргиры Валериановны устоять было невозможно. Она тут же взяла меня под свою опеку: спрашивала, как прошли занятия, не обижают ли меня студенты (ну да, между мною и моими студентами разница была невелика – они учились у меня, я училась у них). Я робко отвечала, что все в порядке, но с благодарностью прислушивалась ко всем советам этой великолепной дамы. Да-да, именно такой она была (и осталась) в моем восприятии, без гоголевской иронии – дама, прекрасная во всех отношениях...

Меня поражало в ней все: красивые элегантные наряды, приятный голос, всегда очаровательная улыбка и добрейшие глаза. А ее знания, острый ум, умение поддержать разговор на любую тему и дипломатичность... Когда она входила на кафедру, в аудиторию, в деканат, в зал Ученого совета – атмосфера становилась другой – глядя на нее, всем хотелось улыбнуться и сказать или сделать что-либо приятное. Ее улыбка освещала и заряжала всех позитивной энергией. Это чувствовали как коллеги-преподаватели, так и студенты.

Как-то раз я была свидетелем того, как Аргира Валериановна принимала экзамен. Ставя студенту неудовлетворительную

оценку, она огорчалась больше него: «Ну как же так, Ванечка (Леночка, Сашенька...), ну все же просто, в следующий раз Вы обязательно выучите!» И студент уходил с «двойкой» так, как если бы он получил «пятерку». Сказать, что студенты ее любили, будет неправильно – они ее обожали. В перемены она не могла покинуть аудиторию, так как была окружена студентами. Она очень любила своих учеников. Знала про них все. А уж если студент писал у нее диплом или шел к ней в аспирантуру, она становилась для него второй мамой. Даже больше.

Мы редко говорим с родителями о своих проблемах. Аргире Валериановне же можно было рассказать обо всем. При чем получалось это как-то само собой: ты и не хотел ничем ее беспокоить, но она замечала, что у тебя плохое настроение или усталый вид, и очень тактично спрашивала, что случилось. И ты рассказывал ей все-все, даже не задумываясь. Как она умела слушать! Это весьма редкое качество... Она слушала собеседника очень живо, на ее лице отражались все эмоции, она сопереживала, и в конце концов, говорила самые нужные слова, которых тебе как раз и не хватало... Неважно, кто с ней беседовал: студент, коллега, аспирант или близкий родственник, – она внимательно относилась ко всем, кто ее окружал и беседовал с ней. Как я жалею сейчас, что наши последние беседы были очень краткими: я забежала к ней буквально «на минутку», будучи все время чем-то занята... Если с вами рядом такой замечательный человек – цените каждую минуту общения с ним, это нужно и ему, и вам.

Моя научная работа под руководством Аргире Валериановны началась в 2003 году. Так получилось, что диссертация, написанная мною в аспирантуре УрГУ, так и осталась незащищенной (до сих пор пылится на полке). Я полностью уверилась в своих способностях когда-либо что-либо защитить и даже думала о возможном окончании своей не только научной, но и педагогической карьеры. Если бы не А. В. Игнатенко и Т. М. Баженова. Татьяна Милославовна мне говорила едва ли не с первых дней работы в Академии: «Если ты планируешь работать в юридическом вузе, нужно защищаться

в юридическом совете». Но мне, во-первых, было жаль огромной проделанной работы, во-вторых, я не подозревала, что на научную работу могут повлиять межличностные отношения.

В общем, когда я поняла, что кандидатом исторических наук мне не стать, Аргира Валериановна спросила, а нельзя ли тему моей работы повернуть в юридическое русло или написать диссертацию по новой теме? Первой моей реакцией было: нет, я не смогу, не справлюсь. Но Аргира Валериановна твердо сказала: «Надо. Сможешь. Справишься». Так я стала ее соискательницей, начав работу над темой, имеющей лишь косвенное отношение к предыдущей. Первое, что отличало моего научного руководителя от других, то, что она никогда меня не торопила: «Пиши, как пишется, не спеши, ждешь ребенка – хорошо, все успеем, решила на второго – молодец, как раз и диссертацию дописала!» Это ее умение – «поспешать, не торопясь» – весьма редкое качество. Ей не была присуща суетность, но она никогда никуда не опаздывала, была очень пунктуальной и всю работу выполняла точно в срок.

Писалось под ее руководством легко. Я следовала ее советам: 1) есть минутка – пиши; 2) держи возле кровати бумагу и ручку, чтобы записать идеи, пришедшие внезапно перед сном или после; 3) если работа «не идет» – переключись, нужные слова найдутся в нужный момент. Аргира Валериановна говорила: «Перфекционизм – это хорошо! Но кандидатская диссертация – это лишь доказательство того, что ты можешь заниматься настоящей наукой, поэтому не бойся ошибок. Не боги горшки обжигают!» Согласитесь, что такого рода слова из уст научного руководителя услышишь нечасто. Будучи антиковедом, она постоянно говорила: «Любочка, в истории Византии ты понимаешь больше меня, жаль, что я ничем не могу тебе помочь». На самом деле это далеко не так. Аргира Валериановна – прекрасный методолог, она помогла мне определиться со структурой работы, с ее оформлением, а самое главное – увидела и помогла сформулировать концепцию работы.

Уже почти дописав текст диссертации, я пожаловалась, что не могу увидеть главное – концепцию исследования,

и, может быть, надо все переделывать, так как без концепции текст представляет простой набор фактов. И тут Аргири Валериановна к моему удивлению сказала: «Ну как же у тебя нет концепции? Вот же она!» И четко сформулировала в двух предложениях то, что «крутилось» у меня в голове и никак не укладывалось на бумагу. «Действительно, – подумалось, – как я сама это не увидела?» Вот показатель высочайшего профессионализма моего научного руководителя!

Перед защитой диссертации я очень волновалась. Думала: что говорить, как говорить, как отвечать на вопросы оппонентов, на замечания по автореферату... Аргири Валериановна сразу поинтересовалась моей... одеждой. Признаться, это озадачило меня, так как я собиралась об этом подумать накануне. Но моя «научная мама» обсудила со мной все детали костюма, сказав, что на защите важно все, в том числе и то, как выглядит диссертант. В ее правоте я смогла убедиться за день до своей защиты, когда пришла посмотреть, как защищаются коллеги. Села у входа в зале Ученого совета, рядом присел незнакомый мне преподаватель (о том, что это был профессор В. М. Семенов – член диссертационного совета, я узнала позже). Защита проходила своим чередом, я внимательно слушала коллег, отмечая то, чего следует избегать во время своей защиты – долгая речь, паузы и т. п., и тут мой сосед начал возмущаться, обращаясь ко мне: «Ну что это такое! Ну кто так одевается! Разве может кандидат наук носить столь короткую юбку и столь фривольную блузку! А ее оппонент – вообще в джинсах! И это – преподаватели вуза!» Конечно, я вспомнила Аргиру Валериановну, еще раз отметив ее мудрость. Когда звонила ей вечером, мы вместе посмеялись над этой историей, обсудив уже детали моей прически и несколько моментов в замечаниях оппонентов, которые нужно было рассмотреть во время защиты.

Надо отметить, что Аргири Валериановна, обладавшая безупречным вкусом в одежде, всегда замечала какие-то интересные детали в костюме коллег. «Наташенька, у Вас великолепные бусы!», «Мариночка, у Вас шикарная брошь!», «Танечка,

у тебя очень нарядный шарфик!», «Любочка, у тебя новые серьги?», – ни одна деталь не оставалась без ее внимания. И нам было очень приятно, что новинку отметили и оценили. А как радовалась сама Аргира Валериановна, когда мы искренне восхищались ее великолепными нарядами! Думаю, что фраза А. П. Чехова о том, что в человеке должно быть прекрасно все, была девизом ее жизни.

Благодаря Аргире Валериановне я познакомилась со всей семьей Игнатенко – и с Геннадием Владимировичем, и с Владимиром Геннадьевичем. Если бы во всех семьях царила такая атмосфера – статистика разводов была бы сведена к нулю. Взаимоуважение, такт, корректность, взаимная забота и Любовь – составляющие этой атмосферы. Никогда я не слышала, чтобы кто-то повышал голос, высказывал обиду или сердился. Только доброта и, может быть, иногда – легкая ирония, подчеркивающая уважительное отношение к ближнему. А их гостеприимство! Я не помню, чтобы они отпустили кого-то, не напоив чаем или не покормив обедом. Гость уходил, унося с собой частичку тепла дома Игнатенко. Отчасти поэтому многие, и я в том числе, любили бывать у них в гостях – они щедро делились теплом своего дома, теплом своей души. И сейчас, когда я захожу в их квартиру, кажется, что из кабинета выйдет Геннадий Владимирович («Извините, что я без галстука!»), в гостиной встретит улыбающаяся Аргира Валериановна («Любочка, проходи, устраивайся удобнее, рассказывай...») ...Владимир Геннадьевич, не нарушая традиции, предлагает чай...

Слезы сами падают из глаз... В голове не укладывается, что и Геннадия Владимировича, и Аргире Валериановны с нами уже нет.

Светлая им память! Благодарю Вас за все, Учитель, моя «научная мама»!

*Л. Ю. Костогрызова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры истории государства и права УрГЮА*

ОБ УЧИТЕЛЕ

Антуан де Сент Экзюпери называл Землю Планетой людей. В самом деле, люди – самое важное из всего, что встречается на нашем жизненном пути. И от того, с какими людьми повезет или, наоборот, не повезет встретиться, зависит, какой будет эта самая жизнь. Сейчас мне идет 55-й год. Это ровно столько, сколько было Аргире Валерьяновне, когда она защищала докторскую диссертацию. Впрочем, мы с ней познакомились годом раньше.

Ранняя весна 1981 г. Я первый год после окончания истфака работаю на кафедре международного и государственного права экономико-правового факультета УдГУ. Преподаю студентам ранее неизвестный мне предмет – историю государства и права (как зарубежных стран, так и отечественную). На истфаке ничего подобного мы не изучали, а учить меня работать было некому. Предшественницы – совсем молодые девушки – сами не выходили за пределы учебников и, как ни старались, поделиться опытом не могли.

Проблем хватало, чего нельзя было сказать о свободном времени. Лекции приходилось писать ночами, а тексты нормативных актов для семинаров кланчить на истфаке (в библиотеке УдГУ не было даже хрестоматий по «моим» предметам). И потому меня страшно удивил вызов к нашему тогдашнему декану – Петру Алексеевичу Семченко. В беседе он сообщил мне, что факультет только-только установил прочные связи со Свердловским юридическим институтом, и предложил съездить туда на стажировку, на кафедру истории государства и права, посмотреть, как там работают опытные коллеги, задано «профилактировать» вопрос о будущем научном руководителе.

И вот я в Свердловске – совершенно незнакомом городе. Неизбежные мелкие бытовые неприятности. Неопытность и неинформированность сыграли свою роль. Первый рабочий

день. Первые знакомства с коллегами. Первая новость: меня приглашают на защиту кандидатской диссертации одним из преподавателей кафедры. Защищается А. С. Смыкалин. Вот здесь-то от кого-то из коллег я слышу: «А вот и Аргири Валериановна Игнатенко».

Это фамилия была мне знакома. Еще в Ижевске, работая с фондами библиотеки УдГУ, я обратил внимание на книгу с необычным названием «Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи республики». Меня тогда поразило, что книга издана в Свердловске. Я привык, что книги по античной тематике издают в Москве, Ленинграде, и вдруг... Свердловск. Разумеется, узнав, что передо мною автор этой монографии, я не мог пройти мимо. Так состоялось наше знакомство, которому предстояло длиться три десятилетия и перерасти в тесное сотрудничество и самую искреннюю дружбу. Дружбу мудрого педагога-наставника и начинающего историка, которому еще только предстояло стать юристом.

Правда, тогда Аргири Валериановна ни слова не сказала мне о своих планах на ближайшее время. Напротив, она объяснила, что не является доктором наук и не берет аспирантов. Это страшно огорчило меня, поскольку лучшего научного руководителя я уже тогда не желал. Но что можно было сделать? Тем более что тогдашний заведующий кафедрой истории государства и права СЮИ Борис Авраамович Стародубский прямо сказал мне: «Во-первых, молодой человек, мы вас просто не знаем. Не знаем о вас ничего плохого, но ведь и ничего хорошего тоже... Во-вторых, научный руководитель – это не только официальное лицо. Отношения аспирант – научный руководитель не просто служебные – это личные отношения. Только став друзьями с будущим шефом, вы можете рассчитывать на успех в работе над диссертацией». Оценить мудрость этих слов мне довелось лишь много позже.

Словом, домой в Ижевск я вернулся не в самом радужном настроении: кое-чему, разумеется, научился, кое-какую информацию приобрел, но с научным руководителем проблему не решил.

Впрочем, горевать было особо некогда. В мае того же 1981 г. меня призвали в армию. 15 месяцев офицерской «учебки» в Калужской области. Отправка в августе 1982 г. «на практику» в «свой» Уральский военный округ. Здесь нас – курсантов-стажеров – должны были «разбросать» по войсковым частям. Неожиданное решение окружного начальства – оставить меня в Свердловске при Штабе УрВО для проведения занятий в учебном взводе кодировщиков как имеющего педагогическое образование. Но главный «сюрприз» ожидал меня там, где его не ждал. Мне некуда было ходить в увольнения, и однажды я заглянул на уже знакомую мне кафедру, располагавшуюся тогда на Комсомольской, 23. Здесь-то девочки-лаборантки и сообщили мне о предстоящей защите Аргирой Валериановной докторской диссертации.

Трудно передать, как я ждал нового увольнения в город, страстно желая увидеться с будущей «шефиной». Я был уверен, что теперь с ней можно будет предметно говорить о сотрудничестве. И не ошибся. Аргира Валериановна пообещала мне его после своей защиты 26 ноября. Как и большинство людей, решающих жизненно важный вопрос, она тогда была немножко суеверна, оговорив согласие условием: «Конечно, если моя защита пройдет хорошо...» Но сказано это было таким тоном, что я ушел от нее абсолютно убежденным, что вопрос о научном руководителе передо мной более не стоит. Как мне показалось, на ее согласие в тот момент повлияла моя военная форма. Ведь как мать она тогда тоже переживала непростой жизненный этап. Их с Геннадием Владимировичем сын – Владимир Геннадьевич – в это самое время тоже служил в армии, и Аргире Валериановне было легко понять мое тогдашнее состояние и тогдашние проблемы.

Потом были демобилизация, возвращение на прежнее место работы, заботы, связанные с подготовкой к поступлению в аспирантуру. Все это время мы с Аргирой Валериановной активно переписывались. Я держал ее в курсе своих проблем, спрашивал советов. Иногда она не могла ответить на мои во-

просы, честно признаваясь, что, «увы, пока является молодым доктором», а значит, не вполне компетентна в организационных проблемах. Иногда уже тогда давала мудрые советы. Например, когда выяснилось, что «бюрократическая карусель» с выделением места в аспирантуре для меня затягивается, она посоветовала не нервничать, а для начала прикрепиться к кафедре в качестве соискателя и спокойно сдавать кандидатский минимум, пояснив, что когда место выделят, можно будет не тратить время на сдачу вступительных экзаменов в аспирантуру. Сданные кандидатские экзамены вполне могут быть зачтены вместо них. А высвободившееся время можно будет с толком использовать для работы над диссертацией.

Наконец, осенью 1985 г. наступил долгожданный день, когда я узнал о выделении мне места в аспирантуре СЮИ. Началась новая жизнь, о которой в то время я имел самые смутные представления.

Как полагалось, я представил реферат по тематике будущей научной работы. Что-то связанное с организацией управления Римской империи во времена Августа. Выбор темы был случайным, сегодня я даже не помню, что именно заставило меня тогда остановиться именно на этой теме. Но Аргира Валериановна отнеслась к ней серьезно. И когда я предложил, чтобы моя тема в какой-то степени продолжила ее собственную, она, согласившись, посоветовала мне обратиться и к проблематике реферата. Охотно выслушав мои предложения, тактично обратила внимание на нереалистичность некоторых из них. Напомнила, что с кандидатской диссертации только начинается настоящий ученый и не следует пытаться «перевернуть мир», когда этого никто не требует. Интересной, сказала она, может стать любая тема. Тем более что ее формулировку можно уточнить и позднее. Первоначально следует оговорить круг проблем, которыми придется заниматься в ходе работы над кандидатской диссертацией.

Меня сразу подкупила эта деликатность «шефины». Никакого навязывания темы исследований. Напротив, стремление

к тому, чтобы ученик сам определился с интересующими его вопросами. «Шеф» же лишь помогает сделать осознанный выбор, не более того. За этой деликатностью скрывалась огромная эрудиция ученого, не стремившегося подавлять того, кого она сразу же стала называть «коллегой». Тем самым она как бы уравнивала нас в исследовательском статусе, призывала не стесняться высказывать свое мнение и отстаивать его, если я буду полностью уверен в своей правоте. Не пугаться авторитета докторской степени учителя.

Этим Аргира Валерияновна не ограничилась. Она сразу предложила мне не только работать с ней в институте, но и приходить к ней домой. Познакомила меня с членами своей семьи. Мне первоначально это казалось страшно неудобным, но, как я теперь понимаю, это было сделано с одной целью – сломать барьер смущения и скованности, облегчить «погружение» в проблемы исследований. В результате я даже не заметил, как мы составили первые «наметки» плана работы над диссертацией. Это получилось как бы само собой.

Дальше началась конкретная работа. Она сводилась к начитке, начитке и еще раз начитке материалов по оговоренному с «шефиной» кругу проблем. Сам по себе этот процесс достаточно длительный. И Аргира Валерияновна сразу предложила не стесняться, обращаться к ней, если возникнут вопросы по прочитанному материалу. Чаще всего о встрече просил я. Мне практически никогда не отказывали. На журнальном столике раскладывались мои записи, ставились чашки с чаем и начиналось самое интересное – беседа с «шефом». Мы обсуждали возникшие вопросы, иногда спорили по ним. Аргира Валерияновна могла оспорить то или иное мое утверждение, но при этом всегда стремилась обосновать свое мнение фактами. Ни разу она, даже косвенно, не показала мне, что я чего-либо не знаю или не вполне правильно понимаю. Напротив, стремилась поддержать мою веру в себя, напоминая: «Тимур Петрович, по этой теме Вы сегодня знаете много больше меня, так как именно Вы глубоко исследуете ее». Более того,

если первоначально она высказала обещание поделиться со мной своими мыслями, то когда однажды я напомнил ей об этом, она ответила: «В этом нет необходимости. У Вас в работе собственных мыслей более чем достаточно». При этом она деликатно умолчала, что эти «умные мысли» отнюдь не с неба свалились, а возникли в результате накопления информации и особенно бесед с «шефом».

Наивный. Я тогда воспринимал такое отношение как естественное и лишь много позднее, обмениваясь впечатлениями с друзьями и коллегами, понял, как мне фантастически повезло с «шефиной».

Это было действительно везение. Аргири Валериановна являла собой пример не просто щедрого руководителя – щедрого на дружеский совет и на помощь. Ее отличала высочайшая личная порядочность, которая далеко не всегда встречается в отношениях научных руководителей с учениками-аспирантами. Она никогда не пыталась использовать аспирантов в качестве некой дополнительной рабочей силы, для решения личных проблем, как это, увы, практикуется в некоторых столичных вузах. Очень деликатно относилась к их личному времени. Если считала, что необходима срочная встреча, всегда осведомлялась, не создаст ли это каких-либо затруднений, нарушающих жизненные планы аспиранта.

Ей никогда не приходила в голову идея использовать учеников в качестве «рабочих лошадок» для сбора материалов для ее собственных научных исследований. Даже позднее, когда я уже работал над докторской, она с трудом дала согласие на соавторство в двух публикациях, ставя во главу угла интерес самого ученика (в данном случае меня). Без этого ученика, не имевшего еще докторской степени, просто не брали в «профессорские» сборники. Но даже в этой ситуации Аргири Валериановна не просто поставила свое имя перед заголовком, но внесла существенные дополнения в мои статьи, став, таким образом, подлинным их соавтором.

Порядочность ее проявлялась неоднократно. Так, помню, однажды Аргири Валериановна приболела, попросив меня

подменить ее на занятиях. Дело обычное. Коллеги всегда выручают в таких случаях друг друга, и тем более естественно это для ученика, обязанного помочь учителю. Тем паче что подмена-то была не столь и долгой. Но я никогда не забуду, как Аргиры Валериановна спешила сообщить о факте замены руководству, настаивая, чтобы мне обязательно оплатили проведенные часы. Сколько сил пришлось потратить на то, чтобы объяснить ей, что мне и так положено провести 240 часов занятий (в рамках аспирантской подготовки) и я, благодаря ей, просто получаю возможность выполнить этот обязательный норматив без лишней нервозности.

А о большом и добром сердце Аргиры Валериановны можно рассказывать очень долго. Ее отличала какая-то удивительная заботливость об окружающих людях, стремление помочь им в трудных ситуациях. Помню нашу с ней встречу после какого-то институтского мероприятия (суть самого мероприятия уже забылась). Она была страшно взволнована и на мой вопрос: «Что случилось?» ответила: «Сегодня N (не хочу называть фамилию этого человека) допустил не вполне справедливую критику по адресу Б. А. Стародубского. Да еще в такой нетактичной форме. Ведь Борис Авраамович только выглядит сильным и уверенным в себе, а на самом деле он очень ранимый человек. Ему сейчас очень плохо, а я не могу ему помочь». Обиду заведующего кафедрой она восприняла как свою личную беду, пытаясь найти способ ему помочь.

О другом случае, раскрывавшем эту сторону души Аргиры Валериановны, мне рассказал один из моих друзей. Общаясь с моим коллегой, Женей Шакотько, принимавшим как-то экзамены вместе с «шефиной», он был потрясен запиской, которую Женя гордо ему продемонстрировал. В записке, если я не ошибаюсь, были такие слова: «Сынок, что же ты так легко сегодня оделся? Разве не заметил, какой мороз на улице?» Друг с завистью сказал мне: «Хотел бы я, чтобы мой шеф заметил хотя бы одну из моих жизненных проблем! Я о таком даже подумать не могу, это просто ненаучная фантастика».

Были случаи и более серьезные. Так, однажды нас, аспирантов, вызвали для дежурства на избирательном участке во время какой-то очередной избирательной кампании. Должен сказать, что мы в то время были весьма дисциплинированными людьми, добросовестно выполнявшими данное нам «общественное поручение». В качестве агитаторов обходили всех жителей своего участка, собирая требуемую от нас информацию. Но в тот раз вызов был абсолютно бессмысленным. Реальной работы не было и не предвиделось, но кто-то из членов участковой избирательной комиссии высказал предположение, что в последние выходные перед выборами избирательный участок могут посетить проверяющие из райкома партии, а значит мы обязаны сидеть безвылазно здесь, даже если конкретной работы у нас не будет.

Поскольку это был последний год моей аспирантуры, я спешил завершить работу над диссертацией и воспринял такой вызов крайне болезненно. Я заявил собравшей нас дежурной, что «не собираюсь бессмысленно высидивать рабочие часы», высказал все, что думал «о демагогах и карьеристах в партии», и, хлопнув дверью, ушел в общежитие. Дежурная поспешила донести мои слова до руководства института, посчитав их «идеологически вредными».

Хотя на дворе уже стоял 1988 г., но последствия тем не менее могли для меня быть очень серьезными, если бы не вмешательство «шефины». Она, узнав «о тучах, собиравшихся по мою голову», поспешила немедленно вмешаться. Персональные переговоры с членами институтского партбюро дали свой результат. Дело было «спущено на тормозах», и я смог спокойно довершить работу над своей диссертацией.

Вмешательство в это дело Аргиры Валериановны не являлось случайным. Позднее я понял, что «шефиня» всегда живо интересовалась нашими проблемами, зачастую воспринимая их как свои собственные. Даже была готова сама обратиться к руководству, если у аспирантов возникали проблемы в общежитии или дома. Ее сочувствие никогда не было формальным,

внешним, как и ее желание помочь. Это мне тоже довелось испытать на себе. Так уж вышло, что у меня «не сложились» отношения с тогдашней заведующей отделом аспирантуры СЮИ Г. Г. Селезневой. Это обстоятельство здорово мешало нормальному течению моей работы над диссертацией. Галина Георгиевна в то время была для аспирантов грозным «начальником», а мне не повезло несколько раз подряд оказаться в больнице, что естественно поставило вопрос о сроках выполнения плана аспирантской подготовки. И Аргири Валериановна взяла на себя деликатную миссию быть «барьером» между мной и Селезневой. Несмотря на занятость, она находила время лишний раз зайти к Галине Георгиевне по «аспирантским делам». Заверяла ее, что я по своему характеру обязательно «уложусь» в трехлетний срок. Уточняла различные «оргвопросы», избавляя меня от «лишних походов» в отдел аспирантуры, а значит и от лишних конфликтов и тому подобных неприятностей. А ведь доктор наук, профессор вовсе не обязана была это делать.

Позднее, уже находясь в докторантуре, я однажды назвал Аргири Валериановну своей «научной мамой». Готов повторить эти слова и сегодня. Ибо моя «шефиня» действительно стала мне добрым другом. Уже к «взрослому» 45-летнему докторанту она продолжала относиться столь же тепло, как когда-то к молодому аспиранту, ничего не знавшему и мало что понимавшему в читаемых им предметах. Охотно делилась литературой. Подобно корректору, «правила» текст докторской диссертации от досадных опечаток, убирая, как она говорила, «вошки». Советовала изменить некоторые формулировки в тексте. Искренне огорчалась моим неудачам. Так, во время поездки в Москву мне не удалось встретиться с Ниной Александровной Крашенинниковой (не хватило времени), а в Петербурге сорвалась встреча с Дженеврой Игоревной Луковской (та была в командировке). Аргири Валериановна не просто посочувствовала мне. Она знала, что я хочу просить Дженевру Игоревну стать одним из моих оппонентов

на защите докторской диссертации, и поспешила на помощь. «Не волнуйтесь, Тимур Петрович, – сказала она тогда. – Я сама обращусь к Дженевре Игоревне. Надеюсь, мне она не откажет». Так оно и произошло.

Даже позднее, когда Аргира Валериановна по состоянию своего здоровья уже не могла вести занятия в полную силу, она живо интересовалась тем, как мне работается. Искренне огорчалась тому, что по семейным обстоятельствам я не смог остаться на кафедре истории государства и права УрГЮА и вынужден был возвратиться в Ижевск.

Сегодня мне трудно представить, что моей доброй «шеф-фини» больше нет. Кажется, что стоит только набрать такой знакомый номер телефона, и она ответит своим обычным: «Здравствуйте, Тимур Петрович. Рада вас слышать». Понятно, что бессмертных людей не бывает, но вопреки всему разум отказывается верить тому, что видел в прощальном зале крематория.

Тогда на прощании я мог сказать только то же самое, что скажу и теперь: «Аргира Валериановна все равно остается с теми, кто знал и любил ее. И пока мы, те кто знал и любил ее живы – будет жить и она. Будет жить в нашей памяти. Вместе с нами».

*Т. П. Евсеенко,
доктор юридических наук, профессор
Института права, социального управления и безопасности
Удмуртского государственного университета*

СТАТЬИ А. В. ИГНАТЕНКО

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО В ДРЕВНЕМ РИМЕ*

Относительно Римской *civitas* широко распространено мнение как о типичном античном полисе со всеми его атрибутами (структурообразующими элементами), которые особенно четко выделены в работах С. Л. Утченко¹. Их составляли специфическая материальная база (*ager publicus*), институт гражданства с присущими ему характерными формами самоуправления гражданского коллектива, наконец, ограниченные, небольшие размеры территории и ограниченная численность населения. Сходным с греческим был и способ сплочения общин – путем синойкизма.

Тем не менее на берегах Тибра синойкизм охватил разноплеменные контингента (поселки латинов, сабинов, этрусков), которые первоначально были слабоорганизованными маленькими территориальными либо гентильными общинами и лишь после сплочения стали приобретать некую организованность и стабильность. Объединение произошло вокруг римской общины, расположенной на нескольких холмах в устье Тибра. По мере присоединения к римской, по-видимому, пастушеско-земледельческой, общине этрусских, сабинских и других поселений складывалась определенная общность, получившая в литературе название Септимонтия.

Каким же образом оформлялось территориально-политическое устройство зарождающегося Римского государства?

Сравнительно большая плотность населения средней Италии уже в VIII–VII вв. до н. э. обусловила замкнутость римской общины, а вместе с тем и ограниченность ее «естественной лаборатории» – земельного фонда. Однако экстенсивное, малопродуктивное земледелие – главная отрасль хозяйства

* Российский юридический журнал. 2004. № 4.

римлян – могло обеспечить существование на этих землях лишь небольшого коллектива. При отсутствии свободных, пустиющихся земель выход заключался в основании Римом колоний на землях, захваченных у соседей.

Со временем агрессивная внешняя политика, приобретая откровенно классовый, рабовладельческий характер, вылилась в систематические войны Рима с окружающими племенами и народами. Еще при Ромуле начались захватнические войны. Первыми жертвами римской агрессии пали Ценина, Фиденя, Крустумерий, Антемна. И если ценинцы при переселении в Рим еще получили права, одинаковые с правами членов римской общины, т. е. вошли в римскую *civitas*, то жители остальных территорий, насильственно перемещенные со своих земель, никаких прав не получили².

Первые столетия существования республики тоже характеризовались непрекращавшимися войнами. В течение первой половины V в. до н. э. после разрыва экономических и политических отношений с Этрурией Рим вел борьбу с соседними воинственными племенами и этрусскими городами³. С середины этого же столетия началось наступление на вольсков, эквов и герников, этрусков и латинов. В IV–III вв. до н. э. шли войны с самнитами, а затем с луканами и бруттиями, с греческими городами Тарентом и Регием в Южной Италии и др. Итогом перечисленных кампаний были огромные территориальные приобретения. В 265 г. до н. э. взятием этрусского города Вольсиний завершилось подчинение Риму всей Италии.

Как складывались политико-территориальные отношения Рима с завоеванными землями?

У Рима-полиса с его прямым полисным народовластием не было ни опыта управления завоеванными территориями, ни соответствующего аппарата. В «царский» период население завоеванных районов переселяли в Рим и либо принимали в состав граждан, либо превращали в неполноправных плебеев, земли же (полностью или частично) поступали в фонд *ager publicus*. Рим послесервианский был уже достаточно слож-

ным политическим организмом, но и тогда римляне с присущим им консерватизмом «втискивали» в прокрустово ложе полиса увеличивавшуюся территорию и возраставшее гражданское население. Поскольку наиболее распространенным способом эксплуатации захваченных земель было устройство на них колоний римских граждан, то трибунная организация, разрастаясь, как бы впитывала в себя завоеванные земли с их римским населением. Например, на бывшей территории этрусского города Вейи, а затем и на землях соседнего племени вольсков были учреждены четыре новые сельские трибы, составленные из колоний⁴.

Характерно, что в отличие от греческого мира, эти колонии не превращались в независимые полисы, отрываясь от метрополии, а как бы включались в римские трибы, составляя своеобразную территориальную «дисперсию», создающую *ager Romanus*.

По назначению колонии можно подразделить на две группы. Самую большую группу представляли собой гарнизоны из наделенных земель солдат, которые должны были способствовать закреплению успехов римского оружия и дальнейшим завоеваниям. Другие колонии носили чисто земледельческий характер. Они создавались ради скорейшего освоения захваченных у противника плодородных земель⁵. Лишь за 334–287 гг. до н. э. было организовано 18 подобных поселений.

Свободные жители колоний по римскому праву де-юре считались собственно гражданами Рима. По приезду в Рим они могли пользоваться почти всеми присущими римскому гражданину правами-привилегиями: *jus suffragii* (правом участвовать в комициях и подавать голос вместе со своей трибой); *jus honorum* (правом выставлять свою кандидатуру на выборную должность); *jus militiae* (правом служить в легионах). До 367 г. до н. э. ограничено было только *jus occupations agri publici*, поскольку такое считалось уже исчерпанным при наделении поселенца участком земли в колонии (на праве квиритской собственности) в результате работы комиссии

agris dandis assignandisque (по раздаче и назначению земли). В сфере же частного права эти колонисты обладали всеми компонентами статуса римского гражданства. А потому первоначально колонии, будучи частью города Рима, входя в его сельские трибы, собственного самоуправления не имели. Ценз в них устанавливался римскими цензорами со всеми вытекающими отсюда последствиями.

За счет рассеянных по всей Италии «частиц» территории Рима-полиса разрасталось количество триб. Вместе с тем полисно-территориальное единство Рима формально сохранялось. И хотя его искусственность была очевидна, привилегии римского гражданина, сам статус римского гражданства значили столь много, что жители колоний дорожили своим правовым положением и до определенного времени не стремились к обретению независимости. Лишь в конце IV в. до н. э. в колониях появляются собственная администрация и органы самоуправления: выборные магистраты, общинный совет (сенат) и т. д. Первым подобное самоуправление получил Анций в 317 г. до н. э., а затем оно распространилось и на другие колонии. Естественно, трибунная организация не могла разрастаться безгранично. «Старый союз остался привилегированной группой 35 триб; к их числу уже не прибавляли новых; группы вновь приписанных в гражданство заносились в старые трибы»⁶.

Менее привилегированными были особые колонии латинского права (*coloniae Latinae*), которые создавались в пределах того же *ager Romanus*. Положение их жителей сходно со статусом граждан латинских общин (*civitates sine suffragio*): они были уравниены с римскими гражданами в сфере частного права, но политические права получали лишь при переезде на постоянное жительство в Рим и внесении в трибунные списки. Правда, в дальнейшем данная привилегия была ограничена рядом условий (впервые для Аримина, основанного как латинская колония в 268 г. до н. э.). В III в. латинских колоний было около 30: Сутрий, Непет, Адрия, Беневент, Венузия, Луцерия, Брундизий, Цирцеи и др.

В течение V–III вв. до н. э. римской экспансии подверглась значительная часть территории полуострова. Помимо колоний к 265 г. до н. э. Рим установил свое господство над целым конгломератом итало-греческих полисов, племен, общин. Организация этого конгломерата была очень сложной. Большая часть земель, фактически подчиненных Риму, формально не включалась в *ager Romanus*.

Как уже говорилось, наиболее привилегированными в политическом отношении были колонии римских граждан. Как части собственно римской территории они приписывались к римским трибам. Жившие в них колонисты, будучи римскими гражданами, не претерпевали никакого ущемления в правах, проходили ценз и, подвергаясь набору на общих с остальными гражданами основаниях, служили в легионах либо несли гарнизонную службу по месту жительства.

Сходное положение занимали общины с пожалованными правами римского гражданства⁷. В первую очередь к ним можно отнести общины, лишённые самоуправления и получившие полное римское гражданство. Это *conciliabula* и *fora civium Romanorum*, небольшие местечки, населённые римскими гражданами, а также инкорпорированные в *ager Romanus* латинские и италийские общины – *municipia, quae separatim rem publicam non habent*. Жители их тоже причислялись к одной из римских триб, заносились в трибунные списки, имели все права, вытекающие из статуса гражданства, и несли службу в легионах.

Как правило, свои отношения с большинством общин Италии Рим оформлял сепаратными договорами, характер которых обуславливался поведением той или иной общины в период Латинской войны и в процессе завоевания Италии. Не стараясь проанализировать отношения Рима с каждым из политических организмов, попытаемся вычленил те из них, которые сами, являясь типичными полисами, вошли в полисную политическую структуру Рима.

Самой привилегированной категорией среди союзников были так называемые муниципии (от «*munus*» – «обязанности», поскольку жители муниципиев несли все обязанности римских граждан) – итальянские общины, пользовавшиеся самоуправлением и обладавшие полностью или частично римским гражданством. Подобный статус имели некоторые древние города Лациума, Этрурии, греческие полисы Южной Италии⁸, римские приморские колонии, получившие самоуправление. Вместе с тем положение муниципиев и их граждан не было единообразным.

Муниципии римских граждан (*municipia civium Romanorum*) или муниципии федеративные (города Тускул, Габии, Ариция, Ланувий, общины северного Лациума, общины на севере Италии, южноиталийские греческие приморские полисы) исторически возникли из самостоятельных полисов и потому пользовались и местным самоуправлением, организованным по типу государственных органов Рима (с собственными комициями, сенатом, магистратами, автономным судопроизводством, со своим правом – *municipia, quae separatim rem publicam habent*), и всеми правами римского гражданства⁹. Их положение в союзе признавалось наиболее почетным, но и они поставляли Риму войска. Были ли это вспомогательные контингенты или какие-то иные формирования (например, корабли с матросами), определялось конкретной ситуацией. После переезда в Рим их граждане несли службу в легионах на общих основаниях¹⁰. По всей видимости, в подобных случаях они заносились и в трибутные списки. Необычность их положения состояла как бы в двойной принадлежности: одновременно и к своему полису (и всей его полисной структуре), и к Римской *civitas*.

Особое место среди муниципиев занимали общины, сохранившие несколько ограниченное самоуправление (*separatim rem publicam habent*) и в дополнение получившие неполное римское гражданство – *civitates sine suffragio*. Указанный статус имели латинские, аврунские, этрусские города, а позднее –

10 городов Кампании. Как правило, их граждане к римским трибам не причислялись, а во время ценза заносились в особые «цереатские таблицы» (первыми такой статус получили жители города Цере) и приравнивались к эрариям – римским гражданам из низших слоев общества, несших лишь денежную повинность (особые списки таких налогоплательщиков (*tabulae Caeritum*) составлял римский цензор).

Наконец, еще одна группа общин называлась муниципиями-эрариями¹¹, или муниципиями цереатского права. В отличие от муниципиев первых двух категорий это были общины, не только имевшие ограниченное гражданство (*sine suffragio*), но и инкорпорированные в *ager Romanus* и управляемые из Рима (*separatim rem publicam non habent*). Иногда их именовали префектурами на том основании, что судопроизводство там осуществляли *praefecti jure dicendo*, уполномоченные римским претором¹². Такой статус Марквардт именуется «пассивным гражданством» («*Passivburgerrecht*»), поскольку граждане-эрарии не принимали участия в комициях, не имели ни *jus suffragii*, ни тем более *jus honorum*. Статус *civitas sine suffragio* муниципиев-эрариев был, по сути, уничтожением всякой самостоятельности, так что и муниципиями они могут быть названы весьма условно. Их граждане тоже включались не в трибунные списки, а в специальные таблицы, и политических прав в Риме не имели. Не служили они и в легионах, уплачивая в римскую казну налог, исчисляемый подушно, а не на основании ценза. Лишь иногда по требованию консулов они формировали особые отряды.

С рядом общин, расположенных главным образом в Лациуме, Рим заключал договоры, равные *foedera aequa*. Сохраняя в латинских общинах самоуправление, эти договоры представляли латинам неполное римское гражданство. Общины становились *civitates sine suffragio*. Данный статус выражал сущность так называемого латинского права, развившегося из отношений Рима с городами Лациума. В силу исторически сложившихся экономических и политических связей ла-

тины обладали некоторыми общими с римлянами правами в частноправовой сфере, но не имели принадлежавших римским гражданам политических прав. Поэтому у членов Латинской федерации, оформившейся еще в IV в. до н. э., было особое положение – статус латинского гражданства, который позднее римляне стали давать многим колониям и нелатинским общинам. Общины латинского права, как и другие союзники, не могли проводить внешнюю политику независимо от Рима, но они являлись привилегированной категорией союзников – сохраняли самостоятельность во внутренних делах, не управлялись из Рима, имели право чеканить монету¹³. Их граждане (*socii nominis Latini*) в области частного права во многом были уравнены с римлянами.

Положение латинов характеризовалось также тем, что при переезде в Рим они могли пройти там ценз и получить полные права римского гражданства. Соответственно в этом случае они входили в списки жителей римских триб, а их территория – в *ager Romanus*. Со временем многие латинские города получили право римского гражданства и, как считает Марквардт, по-видимому, со II в. до н. э. собственно Лациум имел уже полное римское гражданство¹⁴.

Среди федератов Рима имелись и совершенно бесправные полисы, поскольку Рим навязывал договоры своим союзникам чаще всего в принудительном порядке. И отношения его с союзниками далеко не всегда были дружественными и даже мирными. Источники упоминают о многочисленных «отпадениях» союзников от Рима, против Рима нередко выступали даже колонии римского права, являвшиеся частью полисно-унитарного строя Римской *civitas*. Как известно, противоречия между римлянами и союзниками нарастали и в конце 90-х гг. до н. э. вылились в Союзническую войну, как принято называть общеталийское восстание союзников против Рима. Флор писал: «Пусть эту войну называют союзнической войной (*bellum sociale*), чтобы сделать ее менее одиозной. Но если говорить по правде, то это была настоящая граждан-

ская война (*bellum civile*)»¹⁵. В результате создавшегося поистине кризисного положения Рим пошел на уступки: в конце 90-х – 89 г. до н. э. были проведены законы – *lex Julia u lex Plautia-Papiria*¹⁶, на основании которых союзники получили права римских граждан. И хотя полного уравнивания в правах не произошло, поскольку новые граждане приписывались лишь к последним десяти трибам из 35, до которых голосование в комициях часто просто не доходило, в Италии исчез сам статус федератов. Все *civitates foederatae* превратились в самоуправляющиеся муниципии, граждане которых отныне обладали статусом римского гражданства, становясь членами распространявшегося почти на всю Италию Римского полиса.

Что же представляла собой эта новая политико-территориальная структура?

Сам Рим был еще полисом с примитивным унитарным государственным устройством, что первоначально обуславливалось небольшими размерами коллектива граждан и замкнутой, ограниченной территорией.

Полисами были и многие его союзники. В ходе римских завоеваний Италия за исключением отдельных общин (*civitates dedititiae*) де-юре не была подчинена Риму. Подавляющее большинство италийских общин и греческих полисов не утратили ни экономической автаркии, ни политической автономии. Однако принудительно включенные в число римских союзников италики, этруски, греки и другие народы Италии фактически оказались подвластны Риму, зависимы от его военного потенциала.

Для самого Рима эта агрессия также не прошла бесследно. И дело не только в увеличении территории *ager Romanus*. Распространение в процессе завоеваний V–IV вв. до н. э. политического влияния Рима на Среднюю и Южную Италию способствовало включению римской экономики в общеиталийскую. Использование человеческих ресурсов Италии в качестве военной силы в дальнейшем привело к втягиванию Рима в орбиту средиземноморской экономической и полити-

ческой жизни. Следствием начавшейся в III в. до н. э. в Италии, а затем во всем Средиземноморском регионе экономической интеграции стал процесс внутренней дифференциации римско-италийского хозяйства, развития агрокультуры и ремесел, товарно-денежных отношений, урбанизации.

Во II в. до н. э. рабовладельческое поместье, связанное с рынком и рационально организованное, сделалось господствующим типом. Мелкие же крестьянские хозяйства, по уровню производства и доходности сильно уступавшие рабовладельческим виллам, стали особенно неустойчивыми¹⁷. Все это разрушало полисные основы самого Рима, те самые «структурообразующие элементы», совокупность которых и позволяла видеть в нем полис. Видоизменение и разрушение полисной материальной базы имели своим результатом изменение характерного для полиса отношения членов коллектива к земле и другим видам имущества, а затем и взаимосвязей внутри самого коллектива, между его согражданами, изменение всей полисной политической структуры, всех отношений между центром полисного государства и его составными частями. В таких условиях интенсивно развивались рабовладельческие отношения, оборотной стороной которых были разорение, обезземеливание свободного крестьянина и разложение античной двуединой формы собственности.

Тенденция государственной собственности как совместной частной собственности активных граждан государства эволюционировать в абсолютную, неограниченную собственность получила логическое завершение в аграрном законе 111 г. до н. э. Но это было уже не *dominium ex jure Quiritium*. Утверждалась собственность преторская, провинциальная, peregrinская. Сложился принципиально новый подход римского права к имущественным отношениям – частная собственность оформилась как институт «священный и неприкосновенный» независимо от того, кому она принадлежала: гражданину или негражданину.

Результатом процессов, протекавших в V–III вв. до н. э., явилось формирование в Риме к середине II в. до н. э. сложной

общественной структуры, компоненты которой различались и по отношению к средствам производства, и по месту, занимаемому на социальной лестнице, и по правовому положению. Это было уже развитое рабовладельческое общество, где «неравенства между людьми играли гораздо большую роль, чем равенство их в каком бы то ни было отношении»¹⁸. Общество, многообразное членение которого невозможно определить с помощью какого-либо одного критерия, никоим образом не соответствовало параметрам единого полисного коллектива.

Наряду с разрушением полисного единства происходило разрушение полисной замкнутости, чему особенно способствовали заморские завоевания и как итог – появление провинций. Будучи порождением полисной обособленности, завоевания сами разрушали полисную общину как единый замкнутый коллектив, содействовали расселению римлян по всей ойкумене. В то же время втягивание Рима в орбиту средиземноморских отношений привело к притоку в Рим италиков, чужестранцев.

Характеристика римского общества II в. до н. э. не может быть полной без учета состояния союзнических общин Италии и обладавших римским гражданством муниципиев, население которых подвергалось тем же градациям, что и римское. В конгломерате составлявших федерацию общин и полисов Италии происходили процессы, аналогичные римскому. И в Италии полис (будь то муниципий или *civitas foederata*) разлагался, а там, где он еще не успел сложиться, власть Рима отнюдь не способствовала развитию полисных форм отношений и полисного аппарата, поскольку итало-греческая верхушка обрела в лице Рима, его правящих нобилитарных кругов и вооруженных сил надежный оплот для упрочения и усиления экономического господства над согражданами и соплеменниками. Отсюда развитие идущих навстречу римской экспансии объективно неизбежных политических устремлений рабовладельцев Италии, в которых правящие круги Рима в свою очередь находили поддержку при проведении своей

захватнической политики. Сказанное позволяет сделать ряд важных выводов и интересных наблюдений.

При формировании римской общины большую роль сыграло удобное расположение Рима в центре Италии. Это обстоятельство первоначально привело к возникновению такого необычного для складывания полиса обстоятельства, как неоднородность вошедших в него этнических компонентов. Позднее, в процессе формирования экономических связей между частями полуострова (экономически отсталым Севером и значительно более развитым регионом Великой Греции), Рим оказался удобно расположенным центром, сохраняя при этом свою полисно-унитарную политическую структуру. Это во-первых.

Вторая особенность Рима-полиса – разбросанность по всей Италии, разобщенность составных элементов территории римской *civitas*, входящих в римские трибы.

Тем не менее Рим с его легионами явился ядром, вокруг которого сплотился класс рабовладельцев всей Италии. С точки зрения социальной Римско-Италийский союз возник на базе классового сотрудничества различных слоев рабовладельцев разных полисов и общин Италии с правящими кругами Рима. Этому не препятствовала даже разобщенность составных частей территории Рима-полиса.

Римская знать нашла в итальянских крестьянских массах поистине неистощимый источник военной силы, человеческих ресурсов, необходимых для заморских военных кампаний, обогащавших нобилитет и всадничество. И осуществлялась такая эксплуатация народных масс Италии с молчаливого согласия и даже «благословения» правящих итальянских кругов. Нельзя забывать о неизбежности процесса консолидации рабовладельцев Рима и Италии в силу обострения классовой борьбы в условиях расцвета рабовладельческого способа производства. Иными словами, тяготение к внутриклассовым связям было взаимным.

Итогом воздействия перечисленных факторов и стала система политических связей, обеспечившая классовое сотруд-

ничество рабовладельческих верхов Рима и Италии и определенные экономические и политические формы эксплуатации народных масс путем внеэкономического принуждения, осуществляемого римским государственным механизмом. В то же время это был конгломерат малосамостоятельных и несамостоятельных полисов и общин, находившихся не просто под эгидой Рима, но под его властью. При этом сам Рим продолжал оставаться полисом, а вся Италия приобрела своеобразную форму территориально-политического устройства, при которой зависимые от Рима полисы входили в него составными частями, а полисные органы муниципиев как бы выполняли роль местной администрации.

Этот союз функционировал на протяжении IV–II вв. до н. э., и существование его не могло быть более длительным. Он был по преимуществу объединением полисов, а полис уже повсеместно переживал процесс разложения. Сам же Рим, будучи просто-напросто территориально «разбухшим» полисным организмом, не мог дать италийским общинам в сфере строительства государства ничего взамен: он не располагал ни другим опытом политической жизни, ни иными видами политической организации, ни специальными административными органами, которые могли бы обеспечить рабовладельческий «порядок» на местах.

Обеспечивая для господствующего класса Италии сильную государственную власть центра (взамен не развившейся местной), а для Рима – такой заменитель еще не сложившейся местной администрации, как полисный аппарат муниципиев, «симбиоз» Рима и Италии стал вынужденным, и в нем отпала необходимость, как только он перестал соответствовать задачам времени. В условиях крайнего обострения социальных противоречий Италия во главе с Римом нуждалась в иной территориально-политической организации, а потому из сложившегося на базе Италии Римского государства как конгломерата отдельных полисов и общин постепенно стала вырастать держава.

Что же касается места Римско-Италийской «федерации» (как нередко в литературе называют этот союз) в данном эволюционном процессе, то описанная своеобразная государственно-территориальная организация оказалась, на наш взгляд, переходной от простейшей полисно-унитарной формы государственного единства к державе, империи (*imperium Romanorum*), т. е. более развитой форме государственного устройства (в литературе наряду с толкованием полиса как формы государства имеется и его оценка как формы государственного устройства. В качестве своеобразной, свойственной античности «зародышевой» формы унитарного государственного устройства рассматривается и держава)¹⁹. Переход к ней завершился лишь после крушения полисно-республиканской политической надстройки, поскольку попытки правящих кругов приспособить для управленческих целей различные элементы римского полисного аппарата оказались безуспешными. И хотя сам Рим практически перестал быть полисом со времени «включения» в него в 90–89 гг. до н. э. всей Италии, Римское государство превратилось в державу лишь в условиях военно-авторитарного режима, по мере освобождения от пут полисно-республиканской организации и создания особого административного аппарата.

«Парадокс греческой истории состоит в том, что основной ее тенденцией было непрерывное, хотя в общем и малоуспешное, стремление к преодолению полиса: непрерывное – в силу несоответствия однажды установившихся полисных принципов (экономическая автаркия, политический партикуляризм, сословная исключительность и т. п.) дальнейшему общественному прогрессу, а малоуспешное – ввиду того, что попытки преодоления полиса долгое время осуществлялись на полисной же основе»²⁰. *Mutatis mutandis* то же самое можно сказать о римско-италийской действительности.

Попытки преодолеть полисную замкнутость Рима-полиса путем включения в его полисную же трибутную систему всей Италии с ее многочисленными полисами и общинами оказа-

лись в конце концов величайшей исторической нелепостью. В условиях, когда уже разрушилась античная форма собственности на землю (исчез *ager publicus*, квинритскую собственность сменили преторская, перегринская, провинциальная), когда канул в Лету принцип «обозримости» территории Рима и ограниченности коллектива граждан, когда всем свободным гражданам Италии после Союзнической войны был предоставлен статус гражданства, реализация принципа «прямого народовластия» (полный сбор участников народного собрания и действенное его функционирование) стала практически невозможной, а само народное собрание, все характерные формы полисного самоуправления превратились в «юридическую фикцию». «Едва ли можно сомневаться в том, что исход так называемой Союзнической войны... знаменовал собой крушение Рима-полиса». Идущая на смену Римско-Италийской «федерации» Римская держава (империя) не была уже системой самостоятельных полисов или системой зависимых городов под эгидой Рима, «она была в значительной мере... системой бывших полисов (со всей вытекающей отсюда спецификой)»¹. И специфика, полагаем, в первую очередь заключалась в том, что это была также унитарная, но более развитая форма государственного устройства.

¹ Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1952; *Его же*. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969; *Его же*. Политические учения Древнего Рима. М., 1977.

² *Plutarchus. Vitae parallelae*. Lipsiae, 1876. Rom. XVI, XVII, XXI, XXVII; *Livius. T. Ab urbe condita libri*. Editio altera, quam curavit M. Muller. Lipsiae, 1909. I, 9–11, 14, 15, 22.

³ *Gjertad E. Legends and facts of Early Roman history*. L., 1962. P. 70.

⁴ *Liv.* VI, 4–6.

⁵ *Dionysius Halicarnassensis. Antiquitatum romanarum quae supersunt* Cambridge, 1968. V. II. 35. *Liv.* IV, 49, 11; 51, 5–6; X, I; *Немировский А. И.* История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства. Воронеж, 1962. С. 225 и след.

⁶ *Bunper P. Ю.* Очерки истории Римской империи. Берлин, 1923. С. 21.

⁷ *Нетушил И. В.* Очерк римских государственных древностей. Харьков, 1984. Вып. 1. С. 438.

⁸ *Polybius.* Historiarum reliquia. Editio altera. 1859. P. VI. 21, 4–5.

⁹ *Dionysius Halicarnassensis.* IV, 52; *Cicero M. T.* Scripta quae manserunt omnia, recognovit Klotz. Lipsiae, 1896. Phil. III. 6. § 15.

¹⁰ *Marquardt J.* Romische Staatsverwaltung. 2 Aulf. Leipzig, 1884. I. S. 27–28.

¹¹ *Beloch K. J.* Das Italische Bund unter Roms Hegemonie. Leipzig, 1880. S. 121; *Marquardt J.* Op. cit. I. S. 32.

¹² *Виллемс П.* Римское государственное право. Киев, 1888. Вып 1. С. 411; *Marquardt J.* Op. cit. I. S. 41 ff.

¹³ *Livius T.* XXIX, 15; *Страбон.* География. JL., 1964. IV. 1. § 1.

¹⁴ *Marquardt J.* Op. cit. I. S. 34.

¹⁵ *Florus L. A.* Epitomae. III. 18.

¹⁶ *Appianus.* Historia Romana. Lipsiae, 1879–1905. В. С. I, 49; 53; 28; II. 16, 17.

¹⁷ *Штаерман Е. М.* Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978. С. 222; *Ее же.* Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964. С. 263; *Кузищин В. И.* Очерки по истории земледелия Италии II в. до н. э. – I в. н. э. М., 1966; *Его же.* Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. – I в. н. э. М., 1973; *Его же.* Генезис рабовладельческих лагифундий в Италии (II в. до н. э. – I в. н. э.). М., 1976.

¹⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 105.

¹⁹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Исторические типы государства и права. М., 1971. С. 153, 39.

²⁰ Становление и развитие раннеклассовых обществ. JL., 1986. С. 25.

²¹ *Утченко С. Л.* Политические учения Древнего Рима. С. 54.

ПРАВОВОЙ СТАТУС И ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ ГАНЗЕЙСКОГО СОЮЗА

(один из ранних опытов протоконфедерации в Европе)*

Актуальный ныне вопрос о Европейском Сообществе, Европейском Союзе побуждает историков заглянуть в прошлое Европы.

С глубокой древности человечество тянулось к общению и сближению. Разными были средства, различались цели сообществ: синойкизм и симмахии; мирные торговые связи и захватнические войны; Афинская симмахия, затем – архэ, Итало-римская федерация и создание огромной, на всю тогдашнюю ойкумену – империи; федерализация, распад империй, автономизация и т. д. Но если федерации и автономии в значительной степени уже изучены, то, представляется, что переходная ступень – конфедерация исследована много слабее. А ведь если обратиться к истории средневековой Европы, то можно сделать интересные наблюдения в этом плане.

Взять союз прибалтийских городов Ганзу, в которой при ближайшем рассмотрении видится если еще не конфедерация, то уже по крайней мере – ее зародыш, протоконфедерация. Опустим общеизвестные факты истории средневековой Германии с ее экономической и политической разобщенностью. Как известно, здесь не возникло единого экономического центра, к которому тяготела бы вся страна. С развитием городской жизни в Германии сложились небольшие самостоятельные районы, связанные главным образом с внешними рынками, но мало или совсем не сопряженные между собой. Поскольку слабеющая власть императора не могла оградить торговлю и промышленность городов от произвола многочисленных феодалов и грабежей рыцарей на дорогах страны и не имела сил защищать интересы немецких купцов во внешней торговле, города были вынуждены сами взять на себя защиту своих интересов, объединяясь в союзы, товарищества, ганзы.

* Российский юридический журнал. 2005. № 3.

Крупнейшим из городских союзов стал союз северонемецких городов Ганза (на средне-немецком языке – союз).

Момент его возникновения указать трудно. Ибо сначала возникали соглашения между несколькими отдельными городами или группами городов. Но по крайней мере уже в XII в. в Северном и Балтийском морях появился союз купцов Гамбурга и Любека, конкурирующих с Кельном, Мюнстером и другими городами. Чуть позднее, в 1226 г. Гамбург открыл торговую контору в Лондоне, а в 1241 г. на основе договора соединился с Любеком. Свои представительства они объединили в Брюгге – центре фламандской торговли. Затем к этому союзу добавился Кельн. А в 1299 г. под руководством Любека соединились такие крупные торговые центры, как Росток, Висмар, Люнебург и Штральзунд. Одним из главных в соглашении было условие – не обслуживать корабли, чьи хозяева не входили в союз. В 1367 г. количество городов, входивших в Ганзу, достигло семидесяти. К середине XIV в. Ганза охватила все северонемецкие города на побережье, а также связанные с морской торговлей реками, текущими в Северное и Балтийское моря. Ядро Ганзы составили Гамбург, Любек, Бремен. Затем в нее вошли города по Рейну (Кельн), Везеру, Одере, ряд городов, захваченных немцами в Пруссии: Гданьск, Торн, Кенигсберг, а на восточных берегах Балтийского моря – Рига (с 1282 г.), Ревель (Таллин). Особую роль играли город Висби на острове Готланд, центр торговли с южной Скандинавией и Русью, а также ряд нидерландских городов. Ганза имела торговые конторы в Брюгге, Лондоне, Новгороде, Бергене и многих других городах.

Главными товарами ганзейской торговли были продукты прибалтийских стран, Руси, Скандинавии – хлеб, меха, кожи, соль, рыба, сало, мед, воск, медная и железная руда, лес и различные продукты лесного хозяйства (смола, деготь). В обмен на сырье шли ремесленные изделия Запада: сукна, металлические изделия, вино, а также через Фландрию – получаемые с юга предметы роскоши, пряности. Установился постоянный торговый путь от Брюгге до Новгорода. Но ганзейская

торговля охватывала не только Балтийское и Северное моря. Ганзейские купцы плавали вдоль берегов Западной Европы до Гибралтарского пролива, а на севере – вдоль норвежских берегов. В сущности, Ганза играла важную транзитную роль. Но характерно, что стимулируя развитие текстильной, горнодобывающей промышленности на Западе, в центре Европы, Ганза замедляла развитие этих отраслей на востоке Европы, выкачивая оттуда сырьевые ресурсы. С другой стороны, благодаря ганзейской торговле восточные районы получали сырье для металлообрабатывающего, ювелирного производства. При этом ганзейцы старались вытеснить всех других купцов из торговых районов Ганзы. По отношению к Новгороду это не удалось. Он самостоятельно торговал с ближними балтийскими городами – Нарвой, Ревелем, Ригой, Выборгом и даже с Любеком и Стокгольмом. Но зато западные ганзейцы старались не пускать на запад новгородских купцов, препятствуя и проникновению нечленов Ганзы в Новгород.

Как установлено самими прибалтийскими историками, в частности И. Бергхольцасом¹, Ганзейский союз оформился окончательно в 1367–1370 гг. Расцвет же Ганзы приходится на вторую половину XIV – начало XV в.

И хотя рамки ее не были четко очерчены, в регистр Ганзы были включены 130 городов, из них около 100 портовых, а под ее влиянием состояли до трех тысяч населенных пунктов. Именно во второй половине XIV в. Ганзейский союз получил определенное политическое устройство. Система торговых отношений Ганзы опиралась на несколько контор в основных производящих районах Европы. Конторы имелись в Брюгге, Новгороде, Лондоне, Бергене, Венеции и др. Центром торговли с внутренними районами Европы и основным перевалочным пунктом между Балтийским и Северным морями был Любек – фактический руководитель союза. Именно здесь собирались общие съезды ганзейских городов, дела решались большинством голосов. Причем те города, которые оказывались в меньшинстве или не присылали представителей на очередной съезд, были обязаны подчиняться решению

большинства. Правда, у Ганзы не было ни общего управления, ни общей казны, ни общей финансовой системы. Каждый член Ганзейского союза вел свои дела самостоятельно. Не имел союз первоначально и общего флота (правда, в XIV в. он появился и состоял почти из тысячи судов). Поэтому, несмотря на достигнутое могущество, Ганза не смогла осуществить в районе своего действия ни экономической, ни политической централизации. Цель объединения вообще была довольно ограниченной: она заключалась только в том, чтобы обеспечить своим членам привилегии в районе ганзейской торговли. Опорой ганзейских купцов здесь были немецкие рыцарские ордена. Наличие съездов и общих интересов не исключало, впрочем, борьбы и столкновения городов Ганзы между собой. В сущности, Ганзейский союз, как и другие союзы немецких городов, как в зеркале отражал отсутствие экономического и политического единства Священной Римской империи германской нации.

Но в условиях политической раздробленности Германии Ганзейский союз был сравнительно влиятельной политической силой. Он вел даже самостоятельную внешнюю политику. В 1367 г. в союзе со Швецией и Мекленбургом Ганза вступила в войну с Данией. Закончилась эта война в 1370 г. позорным для Дании Штральзундским миром, по которому Ганза получила подтверждение ее торговых привилегий, приобрела несколько крепостей на юге Скандинавского полуострова и право вмешиваться во внутренние дела Датского королевства – при избрании короля. Политическое значение Ганзы отразилось и в том, что в своей деятельности она преследовала определенные социальные задачи, причем задачи реакционного характера. Политическое преобладание купеческого патрициата обеспечивало в ганзейских городах олигархические режимы. Сопrotивление ремесленной массы бюргерства, которая была отстранена от участия в городском управлении, обострение социальной борьбы и даже попытки ремесленных цехов захватить власть в Любеке, Гамбурге, Ростокe, как правило, неудачные, были неизбежным следствием

этого. Поэтому характерно, что в Устав ганзейских городов был включен пункт, каравший исключением из союза тот город, который допускал какие-нибудь изменения в олигархическом строе. Большой Ганзейский статут, изданный для всего союза, наряду с другими мероприятиями, выдвигал также и меры борьбы с революционным движением внутри городов.

С середины XV в. начинается упадок Ганзейского союза. Внутренняя рознь между отдельными городами, социальные распри внутри городов: борьба между плебсом и мастерами, конкуренция между цехами, борьба за влияние между бюргерством и патрициатом – все это ослабляло Ганзу изнутри. Но самая существенная причина – конкуренция в области торговли других, политически консолидированных стран. С XV в. английские корабли осваивают все моря Западной Европы, при этом в 1398 г. ганзейцы были лишены своих привилегий в Англии. Возрастает транзитная торговля Нидерландов. Постепенно утратила значение контора в Брюгге, которая в 1553 г. была перенесена в Антверпен. В конце XV в. русский царь Иван III присоединил Новгород и изгнал из него ганзейских купцов, закрыв там в 1494 г. Немецкий двор. Усилившаяся Дания снова начинает теснить Ганзу. Окончательно утрачивает свое преобладание Ганза с открытием новых морских путей в колониальные страны. В 1669 г. Северная Ганза формально прекращает свое существование. Так с политической карты Европы исчезает своеобразная форма политического устройства, которую вполне можно определить как протоконфедерацию. Думается, что именно европейская Ганза, а не североамериканские штаты, положила начало столь необходимому, хотя и недостаточно прочному объединению самостоятельных политических организмов, объединению, имевшему совершенно определенные, однако ограниченные, экономические и политические цели.

¹ *Бергхольцас И.* Балтия. Социально-экономическое развитие, мореходство и международное частное морское право (историко-правовые и политологические аспекты). Рига, 2001. Ч. 1. С. 126–127.

КРИЗИС РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (историко-теоретический аспект)*

Изучение генезиса и эволюции основных институтов государственности в их конкретно-исторических модификациях и взаимодействии – одно из перспективных направлений в современной историко-правовой науке. Среди задач, заслуживающих первоочередного внимания, – анализ исторических форм и способов смены одних типов, разновидностей государств другими. Переходные моменты в истории государства для исследователя особенно интересны: когда важнейшие элементы государственного механизма перестают соответствовать друг другу, обнажаются скрытые пружины политической системы, явные и тайные связи между ее звеньями. В рабовладельческом же государстве, имевшем технически слабый государственный аппарат, значение его элементов как в отдельности, так и во взаимодействии обнаруживается в кризисные моменты столь рельефно, что историк располагает особо благоприятными возможностями для моделирования римского государственного механизма, анализа происходивших в нем изменений, реконструирования процесса политического кризиса.

Тема кризиса Римской республики занимала уже современников, которые в нарративных, политико-философских, мемуарных произведениях оставили богатейший материал о политической жизни Рима конца II–I в. до н. э. Вместе с тем такая сложная и интересная эпоха еще недостаточно освещена в отечественной историко-правовой науке.

Правда, З. М. Черниловский предпринял в 50-х гг. попытку воссоздать картину этого явления на основе комплексного анализа основных черт социальной и политической жизни Рима II–I вв. до н. э. В поле зрения историка-правоведа вошли тогда не только разложение республиканской формы правления, но и «ликвидация последних остатков рабовладельческой

* Российский юридический журнал. 2006. № 2.

демократии», перерастание Рима-полиса в державу¹. К сожалению, мысли, изложенные в учебном пособии весьма кратко, в последующем не получили развития. Не нашли специального освещения вопросы эволюции политического режима и формы государственного устройства и в других изданиях, где политические изменения в Риме I в. до н. э. трактуются главным образом как изменение формы правления, переход от республики к монархии. В частности, в одной из известных публикаций кризис Римской республики рассматривается преимущественно как процесс разрушения республиканской формы правления и перехода к монархии. Термины «форма государственного устройства», «аристократический политический режим», «военно-диктаторский режим» применительно к римской истории этой эпохи употребляют и авторы более поздних учебников и учебных пособий по истории государства и права зарубежных стран². Однако специфический характер их трудов не позволяет подробно анализировать названные явления.

Вопросы, связанные с кризисом Римской республики, детально разработаны в трудах советских историков-романистов. В этом плане интересны две монографии С. Л. Утченко³, который, исследуя кризис республики в тесной связи с кризисом полисной организации в Риме, подходит к пониманию составляющих формы государства. Но его труды страдают нечеткостью использования понятий общей теории права и государства, как и у другого исследователя той эпохи А. Б. Егорова⁴.

Как правило, отмечаемая исследователями уже применительно ко II в. до н. э. пауперизация крестьян, этих носителей римской полисной демократии, их неизбежный отход от военной службы и как результат – снижение политической роли, совпавшее со вступлением на политическую арену новых социальных кругов, постепенно привели к изменению политических порядков. В литературе была сделана попытка трактовать период с 30-х гг. II в. до 80-х гг. I в. до н. э. как время наивысшего развития демократии в Риме⁵. Действительно,

именно тогда был издан ряд законов, демократизировавших комициальную процедуру, расширявших права всадничества. Однако едва ли в допуске всадников в судебные коллегии можно видеть значительную демократизацию. Возникший в те годы блок всадников и популяров не был союзом равноправных участников: силы последних лишь использовались всадническими кругами. Усилия самих популяров, направленные на решение аграрного вопроса, встречали сопротивление не только нобилей, но и всадников, также связанных с землей⁶. Не могло свидетельствовать о демократизации политического строя и изменение процедуры в комициях (введение тайного голосования), поскольку падала роль самих комиций. В I в. до н. э. значение полисной демократии продолжало снижаться быстрыми темпами. Сказались результаты Союзнической войны.

Сохраняя рамки полиса, Рим вобрал в состав своей *civitas* по сути всю Италию. При этом, однако, хотя италики и были включены в состав *Populus Romanus*, они оказались внесены лишь в списки граждан последних десяти из 35 триб. К тому же новые граждане, особенно жители отдаленных регионов полуострова, не имели возможности участвовать в комициях, проводимых в Риме, и в результате оказались за пределами электората. Естественно, что в этих условиях народовластие в Риме, как и сами комиции, превращалось в простую юридическую фикцию.

Тем не менее для самого Рима предоставление статуса гражданства бывшим союзникам-италикам имело важные последствия. Из силовых структур исчезал особый вид войск – союзнические когорты, более унифицированными становились вооруженные силы.

В снижении всех присущих полису демократических традиций большую роль сыграло и связанное с именем Гая Мария изменение всей римской военной системы. С набором в легионы пролетариев и даже люмпенов (*capite censi*), для которых не было места в мирной жизни, началась интенсивная

профессионализация армии, и политические последствия этого процесса обнаружились вскоре же после военной реформы конца II в. до н. э., а именно: на форуме уже в период консульства Мария, а затем при Сулле появилась новая политическая сила – ветераны. Со временем воздействие военных элементов на традиционный институт полисной демократии – комиции и даже на сенат сделалось привычной чертой римской жизни. Использование же в политической борьбе легионов настолько изменило ее характер, что из борьбы, протекавшей в легальных либо полулегальных формах на форуме и в сенаторской курии, она переросла в гражданские войны между полководцами, вождями различных фракций и коалиций. В обстановке острого политического кризиса возникли военные диктатуры Суллы, Цезаря, Октавиана, триумвиров, началось оформление военно-диктаторского режима. И главную особенность этого нового, в сущности военно-авторитарного, режима, сложившегося в Риме в результате гражданских войн и приобретшего стабильность с 30-х гг. до н. э., составляла гипертрофированная роль войска, примат военных кругов в политической жизни.

Прямым следствием существенного возрастания политического значения военного фактора стала последовательная ликвидация еще сохранявшихся элементов полисно-республиканской демократии. Откровенным отходом от демократических традиций отличались годы правления Суллы; скрыто или явно выражалась эта тенденция при триумвирах, Цезаре. Применительно же ко времени принципата Октавиана Августа, несмотря на характерные для него политическое лицемерие и демагогию, можно говорить о почти полном отказе от демократии. Преобладали насильственные методы осуществления власти, запрещались и подавлялись методами неприкрытого террора все политические группировки, любые организации (вплоть до пожарных и религиозных); была прекращена законодательная и свернута избирательная деятельность комиций (избранию подлежали лишь кандидаты самого принцепса). Все это порождало у римских граждан настоящий политический «абсентеизм».

Иногда полагают, что кризис полисной демократии был обусловлен включением в политическую борьбу новых социальных сил – всадников, офицерства, муниципальной италийской и провинциальной знати⁷. Думается, что причины разложения полисной демократии более значительны. Тенденция к ужесточению диктатуры господствовавшего класса определялась эксплуататорской сущностью римского рабовладельческого общества. В условиях неизбежного обострения социально-экономических противоречий и начавшейся в конце II в. до н. э. консолидации всех слоев господствующего класса⁸ профессиональные легионы, принадлежавшие полководцам-диктаторам, обеспечивали господствовавшему классу реальную возможность упрочения рабовладельческих порядков. При этом исчезала необходимость в маскировке все углублявшихся противоречий между господствующим классом и юридически полноправным, но экономически и политически зависимым свободным крестьянством, из политической жизни устранялись даже чисто внешние атрибуты рабовладельческой демократии.

Как известно, политический режим характеризуется не только приемами и методами осуществления диктатуры господствующего класса, но и определенными функциональными и структурными особенностями государственного аппарата. В Риме установление нового режима было сопряжено с существенными изменениями в функциях и строении существовавших еще некоторое время республиканских органов. Основную тенденцию функциональных изменений можно определить как постепенную утрату сенатом, магистратурой и комициями компетенции в сфере военного ведомства, а вместе с тем и властных функций. По сути это было разрушение устоев старой полисно-республиканской конституции, главная черта которой – военное «зерно» власти высших выборных магистратов – была отмечена уже в XIX в. Т. Моммзенем⁹. К функциональным изменениям в государственном строе следует отнести и крайнее возрастание власти отдельных военачальников. Лица,

порой не являвшиеся даже магистратами либо промагистратами, не обладавшие *de jure* империумом, сосредоточивали в своих руках не только верховное командование, но и высшее распоряжение войском.

На основе возвышения отдельных политических деятелей происходили и структурные изменения государственного аппарата, появилась, в частности, целая серия экстраординарных магистратур, не знакомых республиканской конституционной традиции (диктатура Суллы, консулат *sine collega* Гнея Помпея, диктатура *in perpetuum* Юлия Цезаря, второй триумвират – *tres viri rei publicae constituendae* и др.). Они возникали в кризисные моменты как результат легализации уже установленных военных диктатур либо предоставления чрезвычайных полномочий ординарным магистратам и даже частным лицам. Характерно, что все чрезвычайные полномочия и особые магистратуры, исходили ли они от сената или от комиций, развивались из попыток придать легальный характер особой власти военачальников. При этом к такому средству прибегали как оппозиционные, так и республиканские политические группировки, поскольку в громоздком и расшатанном республиканском механизме армия и ее полководцы были единственной силой, способной привести в подчинение эксплуатируемые массы и поддержать внешнеполитический престиж Рима¹⁰.

В экстраординарных магистратурах поздне-республиканской эпохи можно видеть также начало процесса изменения формы правления, поскольку это были попытки юридически оформить новые порядки. В условиях военно-диктаторского режима, установление которого повлекло за собой не просто деформацию, а разрушение республики, в дальнейшем совершался переход к особой, «римской», модели монархии, которая выражала интересы рабовладельцев не только Рима и Италии, но и всей Римской державы.

Функциональные и структурные изменения внутри римского республиканского механизма были связаны, наконец, с про-

цессом изменения территориально-организационной структуры Римского государства. Представляется бесспорным, что переход от полисной, простейшей унитарной формы государственного устройства к державе как более сложной унитарной форме был обусловлен социально-экономическими переменами. Экономическая интеграция всего Средиземноморья, включение Рима и Италии в сферу средиземноморской экономики, развитие товарно-денежных отношений и при этом необходимость удерживать в подчинении огромные владения, где развитие рабовладельческого способа производства либо начавшееся разложение рабовладения вызывали обострение классово-политической борьбы, неизбежно порождали потребность совершенствовать процесс и аппарат управления ими. Такой аспект уже отмечался в литературе¹¹. Попытки правящих кругов приспособить для управленческих целей различные элементы местного или римского полисного аппарата оказались безуспешными, поскольку политическая организация полиса предполагала территориальную замкнутость. И хотя сам Рим фактически перестал быть полисом уже со времени такого политического парадокса, как «включение» в него целой Италии (после Союзнической войны), превращение Римского государства в державу произошло лишь в условиях военно-авторитарного режима, по мере освобождения государства от пут полисно-республиканской организации и создания особого административного аппарата.

Итак, обзор основных тенденций римской политической жизни конца II—I в. до н. э. убеждает в том, что кризис Римской республики не был только кризисом формы правления. Можно с уверенностью заключить, что это был кризис полисной политической надстройки и в то же время завершающий этап кризиса всего римского полисного организма. Рушились военно-аристократический, «нобилитарный» режим, полисно-унитарная и квазифедеративная форма государственного устройства, полисно-республиканская форма правления. Различные компоненты государственности начали разлагаться

в различные моменты римской истории. Но в конце II–I в. до н. э. этот процесс настолько интенсифицировался, что есть все основания говорить о кризисе той формы государства, которая сложилась в Риме на базе полиса и функционировала на протяжении пяти столетий. По существу на протяжении всего I в. до н. э. и даже I в. н. э. происходила замена одной формы государства другой; и процесс этот был длящимся, эволюционным. Новый политический режим, новая форма государственного устройства, новая форма правления и вместе с тем новая форма государства возникали постепенно, под воздействием одних и тех же факторов – развития экономики, социальных сдвигов и классовой борьбы.

Так сбалансированное сочетание принципа историзма с системным подходом к изучению конкретно-исторического материала позволяет перейти от описания отдельных римских политико-правовых институтов к теоретическому осмыслению их совокупности как развивающейся органической целостности, к выявлению особенностей функционирования и общих закономерностей развития всей политической системы рабовладельческого Рима в период ломки устаревшей формы рабовладельческого государства и формирования новой, более совершенной ее разновидности. И самый важный вывод, который следует из анализа политической жизни двух последних столетий существования Римской республики, состоит в том, что изменение формы государства в Риме являлось реакцией господствующего класса римско-италийских рабовладельцев на обострение классовой борьбы и означало укрепление диктатуры этого класса за счет усовершенствования военно-карательного аппарата, возраставшей военизации государственного механизма, установления своеобразного военно-авторитарного политического режима и централизации управления страной.

Наблюдения, касающиеся развития Римского государства, эволюции существовавших в нем политического режима, формы правления и государственного устройства, дают основание конкретизировать представления общей теории права

и государства относительно рабовладельческого государства и происходивших в нем процессов. Во всем многообразии государственных форм рабовладельческого типа Римская республика занимает важное место как наиболее развитая республиканская форма, в которой диктатура рабовладельцев была искусно замаскирована элементами прямого народовластия, полисной демократии. Анализ содержания главных функционально-структурных изменений, происшедших в ней в I в. до н. э. – I в. н. э., позволяет выявить подлинную сущность одной из самых реакционных рабовладельческих политических систем.

¹ Черниловский З. М. История рабовладельческого государства и права. М., 1959. С. 170–174.

² Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Исторические типы государства и права. М., 1971. С. 163–164; История государства и права зарубежных стран / под ред. П. Н. Галанзы. М., 1963. Т. 1. С. 224–226; История государства и права зарубежных стран / под ред. О. А. Жидкова, Н. А. Крашенинниковой. М., 1998. Ч. 1. С. 196 и др.; Всеобщая история государства и права / под ред. К. И. Батыра. М., 1993. С. 63 и др.

³ Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965; *Его же*. Политические учения древнего Рима III–I вв. до н. э. М., 1977.

⁴ Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Л., 1985. С. 42, 43, 55 и след.; Кучма В. В. Государство и право Древнего мира. Волгоград, 1998. С. 170 и след.

⁵ См., например: *Bunsep P. Ю.* Очерки истории Римской империи. Берлин, 1923. С. 2 и след.

⁶ Nicolet C. L'ordre equestre a l'epoque republicaine (312-43 av. J. C.). Paris, 1966. P. 285, 294.

⁷ Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики; *Машкин Н. А.* Принципат Августа. М.; Л., 1949, С. 82, 96, 607; *Nicolet C.* Ibid. P. 294.

⁸ Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1973. С. 171–172, 255–257; *Bunsep P. Ю.* Указ. соч. С. 68–72.

⁹ *Mommsen Th.* Romisches Staatsrecht, I, 3 Aufl. Leipzig, 1887. S. 48 ff, 66.

¹⁰ *Martino F. de.* Storia della costituzione romana. V. 3, 2nd ed. Napoli, 1973. P. 272–273, 275–278.

¹¹ *Игнатенко А. В.* Об эволюции формы рабовладельческого государства // Сов. государство и право. 1986. № 1. С. 115 и след.

ПРОЗА И СТИХИ А. В. ИГНАТЕНКО

Учеба в МГУ

К середине сентября 1945 г. студенты, даже первокурсники съехались отовсюду в самый центр Москвы, в МГУ. Тогда это был целый городок по соседству с Манежной площадью. Новое здание (на Ленинских горах) строить еще и не начинали.

Столовая – в полуподвале, питание – более чем скромное – по карточкам. Быт общежитский бедный. Огромное здание в 4 этажа, квадратом. Настоящий «муравейник». В каждой комнате – 8–10 человек. И взрослые, демобилизованные офицеры, перенесшие ранения, и молодежь после школы. Но деления нет. Живем дружно. В читальне – бок о бок, учебниками делимся. На курсе 250 человек. Много интересных ребят, воспитанников Ивановского интернационального детского дома.

После недолгой поездки на сельхозработы в разрушенное Красновидово начинаются занятия – лекции, семинары: с 9 до 3 ч дня. В 10-минутную переменку можно ухватить пирожок в буфете или тарелку винегрета. Затем (после занятий) столовая и читалка – до 9–10 ч вечера. Домой, т. е. в общежитие, – стайками.

Одеты все более чем скромно, в военных гимнастерках, шинелях – фронтовики, в перешитых одежках – мы, младшие. Голодноваты все. Но все рвутся к ученью. Позор – невыученное задание, неподготовленный конспект. Результаты – уже показатели первой сессии – в основном четверки, пятерки.

Учебников еще мало. Их только создают. Пишут те же преподаватели, которые читают нам лекции, ведут семинары. Их быт так же беден. Знаем по опыту: 5–6 человек в одной комнате, где главная ценность – книги. Для преподавателей ценен каждый урок, каждая «пара». Заболевший (преподаватель) приглашает группу к себе домой, чтобы часы «не пропали»: латинист, преподавательница древнегреческого языка,

спецкурсов. Деление по специальностям (востоковеды, антиковеды, «новисты», историки КПСС) начинается уже со второго семестра I курса. Второкурсники разделены все. Трудно даются иностранные языки: английский, французский, хинди, урду и прочие. Учимся конспектировать серьезные книги (в школе этому не учили), учимся говорить правильно и логично.

Но молодежь остается молодежью. Вечеринки и вечера торжественные в клубе МГУ (на ул. Герцена), танцы и прогулки по длинному коридору общежития или по дорожкам внутреннего двора. Романы и даже ранние браки. На следующий год в общежитии создаются даже недельные ясли. Появляются своя библиотека и читальня, столовая, почта, свой клуб и баня с прачечной. За общежитием вырастает каток. С преподавателями дружим. Нечасто, но иногда они навещают общежитие. Нам не стыдно. В комнатах всегда чисто, уютно, хоть и бедновато. Жалуют заболевших – к влажному московскому климату привыкают не сразу. «Арочка, дружочек, опять не можешь говорить? (ангина беспрестанная) Раздобудь лимон, попей лимонного сока, обязательно поможет!» – А где его взять, в 1947 г., этот лимон? «Девушки, бросьте курить. Женский организм неприспособлен к табаку, ни горло, ни легкие». «Молодежь, а кто из вас еще не был в Большом театре? Конечно, билеты не дешевы, но можно купить на галерку». Забота не только о знаниях, но и о развитии культуры. «Читайте, больше читайте», – совет – «и думайте!» Им по 40–50 лет, они еще тоже молоды, но нам они кажутся уже солидными учеными. Еще бы: учебники издаются под их именами. А как много они знают! Каждый выбирает к себе на кафедру самых усердных, серьезных студентов, начинают уговаривать определиться со специализацией. «Девочка, если хочешь в аспирантуру, иди туда, где народу меньше». «Кафедры новой и новейшей истории, истории СССР, конечно, очень важные, но народу там много, трудно будет конкурс выдержать».

А мы-то как их всех любили и уважали! Академик Роберт Юрьевич Виппер, например, старый русский профессор,

в 1941 г. вернувшийся из Риги. Знаток средневековой истории, истории античности, истории религии, раннего христианства. Ему уже 95, он слеп. Но ему еще хочется работать, писать, оставить после себя то, что накопил в голове. Он уже не ездит на кафедру. Но мы приезжаем к нему домой. Нас немного – 5 человек. Он сидит в кресле, укрытый пледом (в кабинете прохладно), в черных очках. Мы рассаживаемся на стульях и скамеечках вокруг него, вооружаемся отточенными карандашами и пишем, пишем, боясь упустить хоть одно слово. Его секретарь и наша аспирантка Леночка поправляет на нем плед, подсказывает нам непонятные слова. Идут занятия антиковедов...

Знакомство

Он высмотрел ее с другого конца зала. Невысокого роста. Не накрашена. Кудряшки по плечам явно свои. Темное платье с белым воротничком. Рядом с двумя пухленькими девочками худышка. Чем-то она привлекла его внимание. Скромница? Но жесты энергичные, быстрые. Взгляды, которые она из-за плеча бросала на толпу ребят, позволяли в этом усомниться.

Парней возле нее не было. И он решил пригласить ее на танец. Включили радиолу: быстрый фокстрот. Четким шагом пересек зал, протянул руку, как полагалось по «тогдашнему этикету». Кивнула головой, пошла.

Борька забежал на танцы буквально на минутку, мимоходом. Уже через 15–20 минут ему нужно было сменять Севку в пожарке. Время приближалось к 9, и уже буквально через четверть часа пора было вернуться на работу.

Уверенно повел партнершу в быстром танце. Их головы оказались на одном уровне, и он довольно бесцеремонно разглядывал девчонку. Потом задал вопрос:

– Ты наша?

– Да, я с истфака. А почему ты спросил?

- Уж очень маленькая.
- Вот еще, – возмутилась, – мне уже 18.
- Ну, о-о-чень много. А на танцах одна? Почему?
- Так, – не захотела ответить.

Танец быстро кончился. Называется: поговорили. Даже имени не узнал. Предложил руку, согнутую крендельком, довел до банкетки, на которой сидела прежде. Увидев группку знакомых ребят, подошел к ним.

- Ты, Борька, не зарьясь на эту малышку.
- Она замужем?
- Да. За инвалидом нашим, потому и одна – он на протезе.
- Откуда знаешь?

Девчонка явно начинала ему нравиться.

- Да она с нашего курса.
- А зовут?
- Татьяна.

Обратил внимание на это уважительное. Не «Таня» или даже «Танька».

- Хорошая девочка?
- Серьезная. Она на такой кафедре, где не заленишься. Одних языков три, а каждый по два раза в неделю. Да еще семинаров, знаешь, у нас сколько? По КПСС, средним векам, новой истории... Не успеваешь готовиться. Татьяна целыми вечерами в читалке просиживает. Да и не одна. Странно как-то ее одну видеть, да еще на танцах...

- Разговорились ребята, – заметил про себя Борис.

Заиграли следующий танец. Это танго, можно и поговорить. Быстрый ритм фокстрота и теснота в зале, где надо было глядеть в оба, чтобы не столкнуться с другими парами, позволяли говорить лишь рублеными фразами. Тут не познакомишься.

Девчонка явно заинтересовала его. Пригласил снова. И опять не отказала. Разговор надо было как-то начать.

- Тебя как зовут?
- Таня.

– Говорят, ты замужем?

– Кто говорит?

– Да ваш Иван.

– А, знаю, он к девочке из нашей комнаты ходит.

– Так это правда, что он сказал?

Резкий кивок в сторону.

– Нет! (даже нахмурилась). А если и правда, то что тебе? – сказала с вызовом и засмеялась. («Своя, – отметил Борька. – Выканье в студенческой среде не в моде»). На щеках ямочки, сверкнули белые ровные зубки, одна бровь вопросительно полезла вверх.

– Да просто маленькая ты еще.

– А вот и нет. Мне девятнадцатый. Совершеннолетняя.

А потом снова посерьезнела:

– Только неправда это.

– Что неправда?

– Да никакие мы не муж и жена. Просто дружили.

– Дружили? А сейчас что? Раздружились?

– Разошлись как в море корабли. Ребята из его комнаты настояли. Тебе, говорят, Таня, замуж еще рано, попрыгать хочется, а ведь Женька к тебе все больше привязывается.

Тряхнула кудряшками:

– Да я и не жалею. Только вот Женьку жалко. Любит он меня.

– А ты?

– А я? Наверное, нет. Он мне как брат. Заботится. Занимаемся вместе. Потом на Стромынку вместе едем. У меня ведь в Москве никого нет.

– Так ты в общежитии живешь?

– Ага.

– А девчата в комнате?

– Да скучно мне с ними. Они неплохие, только разные. И разговоры у них какие-то... – Помолчала. – А потом, я и в детстве с мальчишками всегда дружила, с папой. Папина дочка была.

– Почему «была»?
– Нет уже его, – вздохнула.
– Погиб?
– Нет. В 1944 от туберкулеза умер.
– Так ты сиротка? – засмеялся Борис. – Хочешь, я тебе вместо папы буду?

– Да много ли ты старше-то меня! Вот все спрашиваешь, вопросы задаешь, а зачем тебе?

– Ну, я, конечно, старше, уж повоевать успел. Да ты не обижайся. – Помолчали. – У меня тоже только одна мама. Вот я и сказал...

Он взглянул на часы:

– Ох, пора мне.

– Куда?

– На дежурство, в пожарку, тут через улицу, в соседнем корпусе. Я же заочник и работаю. Меня, знаешь, по здоровью демобилизовали, что-то там, – он кивнул подбородком на левую часть груди, – врачам не понравилось. Ну, будь!.. Еще увидимся!

И Борька быстрым шагом направился к лестнице, почти побежал.

– Невежливый, – подумала Таня. Но думать так не хотелось. Парень ей явно понравился. И оставаться на танцах одной тоже стало неинтересно. Хотя и время было вроде бы еще совсем не позднее, и танцы в самом разгаре, она тоже заспешила домой, в общежитие. Квартал до метро промелькнул незаметно. Воздух уже был полон мартовской сырости. Проплывали мимо желтые фонари. Немного кружилась голова – то ли от голода, то ли от недавних танцев. Даже в метро к поезду пошла не тем тоннелем. А в голове все пел голос из последнего кинофильма: «С той поры, как мы увиделись с тобой...» Все-таки задело ее это знакомство, и, как оказалось, надолго.

Маленькая спорщица

В детстве я очень любила спорить.

Уже около двух лет, начав разбираться в насекомых, спорю, показывая пальчиком: «Кан» (таракан).

– Нет, муха, – урезонивает меня тетя.

– Нет! Кан!

– Муха.

– Кан.

– Муха.

– Кан!

И даже когда муха срывается с места и улетает, все равно «Кан»!!! До рева!

Кока и Ака

Я уже постарше, отлично выговариваю все буквы.

Но и тут возникают недоразумения...

Меня крестили. А тетя была ярой безбожницей. И терпеть не могла, как у нас на Урале крестных звали, – «коками».

Я обрадованно:

– Кока!

А она:

– Нет, тетя Фая.

– Нет, Кока, Кока!

В отместку придумана «Ака» – это мне тоже не нравится. Так и препираемся: «Кока» – «Ака», «Кока», – «Ака». И ведь закрепилось за мной это детское имя. Так лет до 5 и жила «Акой» – а не нравилось.

И опять споры: «Кока» – «Ака»!

Мальчишки – девчонки

В 5–6-х классах проявляется интерес друг к другу. Девочки начинают кокетничать. В моду вошли так называемые матроски (костюмчики из юбки в складку и блузона с морским во-

ротничком). Платьяца темные, и мам это вполне устраивает. Наоборот, мальчики стараются украсить костюм белым воротником или хотя бы ярким платочком в кармане нагрудном. «Кокетство» это особенно заметно на праздниках, когда девочки, приодевшись, поют или танцуют на маленькой сцене, а мальчики, раздевшись до маечек, демонстрируют свои «бицепсы». Появляются и пары, которые помогают друг другу, носят портфельчики и т. д. В городке на целую зиму осел проездной ленинградский театр. Завод его хорошо принял, предоставил много площадок для выступлений, неплохо платил. Во всех школах появились художественные кружки. Была организована даже поездка на олимпиаду (тогда популярные) в Свердловск, привезено много грамот, призов. Заводские ребята тянулись к ленинградцам, и общий облик некоторых классов стал даже выглядеть интеллигентнее. Мальчики донкихотствовали, Санчо Панса был не в почете, поэтому ребята стали заниматься гимнастикой. Стал развиваться дух соревнования, парты начали соревноваться друг с другом в рисунках, раскрашивании географических карт (ввели географию).

После занятий шли группками, парами, валялись в снегу да играли в снежки. Домой приходили раскрасневшиеся с мороза (Урал – не Ленинград). Не все нравилось мамам, но общий дух классов стал как-то интеллигентнее. Это было уже прогрессом... Война еще не началась, и жилось ребятам легко и радостно...

Трудности были еще впереди.

«Каташенька»

В начале 9-го класса у нас появилась новенькая. Тоненькая, с легкой походкой, натуральная блондиночка, в профиль она походила на Гете. К девчужке сразу потянулись мальчики и девочки из других классов. Она много знала, хорошо рисовала, и весь ее облик отличался каким-то особым обаянием.

Девочка приехала в эвакуацию из Ленинграда, где жила в районе Адмиралтейства. Там часто видели ее с альбомом

и остро заточенным карандашом в руках. Она была дочерью моряка и художницы и сама хорошо рисовала.

Катюша, как звали девочку, очень быстро стала центром притяжения других одноклассников. Девочки ей подражали, мальчики за ней ухаживали. У нее была сестра – маленькая рыжая девчушка, ничем, в отличие от Кати, не отличавшаяся. Без Кати же не обходилось ни одно дело. На ней в будни был клетчатый костюмчик, а в праздники – черное крепдешинное платье, вероятно, перешитое из мамино, отделанное скромной легкой вышивкой. Девочки перенимали фасоны. Училась Катя отлично, много знала и любила рассказывать о Ленинграде.

В конце третьей четверти семья уехала на запад, кажется, во Львов. По ее следам девочки получили 2 или 3 фотографии, и все.

Влюблены в нее были многие, но она не отдавала предпочтения никому.

Позднее, уже в Москве, я узнала, что она была серьезно влюблена в мальчика из их же дома, приехавшего из Нижнего Тагила.

Однажды я даже встречалась с ней у одноклассницы на дне рождения. Но потом Катюша как бы исчезла с нашего горизонта.

Позднее я узнала, что мальчик, к которому лежало ее сердечко, погиб на одной из многочисленных дорог Москвы, едва закончив вуз и поступив в аспирантуру.

Катю, в которую и я была влюблена, мне не удалось разыскать даже в послевоенной Москве. Но облик этой девочки остался в наших сердцах надолго: она была неподражаема.

Дома все звали ее странным именем «Каташенька».

Осень

(зарисовка с натуры)

Маленький, даже крохотный уголок «живой» природы посреди загазованного промышленного города (пока еще «жи-

вой»!). Всего-то: прудик, больше похожий на лужу. Но с островком, деревцем ракиты на нем и даже с утиным гнездом.

Дикие утки – пара – селезень и утица – ежегодно высиживают там птенцов. (Непонятно, где же они зимуют?) Родители вдвоем бороздят поверхность прудика, выискивают пищу. Кормятся. Нелегкое это дело – в наше время, да еще по осени. Держатся всегда вместе, так парой и плавают, дружные птицы. А вот птенцов уже не видно. Где-то они? Поубивали их, съели? А может быть, как и человечьи птенцы, разлетелись в разные стороны. Бог знает... Но так оживляют эти утки маленький водоем, поверхность которого уже загажена отходами цивилизации... Тихо. Безлюдно. Впрочем, нет, – вот белочка спустилась с дерева, – нужно лишь замереть, притаиться...

«Кар-кар, – говорит нарядная ворона в сером мундире. – Ты кто?»

– А никто, – хочется ей ответить. – Просто маленькая частичка этого мира. Этого, не того.

Счастье – что это?

Много ли человеку для счастья надо?

Если человек мал – совсем немного:

Надежные руки отца, полевой цветок – под ногами,
Да прогулка за город с отцом – настоящее счастье...

Если человек юн – немногим больше:

Гордость от школьных отметок,

Радость от нового платья.

Да вдруг пойманный заинтересованный взгляд – Его...

Если человек зрел, ему надо так много:

Разумом объять Вселенную,

Сердцем – всех своих близких.

И дом чтоб – полная чаша.

А если человек в преклонных годах?
Полагаете, ему мало надо?
Ему надо все, что в детстве,
В юности, в зрелости.

Да еще – бесконечно многое!
Ведь дней у него в запасе
Так несоразмерно мало.

Декабрь 1997 г.

Тебе – на 60-летие

Суеверна я с годами стала:
Не хочу Судьбу благодарить.
И что сорок лет назад Жар-птицу я поймала,
Никому не стану говорить!

И что до сих пор люблю тебя безмерно,
Я об этом тоже не скажу,
Впрочем, все ты знаешь сам, наверное,
Даже если косо погляжу...

Январское

Если холодно станет телу,
Можно теплым пледом укрыться,
Можно сучьев в костер подбросить
Или выпить горячего чаю.

Если холод проникнет в сердце,
Прогони его ласковой песней,
Изгони его добрым поступком
Или просто о маме вспомни.

Если душу охватит холод,
Не помочь никаким советом.
Невозможно душе согреться,
Мрак и холод ее поглотят.

Береги от холода душу,
Как от пыли зеницу ока.
Слишком хрупка суть нашей жизни,
Без души человека не станет!

О стихах

Стихи как музыка, рождаются в душе.
Еще не выражены в звуках или в нотах,
Они уже витают в настроенье,
В неясных образах, в виденьях смутных...

Стихи, как мысли, что взбрели на ум,
Должны приобрести простую ясность –
Так логике подвластны и стихи,
Ей подчиняясь и в словах и в мыслях...

Стихи, как дети в материнском чреве,
Должны созреть и в сердце, и в уме
И получить однажды воплощенье
В гармонии и образов, и слов.

Июнь 1991 г.

Немного о музыке

Музыка – груз нелегкий,
Тяжелей, чем крест на Голгофу.
Давят звуки на голову,
На плечи, на спину, на легкие...

Кажется, не продохнуть...
Но вот аккорды рассыпались,
И можно вокруг взглянуть
На потолок, кресла, людские лица...

И сразу груз меньше давит.
А музыка все прекраснее!
Все ноты на место ставит,
И в каждой мелодии – свои краски!

Словами все это не высказать,
Лишь в душе останется свет.
Да еще это можно выразить
В стихах, если сможешь оставить след.

Весна 2008 г.

ВРЕМЕНА ГОДА...

(просто подборка, личное и не очень)

*«Это было или не было
Это снилось или виделось...»
(Уж и не помню – откуда.
В общем: «быль иль небыль»!)*

Январь

XX век

Двадцатый век.
Безумный век – вокруг вопит и скачет.
Понять не может человек,
Что это значит.

Безумный век, бездумный век,
Что эти игры значат?
А на отшибе – человек.
Он горько плачет.

Бездумный век. Жестокий век.
Он не скорбит, не плачет!
А Человек?
А Человек уж ничего не значит.

Январь 1994 г.

Февраль

Горечь утраты (Б.)

Поздний февральский вечер.
Воздух пахнет весной.
Нечаянная встреча.
Шагаешь рядом со мной.

Снегом тающим ветер
Бросается нам в лицо.
В призрачном желтом свете
Бульварное кольцо.

Фонари проплывают мимо.
Айсберги окон вокруг.
Тяжко – невыносимо.
Что же случилось, друг?

Казалось бы все, как прежде.
Но Голгофой привычный путь.
Просто – ушла надежда –
Тебя вернуть.

1947 г.

Март

*«Он говорил мне...»
(Это было или не было?)*

Мартовская снеговерьт.
На сердце мятежно.
Поверить или не верить:
Что любит страстно и нежно?
Ведь это – несовместимо!
Но – не поверить, – все пронесется мимо,
Как снежная круговерьт.
И никогда не узнать, что это было.
Будешь потом локоть кусать,

Ан было – да сплыло.
Может, лучше поверить?
Хоть останется память.
Снежная круговерть...
На сердце – замять.
1949 г.

Апрель

Апрельская лесная сказка

Восемь палатных недель...
И будто подарок щедрый:
Зеленую дымку апрель
Озерным колышет ветром.

Набросал золотых монет
На глинистом косогоре.
Даже стебля у крошек нет,
Но горят они, с солнцем споря.

А в укромном лесном уголке
Взлелеял пушистое диво –
На мохнатом седом стебельке
Сон-травы бокал горделивый.

Да назад, назад оглянись: голый прут,
К нему крестик пришпилен рубиновый.
И один-единственный лист,
Но блестящий, как креп-сатиновый.

Волчье лыко красиво цветет.
В пепле голого леса цветы его – искорки –
Кажется, можно обжечься.
Ядовито оно, но уж это не в счет!
Как иначе, скажите, такой красоте уберечься?

Май

Диалог с врачом

(ироническое и горькое себе самой)

– Да, аритмия, Вам покой полезен, –
И выдал врач «больничный» – на неделю.
(Ах, милый доктор, разве в этом дело?
Весна вокруг – причина всех болезней!)

– Да-да, сказалось переутомление!
На отдых от научных дел надежда!.. –
(А как унять весеннее цветенье,
Которое волнует, как и прежде?)

Нет! Пуще и больнее – с каждым годом!
Ведь дней у нас в запасе меньше стало.
И если в сердце что-то «разболталось», –
Тому виной – волнение в природе.

Томление... волнение... цветение...
И даже в рифму пусть – «сердцебиение».
Но только бы горение, не тление, –
Не тот покой, что тлен и разрушение.

9 мая 1982 г.

Июнь

Памяти школьного товарища (К. Г.)

Запахом клейкой листвы тополей
Воздух повсюду наполнился.
И ты – такой милый, – не бывают милей!
Таким ты мне и запомнился.

В окно влетал тополиный пух.
Газон как снегом им наполнился.
И на нежных щеках – только легкий пух.
Таким ты мне и запомнился.

А в школьных классах те июньские дни
Тишиной необычной полнились.
И какими счастливыми были они!
Такими навсегда и запомнились.
1944–1994 гг.

Июль

Круиз, или Интернационал?

(шуточное – себе самой, для поднятия настроения)

Петербург.
Морвокзал.
Суета.
Чемоданный досмотр, паспорта.
Добраться б скорей до кают,
Где ждут нас прохлада, уют!
И вот –
теплоход.
Он тоже нас ждет!

Ждут:
грек-капитан и матросы
С Филиппин
или из Малороссии.
И ждут у кают стюардессы.
Они из Москвы
И Одессы.
Зовут их Оксаны и Маши,
Но все это девушки наши.
И ждет нас знакомый бармен,
Принимавший валюту –
в обмен
На виски, коньяк или пиво.
Этакий мачо красивый!
А над всем, развеваясь над нами,
Ждет нас флаг красно-синий –
Панамы.

Ура! Мы от пирса отходим.
И наш дом теперь на теплоходе!
Целых три недели! Замечательно!!!
2002 г.

Август

«Несбывшееся, или Козерог-недотрога» (очень личное)

Ты не был моим,
и я твою не стала.
Хотя мы этого
очень хотели оба.
Хотя, казалось бы, нам тогда
ничто не мешало...
Не знаю, как ты, а я буду
помнить об этом «до гроба».
Так явно все помню,
как будто вчера это было.
Поздний вечер. Луна.
Тишина. И лесная дорога.
И страсть, что нас обоих
тогда охватила.
Но я, оказалось,
была такой недотрогой.
Потом уж жалела,
но прошлого не воротить.
И повторить тот порыв
не смогла ни одна наша встреча.
Так что же теперь, под старость
себя за это корить?
За то, что мы испугались
себя и друг друга в тот вечер?
Июль 2001 г.

Август – сентябрь

Сентябрьская акварель

(на стене палаты № 252)

Зазимье. Серое на белом.
И охры редкие мазки.
Да в редколесье опустелом
Местами красные клочки.

Березок хилых островок.
Полоской темною лесок.
Полузамерзший водоем,
Льда сероватый окоем.

Под черной тучей, снег несущей,
Холмы, белея, засыпают,
И весь пейзаж зимы грядущей
Лишь две сороки оживляют.

Такая скромная палитра...
А сколько нежности и ласки
К родной природе нам открыла
Кисть легкой акварельной краски...

Август – сентябрь 2005 г.

Сентябрь

Осеннее настроение

Хмарь и тучи. Нет просвета.
Не сияет неба просинь.
Отзвенело, видно, лето,
И приходит снова осень.

Хмарь и тучи. Нет просвета.
Не мелькнет и неба просинь.
Уж прошло и «бабье лето»,
И вступила в силу осень.

Хмарь и тучи. Нет просвета.
Не видна уж неба просинь,
Затерялось солнце где-то,
И дождями плачет осень.

Уж зима грядет на смену
(Быстро кончилось ненастье).
Так и в жизни – неизменно
Горя боль сменяет счастье.

Октябрь

Предзимье

Предзимье. Не зима, не осень.
Ни снега, ни листвы вокруг.
Мелькнет лишь в тучах неба просинь
Да свистнет свиристелька вдруг.

Да гроздь рябины вдруг украсит
Пучок березовых ветвей.
А яблонька-дичок раскрасит
Блестящим бисером всю эту серость дней.

2008 г.

Бабье лето

Неба синь – сквозь серость тучек.
Лист багряный – в кучах злата.
Золотом земля укрыта.
Нива ж снова зеленеет.

Как прекрасно это время! –
Бабье лето – напоследок
Солнце землю согревает,
Будто счастье обещает.

Осенние мотивы...

Осень – морось.
Осень – дождик.
Осень – золото деревьев.
Пень, опенками поросший,
И прощанье с милым летом...
Осень – серость.
Осень – сырость.
Осень – это грязь и лужи.
Плод созревший, лист опавший
И шуршащий под ногами...
Но всех французских ароматов
Легче, слаще, благовонней
Запах преющей листвы...
Солнца луч – сквозь дымку тучек
Драгоценней, чем подарок
Ювелиром сотворенный...
А рябины лист багряный
Да кистей ее кораллы,
Даже горечь ее ягод –
Все как роскошь украшений
Итальянских дождей властных,
В кубки яда добавлявших...
Ты полна противоречий.
Все в тебе перемешалось.
Осень-осень, ты приносишь
Нам и радость, и печаль.
Но зачем же тут терзаться,
Если знаешь, будут зимы,
Будут весны, будет лето,
Надо только очень ждать...
Осень 2009 г.

* * *

Все – покоя приближенье,
Всей природы засыпанье,
Знаешь – только шаг в движенье
И круженье мирозданья.

Надо просто сил набраться,
Сил, терпенья и сознанья,
Что ждать счастья можно снова
Даже в самый хмурый день.

Сентябрь 2001 г.

Апрельская сказка

Ну, а вот мотыльками нежными
На ветру заметались подснежники.
Венчик белый, а ножки тонкие,
Словно в белых платках девчонки.

А в сухобылье – беспризорниками
Серо-синие капли фиалок:
То ли брызги воды озерной,
То ли снега остатки талого.

Даже здесь, в затишке у сарая,
Лопухие вылезли лопухи,
И крапива еще не злая,
И побеги пырея тонки и легки.

Птичий гомон и ароматы!
Свежесть ветра и солнца тепло!
Уж такой ты, апрель, богатый,
Как же нынче мне повезло!

Ах, апрель-апрель – чудодей!
Чудеса твои – мне лекарством.
Может, ты и есть Берендей?
И брожу я берендеевым царством?

Апрель 1978 г.

Поздняя осень

Если очень на душе тяжело,
Если, кажется, и выхода нет,
Посмотри за оконное стекло
Да подумай, что другим – тяжелей.
Птицам, кошкам да бездомному зверью –
Вот уж кому выхода нет,
Вот кому сейчас жить тяжело.
Помоги им и смотри веселей.
Кошку грязную и хилую погладь,
Пожалей бездомного пса,
Крошек воробьям набросай,
Даже серой вороне что-то брось:
Кусок мяса, корка хлеба – еда.
Да скорей отойди от куска,
Пусть поверят тебе птица или зверь,
Что в душе твоей хитрости нет,
Что в руке не утаено зло.
Вот и станет теплой на душе,
Даже день сразу станет светлей.
Осень – зима 2000 г.

* * *

Не люблю, уралка, зиму,
Ни снегов ее верченье,
Ни метелей песнопенье.
Не люблю, уралка, зиму.

Не люблю, уралка, ветры,
Их унылый вой ночами,
Даже солнца луч холодный.
Не люблю зимы, уралка.

Не люблю замерзших окон,
Не люблю скользящих тропок

И тяжелых шуб мохнатых,
И кокетливых дубленок.

Все равно зима сурова,
Хмура, грустно-неуютна.
Даже снежные сугробы
Не украсят сквер наутро.

Даже нежные узоры –
Иней кружевом на ветках –
Не прельстят прохожих взоры,
Если сквер пронизан ветром.

Если улицы замерзли,
Покраснели щеки, лица,
Если люди прячут руки
В меховые рукавицы.

Не хочу, уралка, мерзнуть.
Не хочу, чтоб мерзли птицы.
Даже в сырости промозгло,
Если оттепель случится.

Все живое в холод жалко.
Не люблю зимы, уралка.

* * *

Когда-то в древности наш предок волосатый
Нес женщину – добычу на плечах.
В Средневековье, уж закован в латы,
За даму сердца бился на мечах.
XX век – совсем иное дело –
Мужчине нужен ум наш, а не тело.
В костюме и при галстукe, наш рыцарь
Помог нам равноправия добиться.
Но вот теперь пошел процесс обратный,
И род мужской готов уж на попятный:
Де, слишком много власти мы забрали;

Даже Сократ в ту эпоху Малого Знания
«Титул» ученого взять на себя не решился.
Что ж удивительного в моих терзаниях
В пору, когда Знанием Великим мир заразился?
Маленький этот opus (кирпичик)
меж двух коленкорových корок, –
Много ли знаний в нем таком уместится?!
И если тебе не двадцать, а с длинным хвостиком сорок,
То очень и очень непросто на него и себя положить...
1975 г.

Себе самой

Нам 50? – Ах, этакая малость!
Задуматься, так жизнь не начиналась.
Лишь краше зори стали каждый вечер.
Нетерпеливей дню спешим навстречу.
Да ярче мир вокруг воспринимаем,
Сильнее любим и сильней страдаем.
Все больше мы расходует на службе.
Дороже ценим проявления дружбы.
Мудрее мысли. Строже стиль одежды.
А в остальном – такие мы как прежде.
Полвека. В общем, это вовсе мало.
Забудем этот счет. – Начнем сначала!
Декабрь 1977 г.

Март – апрель 2006

«Уж 79-я весна...»

Уж 79-я весна...
Скажите: много это или мало?
Природа вот восстала ото сна,
А мне лишь с каждым днем тоскливей стало...

Казалось бы, что прожит срок не зря.
Но если высказать правдивое признание,
То в радость еще каждая заря
И не исчерпаны до дна желанья.

Слабеет, правда, память, силы убывают...
Бессонными бывают часто ночи.
Да ведь и в молодости так бывает.
А годы сознавать душа – категорически – не хочет!

* * *

На Земле Человек жил.
Был совсем неплохим.
Шел он своей судьбой.
Жил он в мире с собой.
Ладили люди с ним.
И он Человеком был.
Но как Человеку быть,
Коль все изменилось вдруг,
Разума свет угас,
Тьма над Землей разлилась,
Не видно людей вокруг?
Как Человеку жить?
(Мрачное, – но это ведь XX век!)

* * *

Как это трудно – качество менять,
Коль уж давно оформились манеры,
Привычки, склонности... Кому пенять,
Что поздно уж теперь лишаться веры
В то, во что верилось так много лет?..
И надо ли теперь, сменивши вкусы,
Мне надевать кольцо или браслет,
Раз я привыкла только к скромным бусам?..
Так трудно естество свое ломать
Для новых статусов, хоть и желанных!

И если бы заранее все это знать,
То захотелось ли бы «титолов»
Столь долгожданных?

Quasi testamentum

Если меня не станет,
Люди, вы не горюйте!
Свечку на стол поставьте.
Зажгите, потом задуйте.
Легкая струйка-дымка
Вверх от свечи взовьется.
Да запах от фитилька
По комнате разнесется.
Поскорее задуите свечу,
Пока она не сгорела.
Так и я улечу, улечу,
Оторвавшись душой от тела...
Черным столбом из пекла
Душа устремится в небо.
А в топке лишь горстка пепла,
Будто тела и не было.
И хочу я вам, люди, сказать:
Все, что судьбой нам назначено,
Надо проще, мудрей принимать,
Лишь не надо, не надо,
Не надо – плача!
В нашей жизни
Множество обозначено вех.
А смерть – ну что же –
Всего лишь одна из всех –
Но последняя!

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕННАДИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ИГНАТЕНКО

<i>Савицкий П. И.</i> Основатель уральской школы международного права	4
<i>Суворова В. Я.</i> Мой учитель	11
<i>Федоров И. В.</i> Мой первый «главный»	13
<i>Драпкин Л. Я.</i> К юбилею друга	15

Статьи и рецензии Г. В. Игнатенко

Международно-правовой статус субъектов Российской Федерации	16
Федеральный закон о международных договорах Российской Федерации	36
Договоры Совета Европы и правовая система России	52
Гражданское судопроизводство и международное право: новеллы в ГПК РСФСР	73
Международно-правовые аспекты взаимодействия материальных и процессуальных норм в АПК и ГПК РФ	83
Российское нормотворчество в механизме имплементации международного гуманитарного права	92
Запрет повторного привлечения к ответственности (<i>non bis in idem</i>) как общий принцип права	104
Память о них жива в делах Академии	125
О зарождении и эволюции коллизионного регулятора взаимодействия внутригосударственных и международно-правовых норм	138
Международное право: предмет регулирования как комплексная конструкция в рамках системного исследования	146
Рец. на кн.: <i>И. И. Лукашук.</i> Нормы международного права в международной нормативной системе. – М.: Спарк, 1997. – 322 с.	161

Рец. на кн.: <i>М. И. Клеандров</i> . Очерки российского судопроизводства: проблемы настоящего и будущее. – Новосибирск: Наука. Сибирское предприятие РАН, 1998. – 192 с.	167
Рец. на кн.: <i>И. И. Лукашук, А. В. Наумов</i> . Международное уголовное право: Учеб. для юридических факультетов и вузов. – М.: Спарк, 1999. – 287 с.	176
Рец. на Казахстанский журнал международного права	180
Рец. на кн.: Конституции государств Европы: в 3 т. / Под общ. ред. и вступ. ст. Л. А. Окунькова. – М.: Норма, 2001	182
Рец. на кн.: Международный уголовный суд: Сб. док. / Сост Р. М. Валеев, А. Р. Каюмова. – Казань: Центр инновационных технологий, 2004. – 428 с.	188
Рец. на кн.: Международное публичное право: Курс лекций / Отв. ред. Г. И. Курдюков. – Казань: Центр инновационных технологий, 2004. – 269 с.	192
Рец. на кн.: <i>В. Г. Буткевич, В. В. Мицик, О. В. Задорожній</i> . Міжнародне право. Основи теорії. – Київ: Либідь, 2002. – 606 с.; Міжнародне право. Основи галузі / За ред. В. Г. Буткевича. – Київ: Либідь, 2004. – 814 с.	196
<i>Драпкин Л. Я.</i> На смерть Геннадия Владимировича Игнатенко ...	206

АРГИРА ВАЛЕРИАНОВНА ИГНАТЕНКО

Автобиография	207
<i>Костогрызова Л. Ю.</i> Несколько слов об Учителе	213
<i>Евсеенко Т. П.</i> Об Учителе	218
Статьи А. В. Игнатенко	
Территориально-политическое устройство в Древнем Риме	228
Правовой статус и историческая роль Ганзейского союза (один из ранних опытов протоконфедерации в Европе)	244
Кризис Римской республики (историко-теоретический аспект) ...	249
Проза и стихи А. В. Игнатенко	258

Литературно-художественное издание

Геннадий Владимирович ИГНАТЕНКО
Арги́ра Валериановна ИГНАТЕНКО

ИЗБРАННОЕ

Главный редактор Издательского дома
«Уральская государственная юридическая академия»
А. Н. Митин

Редактор *Н. Н. Степанова*
Компьютерная верстка *А. А. Холодилова*
Дизайн обложки *Е. И. Фролова*

Подписано в печать 26.10.12. Формат 60×84/16.
Бумага писчая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,74. Уч.-изд. л. 14,87.
Тираж 250 экз. Заказ № 72

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, п. 1 ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит

Уральская государственная юридическая академия.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

Отдел дизайна и полиграфии
Издательского дома
«Уральская государственная юридическая академия».
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23.
Тел.: 375-58-31, 374-32-35. E-mail: idom@list.ru